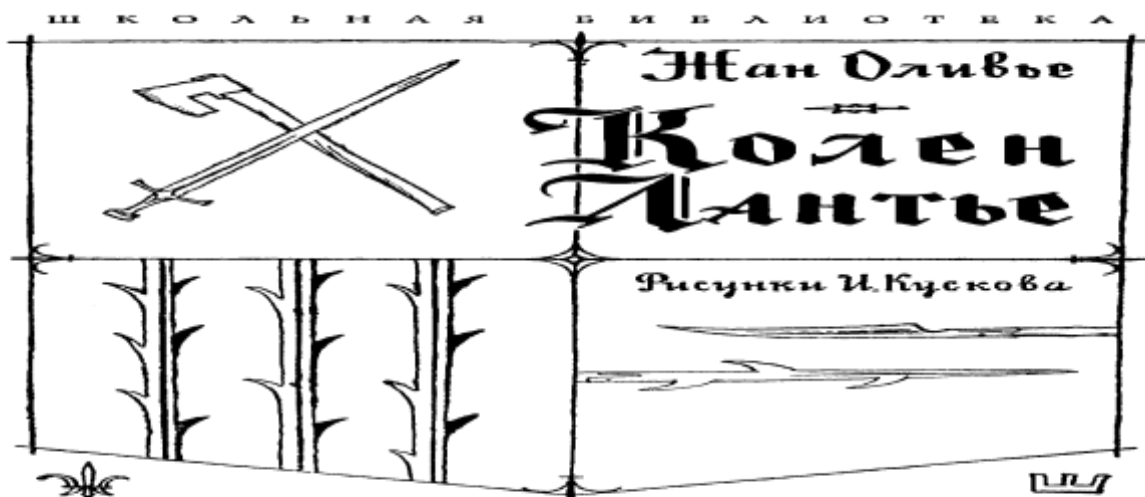
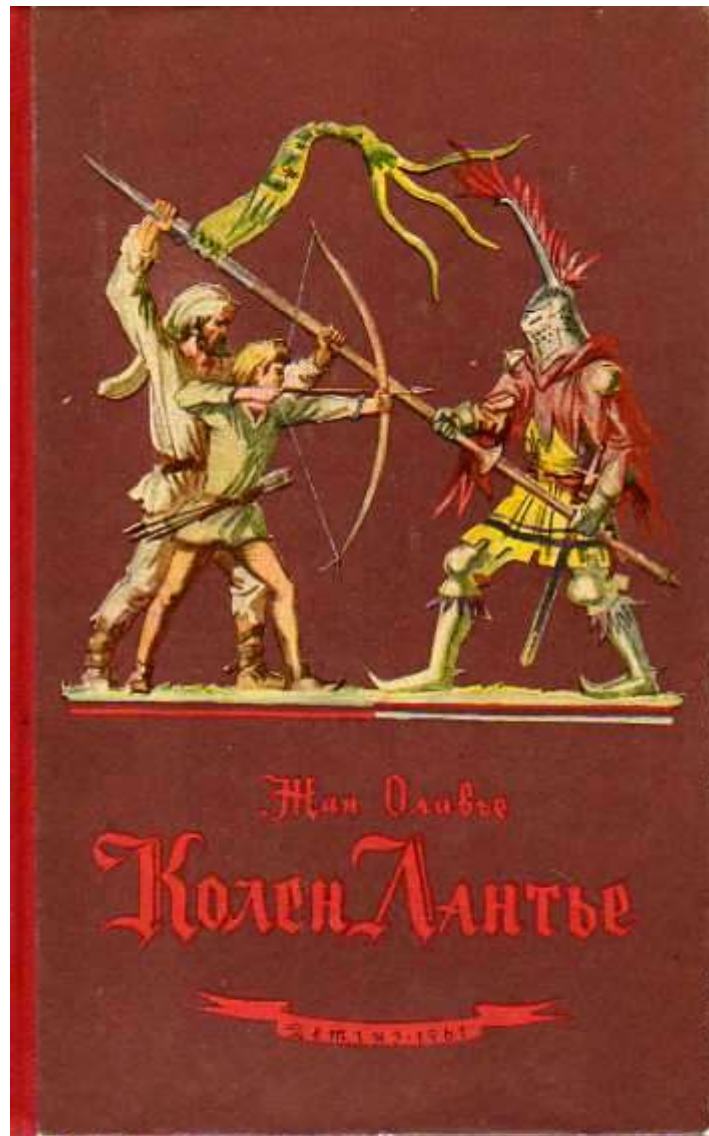

Жан Оливье Колен Лантье

**Jean Ollivier
(1925–2005)
Colin Lantier**

**Жан Оливье
Колен Лантье
Историческая повесть**

**Перевод с французского Н. Брандис и Э. Шрайбер
Предисловие А. Люблинской
Редактор Д. Горфинкель
Рисунки И. Кускова**

**А. Люблинская
Предисловие**

Хочешь мысленно перенестись во Францию, какой она была шестьсот лет назад, и не один, а в обществе твоего ровесника, пятнадцатилетнего паренька Колена Лантье, о котором тебе расскажет современный прогрессивный французский писатель Жан Оливье, автор многих исторических и приключенческих повестей для юношества? Прочти эту книжку, её герой наверняка придётся тебе по душе. Отличный стрелок, отважный, находчивый и весёлый, он сперва покажет тебе свой родной Париж в ясный майский день 1358 года, а потом вместе с ним ты покинешь столицу и попадешь в тёмные леса, в разорённые деревни, сожжённые города и замки, где в конце мая – начале июня разыгралась одна из самых грозных и величественных народных трагедий – Жакерия, французская крестьянская война, оставившая глубокий след в истории страны и в сознании народа. Вместе с Коленом ты станешь свидетелем тягчайших бедствий французских крестьян, поймёшь их справедливый гнев и волю к борьбе, их страстное желание искоренить на всей земле господ-поработителей и свободно вздохнуть полной грудью. Ты поймёшь, почему юное сердце Колена привело его в ряды восставших. Он разделил их надежды и стремления, сражался в их рядах и был на волосок от смерти. Он не покинул своих друзей и после поражения, уйдя с ними в глухие леса, чтобы жить опасной жизнью людей, восставших против закона и поставленных вне закона.

Колен Лантье, как и знакомый тебе маленький Гаврош, воплотил в себе лучшие черты французского народа и достоин остаться в твоей памяти. Пусть не сохранилось о нём упоминаний в документах и записях современников, пусть создан он воображением писателя.

Хорошо известно, что десятки и сотни тысяч таких же, как он, взрослых и юных крестьян и ремесленников, чьи имена тоже не дошли до нас, подняли восстание, грозившее разрушить установленный несправедливый порядок, при котором на долю народа оставались только беспросветная нищета и бесправие.

В повести выведены и реальные исторические лица: Этьен Марсель со своими сторонниками, Гийом Каль, король наваррский Карл Злой, дофин Карл, французские и английские рыцари. О них и о Франции надо сказать несколько слов – тогда многое станет понятнее.

* * *

Страна переживала тяжёлую пору. Более двадцати лет шла неудачная война с англичанами (впоследствии получившая название «Столетней»). В двух больших сражениях – при Креси в 1346 году и при Пуатье в 1356 году – французская армия была разбита. Особенно тяжким было поражение при Пуатье. Немало рыцарей полегло на поле боя, но многие или позорно бежали, или сдались в плен. Был пленён сам король Иоанн и увезён в Англию. Страна осталась без армии, без денег, без главы государства. Народ был глубоко возмущён недостойным поведением дворянства. Возвращавшихся домой рыцарей встречали насмешками, бросали в них палки. В своих песнях народ обвинял их в предательстве, в том, что они обесчестили родную страну, требовал, чтобы в армию призвали Простака Жака (Жаками называли тогда крестьян): «Уж он-то не побежит от врага, спасая свою шкуру».

Несмотря на перемирие, заключённое в 1357 году на два года, Францию, особенно её северные и западные области, опустошали и разоряли французские и английские отряды, банды, предводительствуемые капитанами-головорезами, для которых война была прежде всего средством наживы.

Горожан защищали каменные стены и башни, а крестьяне были брошены на произвол судьбы и сами должны были оберегать свою жизнь и имущество. «В этом 1358 году, – записал один современник, – во многих деревнях церкви были превращены в настоящие крепости, вокруг них были вырыты рвы, а на башнях и колокольнях поставлены приспособления для метания камней. Так крестьяне защищались от нападений, а случались они довольно часто». По ночам жители несли стражу, и при первой же тревоге вся деревня укрывалась в церкви. Не раз такая оборона бывала удачной, и о крестьянах-воинах шла в народе восторженная молва.

Однако далеко не всегда эти импровизированные крепости могли спасти население, и тогда единственным спасением было бегство в леса и болота, на речные острова, в соседние города.

Но не только от грабителей страдали крестьяне. С них требовали денег для уплаты выкупа за пленных рыцарей и короля, требовали хлеба, мяса и вина для снабжения замков сеньоров, требовали барщины для постройки укреплений. Дворяне словно договорились с англичанами, чтобы обобрать крестьян до нитки.

Мы не знаем, действительно ли собрались ночью в лесу крестьяне области Бовези, среди которых оказался и герой нашей повести. К сожалению, о Жакерии дошли до нас лишь краткие сообщения и многим предположениям суждено остаться только догадками. Но в данном случае они очень правдоподобны. Переполнилась чаша терпения крестьян, и восстание почти одновременно вспыхнуло в разных местах. Через несколько дней оно охватило все области Франции, расположенные на восток от Сены.

В течение двух недель (28 мая – 10 июня) крестьяне были в этих сельских местностях полными хозяевами.

Множество рыцарских замков было разрушено и сожжено, рыцари убиты. Некоторые в панике бежали в города, ища там убежища. Современники ещё долго называли это восстание «ужасом» и «войной не дворян против дворян»; название Жакерии оно получило лишь впоследствии.

Бедный люд некоторых городов сочувствовал и помогал восставшим, но во многих городах вокруг Парижа были такие сильные гарнизоны, что народ не мог впустить к себе крестьян. Один отряд парижан действовал совместно с Жаками, но всё же в основном крестьянам пришлось полагаться только на себя. Во главе их отрядов стояли выбранные ими начальники, а главным их «капитаном» был Гийом Каль (или Карль), человек смелый, знавший толк в военном деле и хороший организатор.

Крестьян было много, и, услышав о приближении рыцарей, они решили сразиться со своими врагами в открытом бою.

И вот на поле вблизи деревни Мелло оказались построенными друг против друга две армии: войско крестьян и войско рыцарей. Надо хорошенько вдуматься в эти слова. И раньше бывали во Франции восстания крестьян и горожан, но никогда ещё они не были

столь грозными, не вовлекали такую массу людей, не ставили себе целью «истребить всех дворян до последнего и самим стать господами».

Те самые «вилланы» (то есть жители деревень), которых рыцари презирали настолько, что в их устах это слово стало ругательством (подобно словам «мужик», «мужлан» в крепостной России), стояли теперь против сеньоров, полные боевого пыла и решимости сражаться до конца.

Им не удалось тогда победить своих классовых врагов. У крестьян не было союзников. Не созрела ещё буржуазия, чтобы возглавить борьбу народа с феодализмом и сокрушить его, как это произошло во Франции в конце XVIII века. Не было ещё рабочих, чтобы бороться вместе с бедными крестьянами против буржуазии.

В 1358 году, как и не раз впоследствии, крестьяне потерпели поражение, и расвирепевшие дворяне с невероятной жестокостью и бесчеловечностью подавили восстание. И всё же Жакерия оказалась первым страшным ударом, который был нанесён французским феодалам, и они долго вспоминали его с глубоким страхом, боялись слишком повышать платежи и поборы.

Крестьянам легче стало выкупаться на волю, уходить в города на заработки. Хотя тысячи их братьев заплатили своей жизнью за прекрасную мечту о свободной жизни без господ, хотя феодальный строй ещё сохранился, но неумолимый ход жизни уже начал его незаметно подтачивать, а новые и новые восстания крестьян и ремесленников наглядно показывали, что в народе не угасла эта прекрасная мечта и что он надеется рано или поздно осуществить её.

* * *

Жакерия происходила одновременно с восстанием в Париже, начавшимся ещё в 1350 году. Во главе восставших стоял купеческий старшина Этьен Марсель. Это был очень богатый купец-суконщик, имевший обширные торговые связи с другими французскими и фламандскими городами, сорокалетний человек с большим жизненным опытом, хороший оратор. В среде парижских купцов и ремесленников он был первым и самым влиятельным лицом. Париж не был коммуной, то есть городом, где вся власть принадлежала городскому совету. В столице всегда пребывал король и находились подвластные ему суды (парламент, Шатле), финансовые учреждения (Счётная палата); преступников судил и наказывал королевский суд. Но в ведении купеческого старшины и возглавляемого им городского совета находились все дела, касавшиеся торговли – значит, купцов, цехов и ремёсел – значит, ремесленников, забота о снабжении Парижа продовольствием, об охране его стен и башен, о поддержании в городе порядка и т. п. Следовательно, обязанности купеческого старшины были очень обширны и власть его велика.

Но не только крестьяне питали ненависть к дворянству. Уже издавна она свила себе гнездо и в городах. Немало ратного труда положили горожане и немало денег истратили, чтобы освободиться от угнетения и притеснения своих сеньоров. Многим городам северо-восточной Франции удалось изгнать их из пределов своих стен и образовать коммуны. Уже к началу XIV века, то есть за полвека до Жакерии, города были настолько богаты и влиятельны, что именно от них короли получали самые значительные средства для ведения войн и для дел внутренней политики. С помощью Генеральных штатов, где заседали представители трёх сословий – духовенства, дворянства и «добрых городов», Филипп IV Красивый успешно осуществил борьбу с римским папой и вёл завоевательные войны. Во время Столетней войны Генеральные штаты, в особенности же наиболее многочисленное и денежное сословие горожан, стали очень авторитетным органом – ведь они давали большую часть субсидий на содержание армии и считали поэтому себя вправе следить за расходованием этих средств. Поражения французского оружия задевали их вдвойне. Они негодовали на рыцарство, не выполнившее своего воинского долга, и на высших королевских сановников, расходовавших народные деньги без должной тщательности и

бережливости.

В 1356 году после битвы при Пуатье, когда правителем Франции стал старший сын пленённого короля Иоанна, дофин¹ Карл (будущий король Карл V), девятнадцатилетний неопытный юноша, Генеральные штаты, главную роль в которых играли города, а среди них – Париж, фактически взяли в свои руки управление государством. Они оттеснили на задний план духовенство и дворян, постановили взимать и с них военные субсидии (и притом в значительных размерах), потребовали проведения реформ в Королевском совете и отставки наиболее ненавистных всем парижанам сановников. Дофину пришлось скрепя сердце пойти на некоторые уступки, но за старых слуг своего отца он держался крепко, несмотря на их всем известные злоупотребления. Тогда и произошло то знаменательное событие, о котором в повести рассказывает Колен Лантье: 22 февраля 1358 года парижане во главе с Этьеном Марселем ворвались во дворец и на глазах у дофина убили двух его ближайших советников, Шампанского и Нормандского маршалов. На перепуганного Карла Этьен Марсель надел свою красно-синюю шапку; это были цвета Парижа – дофин как бы попал под опеку восставшей против него столицы. Через месяц он бежал из Парижа и стал собирать войска, чтобы взять город силой и вернуться к себе во дворец властелином.

Здесь надо рассказать о Карле Злом. В ту пору было ему 26 лет, и был он, по свидетельству современника, человеком небольшого роста, ума быстрого и проницательного, отличался большим красноречием и ласковостью в общении. Вместе с тем своё прозвище он успел уже получить по заслугам. Примечательна его судьба. По своему отцу, Филиппу д'Эвре, был он правнуком короля Филиппа Смелого, а по матери, Иоанне, – внуком Филиппа Красивого. В 1328 году пресеклась старшая линия (в которой корона всегда передавалась по прямой линии от отца к сыну) королевского рода Капетингов, правившая во Франции с 987 года. После смерти сыновей Филиппа IV остались от них только дочери. Тогда и был выработан так называемый Салический закон о престолонаследии, по которому французская корона, в случае отсутствия сыновей или братьев, не передавалась ни принцессам, ни их сыновьям, но переходила к старшему представителю боковой линии Капетингов (им мог оказаться дядя, двоюродный брат или племянник покойного короля). Сделано это было для того, чтобы на французский престол не вступил внук Филиппа Красивого – сын его дочери Изабеллы, ставший в 1327 году английским королём Эдуардом III. По европейским феодальным законам, применявшимся в Англии, Испании и в других странах, внуки королей по материнской линии наследовали корону предпочтительно перед боковыми родственниками. Во Франции же, в интересах укрепления национального государства, которому угрожали давнишние притязания английских королей, был введён Салический закон, отстранивший в первую очередь Эдуарда III, а во вторую – Карла Злого.

Оба они не желали считаться с этим «нечестивым нововведением», и оба стремились присвоить себе желанную корону: английский король действовал силой, наваррский король – хитростью.

Карл Злой владел маленьким, расположенным на северных склонах Пиренейских гор, королевством Наварра, доставшимся ему от матери, и многочисленными землями и поместьями в Нормандии. Его владения были расположены на крайнем юге и на крайнем севере Франции. В своём южном королевстве он бывал редко, и оно было ему нужно, главным образом, для того, чтобы набирать там воинов. Его политические интересы заставляли его жить главным образом в Париже или неподалёку от него, и главным козырем было для него господство в Нормандии. Ведь он мог в любую минуту, если ему это было выгодно, предоставить англичанам возможность высадиться на французский берег.

Уже при короле Иоанне Карл Злой затеял сложную и опасную игру, стремясь получить во Франции побольше владений и политической власти, то ссорясь, то мирясь с королём.

---

¹ Наследник французской короны назывался дофином потому, что до своего восшествия на престол он был наместником в юго-восточной области Дофине, присоединённой к Франции в 1349 году.

Втайне от него он договорился в 1354 году с Эдуардом III об оказании ему помощи при завоевании Франции и обещал признать его французским королём, если тот отдаст ему всю Нормандию, Шампань и южные провинции. Это была настоящая измена; узнав о ней, Иоанн казнил приближённых Карла Злого, а самого его заточил в один из замков. После битвы при Пуатье он был освобождён и задумал стать французским королём. Этьен Марсель боролся с дофином, готовившим осаду Парижа и препятствовавшим подвозу продовольствия. Парижанам для защиты нужны были войска, поэтому купеческий старшина стремился привлечь Карла Злого на свою сторону. Тому тоже нужны были помощники и союзники в его честолюбивых замыслах. Оба они пытались использовать друг друга в своих интересах, каждый действовал сообразно своим расчётам, и союз их не мог быть прочным. Когда Жакерия заставила феодалов прежде всего защищать своё господство, Карл Злой с наваррцами и нормандцами, к которым присоединились другие французские рыцари и англичане, поспешил выступить против восставших Жаков и разбил их².

Разгром восставших крестьян ускорил и конец парижского восстания. Ещё раньше стала заметна рознь между народными массами Парижа – мелкими ремесленниками и торговцами, подмастерьями, учениками, чернорабочими – и богатеями, которых возглавлял Этьен Марсель и чьи интересы он в первую очередь защищал.

Их правление нисколько не облегчило тяжёлое положение народа, восставшим крестьянам они не помогли. В народе поднялся против них ропот. Тайные сторонники дофина – а их в Париже было немало – воспользовались этим. Спустя полтора месяца после разгрома Жаков, в ночь на 31 июля 1358 года, Этьен Марсель был предательски убит. Через два дня дофин вернулся в Париж.

Наш Колен уже не был свидетелем этих событий; он остался с уцелевшими Жаками, своими товарищами, и видел страшную казнь Гийома Каля. Путь в Париж был ему заказан – ведь было немало очевидцев его дружбы с посланцем Жаков Одри. Их видели, когда они вместе приходили к Этьену Марселю. Колен окончательно связал свою судьбу с судьбой народных борцов, и на этом мы расстаёмся с нашим героем.

* * *

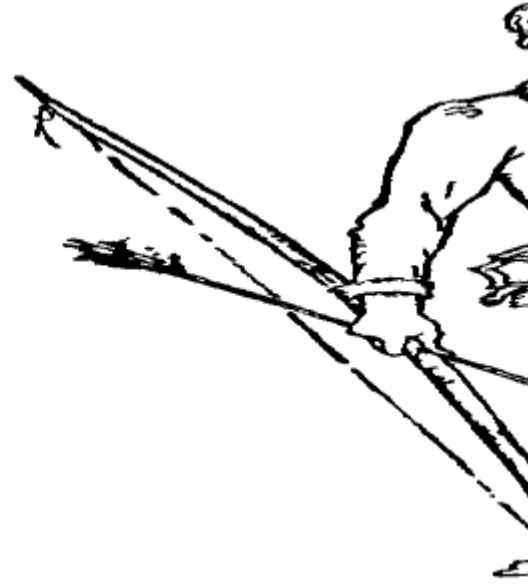
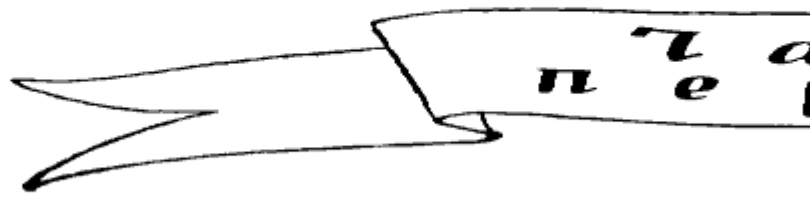
У французского народа издавна было много славных борцов за свободу, много народных героев. Одними из первых были тысячи отважных крестьян и горожан, выступавших в 1358 году против своих господ и отдавших жизнь ради грядущей победы социальной справедливости, ради победы трудового народа.

А. Люблинская

Часть первая

---

² После смерти Этьена Марселя и подавления парижского восстания Карл Злой вынужден был помириться с дофином. Он пытался по-прежнему лавировать между английским и французским королями, затем Карл V принудил его удалиться в Наварру, где в 1387 году мучительная смерть при пожаре пресекла жизнь честолюбца.

Глава первая

Воздух трепетал подобно струнам арфы. Лёгкий ветерок, играя шелковистой травой, разносил над аллеями песни невидимых птиц. Розовый свет зари проникал сквозь утренний туман, над которым возносились башни Лувра³, Пти-Шатле⁴ и бесчисленных колоколен на правом берегу Сены. На востоке, в просветах между облаками, нежно голубели большие острова. Набухшие почки, молодые побеги, зелень листвы и распускающиеся цветы – всё говорило о пробуждении природы.

Зима была суровая. До самого марта кружило воронье над оледенелыми полями. В апреле Сена выступила из берегов, и на Волчьем островке, расположенном выше острова

---

³ Лувр – старинный дворец в Париже, резиденция французских королей. В настоящее время – один из богатейших музеев мира.

⁴ Пти-Шатле – крепость в Париже, в которой в ту пору была тюрьма.

Сите⁵, ивы полоскали в воде свои чёрные макушки.

Наступил чудесный, тёплый май и принёс с собой песню новой жизни. Вместе с этой весной 1358 года рождались в Париже радужные надежды и чаяния. Купеческий старшина⁶ Этьен Марсель возвестил о предстоящих реформах, и страх, таившийся в душах людей, как барсук в глубокой норе, постепенно исчез.

Стая испугнутых перелётных птиц шумно сорвалась с кустов боярышника, когда группа из двадцати стрелков вышла на заросшую травой дорогу, окаймлённую подстриженными буками и редким кустарником. Эта дорога получила название аллеи Лучников, потому что на ней производились учения городской стражи. Аллея начиналась от боковой двери Куртий Барбетт⁷ и кончалась у древней стены короля Филиппа Августа⁸.

Капитан лучников, Готье Маллере, задрал голову, посмотрел на небо. На лбу у него блестели крупные капли пота.

– Жаворонки взлетают прямо вверх, – сказал он. – Боюсь, день будет жаркий.

Готье Маллере, верзила в шесть футов ростом, тучный, с багровым лицом, пыхтел под тяжестью доспехов. У его людей тоже был далеко не бравый вид. Длинная кольчуга из крупных металлических колец доходила им до середины бёдер, а заострённый кверху шлем с гребнем посредине переходил в подбородник из таких же колец, плотно прикрывавший шею и лицо. Колчан был укреплен так, что одним движением руки можно было выхватить оперённую стрелу с железным наконечником.

У Готье Маллере было три страсти: стрельба из лука, вино и весёлые шутки. Когда его лучники освободились от своих тяжёлых шлемов и колчанов, на каждом шагу ударявших их по правому боку, он крикнул, скривив беззубый рот:

– Эй, стрелки, кто нынче не собьёт чучело с расстояния по крайней мере в тридцать туазов⁹, должен будет угостить товарищей, а уж мы позаботимся, чтобы нам налили не какой-нибудь кислятины или грушёвой настойки, а доброго винца, по четыре денье¹⁰ за пинту¹¹.

В ответ раздались весёлые возгласы. Предложение капитана подогрело интерес к привычной забаве. Каждый надеялся с честью выйти из состязания, иначе говоря, угоститься за счёт своего ближнего.

На столбе укрепили мишень – грубо вырезанное из дерева подобие птицы, а на земле разложили охапки соломы. Готье большими шагами отмерил расстояние.

– Вот, друзья, и готово! У кого крепкая рука и сердце бьётся ровно, тот пусть и начнёт.

Лучник, по прозвищу Перрен Рыжий, кончиками пальцев вытащил из колчана стрелу и,

---

⁵ Сите – остров на Сене, на котором в начале нашей эры был основан город Лютеция, впоследствии названный Парижем. В те времена Сите – административный центр Парижа.

⁶ Купеческий старшина – см. предисловие.

⁷ Куртий Барбетт – особняк и прилегающий к нему парк богатейшего парижского буржуа Этьена Барбетта. Куртий – сад, парк.

⁸ Филипп Август (1180–1223) – французский король. Обнёс Париж крепостной стеной, внутри которой оказались и остров Сите, и городские кварталы правого берега Сены.

⁹ Туаз – французская мера длины, применявшаяся до введения метрической системы; равен 1,949 метра.

¹⁰ Денье – мелкая медная монета.

¹¹ Пинта – единица измерения жидкостей, применявшаяся во Франции до введения метрической системы мер; равна 0,931 литра.

грозно нахмутив брови, медленно натянул тетиву. Едва задев чучело, стрела упала на солому. Тридцать туазов – расстояние немалое, и ни у кого не было желания подтрунивать над неудачником.

Пятеро стрелков один за другим столь же безуспешно испробовали свои силы.

– Ах, бездельники! – не сдержался Готье. – Вам платят по два су¹² в день, чтобы вы были недремлющим оком и защитой короля, а вы стреляете из лука, как неотёсанное мужичьё.

Перрен Рыжий посмотрел на него с удивлением.

– Не пяль на меня свои рыбы глаза, Перрен. Я знаю, что король покинул Париж, но лучники всё равно остаются королевской стражей.

Между королевской стражей и городской, состоявшей из людей, не обученных военному делу, существовало постоянное соперничество. Захват власти Этьеном Марселем ещё больше обострил эту взаимную неприязнь, и Готье Маллере постоянно подстрекал своих людей к неподчинению власти прево, что могло окончиться для него тюрьмой.

– Я не хотел вас разгневать, капитан, – угодливо промолвил Перрен Рыжий. – Всякий знает, что нам далеко до вашего умения.

– А ну-ка, дайте сюда мой лук и стрелу! – загремел капитан. – Сейчас вы увидите, как надо целиться. Я не хочу быть посмешищем всего города. И без того среди черни уже пошли разговоры, будто мы бряцаем оружием, чтобы извещать о своём приближении воров и бродяг.

Взяв лук, Готье глубоко вздохнул, словно собираясь с силами, чтобы придать большую меткость стреле. Ему почти всегда удавалось попасть в намеченную точку.

Перрен Рыжий, привыкший заискивать перед капитаном, почтительно осклабился, как усердный ученик, который боится проронить хоть одно слово учителя, и уже приготовился первым захлопать в ладоши.

Стрела просвистела и ударила птицу в бок, но недостаточно сильно, чтобы её свалить.

Перрен едва сдержал готовое вырваться «ура». В этот миг никто из стрелков не решился бы заглянуть Готье в лицо.

За кустами раздался весёлый смех.

– Это кто ещё там? – заорал Перрен, натягивая лук и подходя к кустам.

Смуглолицый подросток, с волосами цвета спелой ржи, вышел из укрытия раньше, чем лучник решился выстрелить.

– Прошу прощения, господин капитан, – сказал он, обращаясь к Готье, – но это было так забавно, что я не мог удержаться от смеха. Не считите мои слова за дерзость, меня очень интересуют ваши состязания. Я и сам каждое воскресенье после обеда упражняюсь в стрельбе из лука и уже кое-чего достиг. Ваш выстрел был не так уж плох. За исключением этого рыжего, – он указал на Перрена, – остальные стреляют не бог весть как.

– И потому-то ты смеялся, молокосос? – прорычал Готье.

– Не сердитесь, сударь, просто я вспомнил, как в народе говорят, будто королевскому стрелку легче влить в глотку три пинты вина, чем попасть с двух пядей в тарелку.

Багровая физиономия капитана посинела. Лучники с трудом сдерживали смех.

– Может, заткнуть ему глотку и натереть уши крапивой? – предложил Перрен Рыжий.

– Чёрт побери! – обозлился капитан. – Я уже достаточно взрослый и управлюсь один. Как тебя зовут и сколько тебе лет? – спросил он у мальчика.

– Колен Лантье, к вашим услугам. В день Святого Сильвестра мне исполнилось пятнадцать.

– Я не нуждаюсь в твоих услугах. А ты случайно не родственник живописца вывесок Лантье, что живёт на улице Писцов?

– Я его сын. А вы – Готье Маллере и живёте в Сите, за Еврейским кварталом. Я очень

---

¹² Су́ – мелкая монета.

высокого мнения о вашей ловкости, господин капитан!

Юноша стоял непринуждённо, переминаясь с ноги на ногу, и, казалось, ничуть не робел. Его лицо выражало отвагу. Куртка из доброго сукна ловко сидела на нём и подчёркивала ширину плеч. С виду ему можно было дать не меньше восемнадцати лет.

Чувствуя, что попал в смешное положение, капитан пустил в ход хитрую уловку.

– Так ты хвалишься, что хорошо стреляешь из лука? Может, даже с трёх шагов попадаешь в дверь своего дома?

Тон был издевательский, и Готье, довольный своей шуткой, захохотал.

– Моим учителем был Купен Клопиналь, – сказал юноша. – В то время он стоял во главе городской стражи.

– Этот торговец лекарственными травами, – зашипел Готье, как разъярённый кот. – Интересно, чему он мог тебя научить!

Лучники посмеивались. Не многие из них знали, что Купен попадает из лука в монету, подброшенную в воздух на сто футов.

– А вот вы сейчас увидите, сударь! Позвольте мне взять ваш лук?

Такая самоуверенность возмутила капитана.

– На, бери! Да только смотри руку не сломай!

Стрелки, столпившись за спиной Колена, притворились испуганными.

– Сделайте милость, капитан, позвольте ему стрелять с двадцати шагов, – злобно подсказал Перрен Рыжий. – Тридцать туазов для такого цыплёнка – многовато.

– Такое расстояние меня не смущает, любезный рыжик!

Теперь насмешки посыпались по адресу Перрена, и тот, ворча, отошёл в сторону.

Колена спокойно прицелился. Видно было, как перекачивались под кожей его мышцы. Натянув без видимого усилия огромный лук, он отставил правую ногу назад, чтобы лучше упереться башмаком в землю, и спустил стрелу.

Сильный удар в самый центр мишени свалил деревянную птицу. Раздались громкие возгласы. Несколько стрелков честно похвалили вслух Колена. Другие не могли скрыть досады, что их превзошёл такой юнец.

Резкий голос Перрена Рыжего заскрипел, как испорченная дудка:

– Верно, сам дьявол или какой-нибудь колдун водил его рукой!
Глубоко уязвлённый, Готье Маллере поспешил увести своих людей.
В этот день и речи не было о выпивке.

* * *

Туман медленно рассеивался. Лишь кое-где, над дворцом Барбетт, ещё плыли отдельные клочья.

Лучники возвратились в свою квартиру подле Нельской башни¹³.

Предоставив остальным заниматься своими делами, Готье Маллере подозвал Перрена, и они стали вполголоса совещаться.

– Этот человек будет в Париже к концу дня. Он проберётся через заставу Сен-Дени¹⁴. Гонец из Компьена сказал мне, что его зовут Одри. У него поручение к Этьену Марселю. Возьми с собой двух людей, на которых ты можешь положиться, и смотри, чтобы всё прошло как следует.

– У меня есть такие люди – двое бродяг: Массе Перрен и Жан Кузен. Они всегда рады подраться и будут немые как могила. Я уже дал им вперёд три ливра и дам ещё столько же, когда дело будет сделано.

– Дождитесь, пока этот негодяй остановится в какой-нибудь харчевне, прикончите его ночью и бросьте труп в реку. Воды Сены уносят теперь столько мертвецов, что на этого никто не обратит внимания.

– Всё это хорошо задумано, капитан, но что будет, если дело сорвётся?

– Чёрт побери, Перрен, ты трусишь, как девчонка! Когда король вернётся, он вознаградит одних и накажет других по заслугам.

В ответ на эту отповедь Перрен только смиренно согнул спину и не вымолвил больше ни слова. Он собрался уже уходить, когда Готье снова окликнул его:

– А для большей предосторожности наденьте красно-синие шапки¹⁵, какие носят люди прево. Я буду ждать тебя вечером у тюрьмы Шатле после сигнала к тушению огней.

Глава вторая

Живописец Франсуа Лантье только что закончил яркую вывеску и осторожно поставил её под низким навесом своей мастерской. Ничего не скажешь, славная работа! На вывеске несколько позолоченных каплунов, нанизанных на вертел, хлопали крыльями на фоне багрового пламени. Тьебо Гизар, конечно, будет доволен «Доброй харчевне – добрая вывеска», – подумал Франсуа.

Лантье считался лучшим мастером-живописцем в Париже, и по обе стороны мостов, вплоть до отдалённых ворот Монмартра¹⁶, не было ни одного состоятельного торговца, который не прибегал бы к его таланту. И недаром. Вот уже тридцать лет, как Франсуа Лантье, наследник старинного рода мастеров-живописцев, занимался этим тонким делом, всё время совершенствуя способы, переданные ему в наследство отцом. Никому не доверяя, он собственноручно растирал глину, приготавливал краски, отвечивал смеси.

---

¹³ **Нельская башня** – башня на левом берегу Сены, построенная в XII веке у крепостной стены для защиты от неприятеля.

¹⁴ **Сен-Дени** – предместье Парижа.

¹⁵ **Красно-синие шапки** – см. предисловие.

¹⁶ **Монмартр** – один из районов Парижа, расположенный на холме.

На тихой улице Писцов Франсуа слыл за опасного алхимика, и соседские дети боялись останавливаться у окна его мастерской, которое сверкало голубыми и оранжевыми стёклами, оправленными на немецкий лад в свинец. Завидя его издали, дети разбегались, как если бы им явился сам дьявол. «Ишь, стайка пугливых воробьёв! – бормотал про себя живописец. – Если бы я мог внушить хоть чуточку страха моему сорванцу Колену».

Все эти дни Колен не выходил у него из головы.

Поставив вывеску, Франсуа подошёл к своему подмастерью, который был занят каким-то сложным рисунком в углу мастерской, заставленной горшочками, заваленной кистями и красками.

– Послушай, Ламбер, который может быть час? Кажется, солнце опустилось уже совсем низко.

Ламбер поднял голову. Его веки быстро моргали. Бледное, изборождённое морщинами лицо, волосы, подстриженные в кружок пониже ушей, и удивительная острота взгляда – всё это делало его похожим на монаха, изнурённого тяжёлой работой. Он не спеша опустил кисть в глиняную чашечку.

– Солнце над нашей узкой улочкой не задерживается. Вот я вижу – водонос Жанту идёт с улицы дю Платр. Стемнеет не раньше чем часа через три. Не тревожьтесь за сына, хозяин. У Колена можно поучиться и осторожности и решительности. Я не вижу, какие беды могут грозить мальчику его возраста на улицах нашего города.

Лантье со злостью ударил ногой по валявшейся на полу старой вывеске:

– Не видишь, не видишь! Чёрт возьми, да разве ты увидишь, если сам набиваешь ему голову всякими бреднями, из-за которых можешь в один прекрасный день очутиться на Гревской площади¹⁷ с петлёй на шее. С каждым днём в Париже становится всё тревожней. Эти безумцы орут с утра до ночи, сами не зная толком, чего хотят.

Ламбер встал со своей скамеечки и подошёл к двери.

– Но ведь вы сами, Лантье, ругали дофина Карла¹⁸ за измену. И разве вы, вместе с этими тысячами людей, не одобряли речи Этьена Марселя?

– Будет тебе, Ламбер! Хватит рассуждать! Я хотел бы, чтобы мой сын уже вернулся домой и перестал до ночи таскаться по всему городу вслед за лучниками и всякими болтунами. Так и до беды недалеко.

– Полно, Лантье! Вы вполне можете положиться на своего мальчика. И что может с ним случиться? В Париже никогда не бывало так спокойно, как сейчас. Этьен и горожане образумили придворную знать и тех, кто превращал город в разбойничий притон. Банды наглых грабителей убрались за дофином Карлом в Компьен, а что касается англичан, то, если они захотят взять Париж, им придётся перешагнуть через наши трупы.

– Тише, Ламбер, тише! Владеть оружием намного труднее, чем кистью. Я проклинаю тот день, когда позволил Колену принять участие в состязаниях лучников. Теперь он только и мечтает, что о стрелах и сбитых чучелах.

– Сильные руки всегда пригодятся! Помяните моё слово, вы ещё будете гордиться своим стрелком.

Подмастерье говорил с таким пылом, что Лантье был удивлён.

– Ламбер, – сказал он, – не один десяток лет мы с тобой работаем бок о бок, и наши руки огрубели за одним и тем же делом. Мы коротали вместе и добрые и плохие дни, пили из одного кубка вино и брагу. Ты держал Колена над купелью и стал ему вторым отцом. Моя бедная жена до самой смерти любила тебя, как брата. Скажи, правда ли всё, что ты говоришь?

– Чистая правда, Лантье!

---

¹⁷ Гревская площадь – площадь в Париже, на которой совершались, публичные казни.

¹⁸ Дофин Карл – см. предисловие.

– Так вот, клянусь святым Франциском, я задушил бы тебя своими руками, если бы ты попытался сбить Колена с пути. Смотри, Ламбер! Предупреждаю тебя как друг. И без того соседи уже шушукаются. Говорят, много позже сигнала к тушению огней ты ходишь на постоянный двор у рвов Сен-Марселя, где собираются сукновалы и шерстобиты из Бьевра, кожевники и красильщики из Крулебарба.

Ламбер протянул вперёд огромные руки.

– Мало ли что болтают! Не бойтесь, Лантье, я не причину вам неприятностей. Заклинаю вас нашей дружбой, успокойтесь, и, если хотите, я провожу вас до Малого моста. Там мы, наверное, и поймаем нашу птичку.

Лантье смущённо пожал другу руку. От волнения его широкая грудь бурно вздымалась, натягивая лямки кожаного фартука. Лицо мастера осветилось улыбкой.

– Прости меня, дорогой Ламбер! От любви к этому мальчишке я теряю рассудок. Ведь это моя плоть и кровь, моя душа. Он вырос без матери. Может, поэтому он такой недоверчивый и строптивый. Верно ведь я говорю, Ламбер? У мальчика не лёгкий нрав.

Весёлый смех Ламбера наполнил гулом мастерскую.

– Эх, Лантье, Лантье, и вы ведь не святой! Голова у вас железная, как ваши вывески. И Колен весь в отца. Помните, как при крещении он всё время морщился и выплёвывал соль, которую ему совал почтенный кюре церкви Святого Северина. Однако, хоть он и упрям, сердце у него доброе и нежное.

– Ну ладно, Ламбер, двинемся! Говоришь ты так трогательно, что камни могут заплакать. Мы пройдем через Лаас – так будет ближе – и выпьем вина в «Золотом ларце». Тьебо Гизар должен нас угостить: ведь я ему скажу, что вывеска готова и он может её забрать.

Переступив порог, оба друга жадно вдыхали воздух, напоенный живительными ароматами весны. Солнечные лучи, проскользнув между высокими карнизами, бросали брызги света на фасад соседнего дома, в котором жил пергаментщик¹⁹ Лампруайе, и золотыми пятнами играли на булыжниках мостовой.

– Слышите, хозяин, как пахнет? Май приносит из деревень запах колосьев и свежего сена.

Живописец усмехнулся.

– Лучше взглядишь, что делается у тебя под носом, Ламбер, и ты поймёшь, откуда эти «майские» ароматы. Сапожник Тресетен вывесил на просушку кожи. Тьери Мино выливает перед своей дверью полные лохани рыбьего клея, а Филипп Фурси бросил на помойку требуху зарезанной утром свиньи. Гляди, как бродячие собаки дерутся там из-за разных отбросов. На таких свалках и родится всякая зараза, вплоть до чумы.

Улица Писцов, надо сказать, немногим отличалась от большинства парижских улиц. Кучи грязи у порогов мешали подойти к дверям, островерхие крыши жались одна к другой, закрывая небо и мешая свету проникать в окна. Улица была не шире четырёх футов, и уже в сентябре Лантье и его подмастерье после обеда вынуждены были работать при свечах.

– Да хранит нас небо от чёрной чумы!²⁰ – серьёзно сказал Ламбер. Как и все парижане, он с ужасом вспоминал о страшной эпидемии, свирепствовавшей в их городе в 1349 году, ровно десять лет назад.

В Городском лазарете умирало столько народу, что в течение долгого времени на кладбище «Невинных младенцев»²¹ ежедневно свозили на телегах не менее пятисот трупов.

---

¹⁹ **Пергаментщик** – ремесленник, занимавшийся изготовлением и продажей пергаментов. В то время ещё не было бумаги и писали на пергаменте – особым образом обработанной коже животных.

²⁰ **Чёрная чума**, или **чёрная смерть**, как её называли в народе, – эпидемия, которая пришла в 1349 году во Францию с Востока и причинила ужасные бедствия.

²¹ **Кладбище «Невинных младенцев»** – кладбище, получившее название в память легендарного избиения

В тот год погибли французская королева Жанна Бургундская, её невестка, герцогиня Нормандская, граф Бургундский Эд и Жанна Французская, королева Наварры.

– Да хранит нас небо! – повторил Лантье, думая о своём сыне.

В 1349 году та же страшная болезнь унесла его жену. С помощью верного Ламбера он положил сведённое судорогой тело на носилки. На кладбище уже не было свободных мест, и бедняжку опустили в наспех вырытую общую могилу, куда трупы складывали сотнями, как тюки в корабельный трюм.

Друзья направились к улице Арфы, отвечая на приветствия писцов, сидевших у дверей за дубовыми столиками. Писцы, наряду с монахами и студентами Университета, были единственными грамотеями, а потому на улицу Писцов приходили люди со всего Парижа за помощью и советом.

– Добрый вечер, Лантье!

– Здравствуйте, Жером, здравствуйте! Вы не видели здесь моего негодного сынка?

– К сожалению, нет. Мне думается, ваш Колен предпочитает моим завитушкам состязания арбалетчиков и стрелков из лука. Дружески вам советую, сосед, смотрите за ним получше! В городе ведь такое творится!

– Помалкивай! – обрезал его Ламбер. – Каркает, как ворон. Тебя послушать, так кровь в жилах застынет.

И он потянул Лантье за рукав.

– Время идёт, Франсуа, солнце уже садится за Сеной.

Они свернули влево на улицу Арфы. Их ослепил яркий свет. На этой широкой улице, вдоль которой тянулись красивые особняки, находилась и церковь Святого Космы, а также много коллежей, среди них Нарбоннский и Байе.

Под широкий портик какого-то дома с весёлым смехом ворвалась группа школяров. С улицы Персе, за Турским коллежем, тянулись нагружённые сеном телеги. Толстая женщина гнала перед собой осла, тащившего две тяжёлые корзины, и пронзительным голосом выкрикивала:

– Груши, яблоки, ягоды!.. Груши, яблоки, ягоды!..

Её голос долетал до окон верхних этажей.

– Откуда вы, матушка? – спросил Ламбер. – Разве англичане уже ушли из деревень?

– Ох, не говорите мне об этих проклятых годонах!²² Кажется, убрались куда-то к Уазе. Говорят, они надеются там на хорошую добычу. А я из деревни Куртий, что у заставы Сен-Дени... Груши, яблоки, ягоды!.. Груши, яблоки, ягоды!..

Через проход Вьей Буклери они вышли на улицу Ларцов. Встречая знакомых, Лантье неизменно спрашивал, не попадался ли им на глаза его сын. Но Колен как в воду канул.

– Ставлю каплуна против одной ягоды кизила, что он забавляется в Сите или на Гревской площади с такими же озорниками, как он сам!

Тьебо Гизар радушно принял Лантье и его спутника. Толстый, всегда улыбающийся, с круглым красным лицом, покрытым сетью фиолетовых прожилок, он, как барка, переваливался с борта на борт, бегая по своей харчевне, или, стоя у порога, терпеливо поджидал посетителей.

– Присаживайтесь, друзья, присаживайтесь! Эй, Перрина, тащи-ка из погреба жбан красного вина, которое я берегу для дорогих гостей! Ну, рассказывайте, что нового. Брат Перрины каждый год привозил мне по несколько бочонков такого вина. Ах, как всё изменилось! Англичане – да обратит на них свой гнев святой Михаил – заняли уже половину королевства и орут во всю глотку: «Бей да грабь!» Мой последний бочонок уже на исходе. Тяжёлые наступили времена для бедных людей, но Этьен Марсель с помощью всего народа

младенцев, учинённого царём Иродом.

²² **Годо́ны** – презрительная кличка, которой французы называли английских солдат во время Столетней войны.

вырвет нас из этого ада.

Тьебо Гизар говорил, не переставая размахивать руками. Насытив гостей своим красноречием, он повёл их в большой зал, где в ряд стояли тяжёлые столы, прикрепленные к стене толстой цепью. Этот зал с закоптелыми балками, облицованный чёрными и голубыми плитками и уставленный оловянными кувшинами, радовал глаз посетителя.

– Располагайтесь, друзья, у окна, а я сначала подам вот тому человеку. Уж больно измученный у него вид!

На другом конце зала в тёмном углу сидел какой-то незнакомец. Лицо его трудно было разглядеть. На нём были широкие штаны из грубого сукна и посёкшаяся кожаная жилетка, накинута на коричневую рубашку.

Стоптаные сапоги до колен, покрытые пылью и высохшей грязью, говорили о недавно проделанном долгом пути. Время от времени он отламывал куски от лежавшей передним краяху чёрного хлеба и медленно пережёвывал их.

Тьебо Гизар подошёл к его столу.

– Я вижу, любезный, у вас есть чем подкрепиться. Но, надеюсь, вы не откажетесь от глотка вина. Могу предложить вам превосходный напиток, по три денье за пинту. Если судить по вашей одежде и посоху странника, сразу можно сказать, что вы пришли издалека.

– Из Бовези, хозяин. Дайте мне полпинты вина, только самого дешёвого. При моих нынешних делах любое пойло мне годится.

Лантье прислушался. Мужчина говорил мягким голосом, слегка растягивая слова, как жители Компьена, откуда происходили все Лантье. Живописец остановил Тьебо Гизара, который уже собирался пойти за вином, и решительно сказал:

– Тьебо, принеси-ка этому компьенцу целую пинту самого лучшего вина. Ни один из Лантье не допустит, чтобы их земляк пил разбавленное вино, когда можно добыть хорошее... Эй, дружище, не хочешь ли чокнуться с нами? Лантье жили в старом доме подле церкви, в деревне Сен-Ле-де-Серан.

Незнакомец шагнул ближе, и теперь можно было разглядеть его скуластое лицо с мощными челюстями.

– Моя деревня лежит выше, близ лесов Уазы.

Он объяснялся без той робости, какую обычно испытывают крестьяне, оторванные от родных краёв. Всё его крупное тело дышало уверенностью в себе, необычной для крепостного, всеми привычками привязанного к земле. Живые, хитрые глаза светились, как у кошки.

Папаша Лантье уже наливал в оловянный кубок золотистый кларет, когда перед домом потряс почву громкий топот – шагал военный отряд. Незнакомец схватился за свою суковатую палку с острым концом и огляделся вокруг. Он явно чего-то опасался и от неожиданности не мог скрыть некоторого замешательства.

В зал вошли трое вооружённых людей. Красно-синие шапки говорили об их принадлежности к страже прево. Тот, кто походил на жоака, с наглым видом выставлял вперёд гизарму²³. Другие потрясали в воздухе острыми длинными клинками. Они загородили собой дверь, а сержант, рыжий детина с насмешливым взглядом, обратился к незнакомцу:

– И не пытайся даже улизнуть, как загнанная лисица, дружок! Здесь тебе не кустарник, а улица Ларцов не Рибекурский лес. Дела твои плохи. Эй, вы, – обратился он к своим спутникам, – хватайте его, пусть он поймёт, кто мы такие! А вы, горожане, ни с места! Ну, вставай, разбойник!

– Бей разбойника! – в один голос крикнули оба стражника и замахнулись кинжалами.

– Вот я намну вам бока, трусливые псы! – крикнул незнакомец.

Одним прыжком он очутился на середине зала. Его палка поднималась и опускалась,

---

²³ Гизарма – в XII–XV веках оружие пешего воина: меч с волнистым лезвием.

как цеп на току, разбивая головы и плечи пришельцев. Слышно было, как трещали кости. Тот стражник, который только что так бахвалился, с шумом повалился на спину, уронив гизарму. Его товарищи отступили, взывая ко всем святым, но незнакомец преследовал их и продолжал лупить со знанием дела.

Тьебо Гизар кричал во всю глотку, умоляя противников разрешить спор на улице.

– На помощь! – вопили пострадавшие. – А то этот дьявол выпустит из нас кишки.

Наконец, избитые и порядком измятые, они выскочили за дверь, не переставая орать.

Когда Ламберу, несмотря на возражения хозяина харчевни, удалось пробраться к выходу, незнакомец уже успел скрыться. Храбрые вояки осыпали друг друга проклятиями и ругательствами. На шум выбежали люди из соседних домов и лавок. Они никак не могли понять, в чём дело.

– Какой-то опасный разбойник хотел задушить кабатчика Тьебо, – объясняла стоящей рядом кумушке торговка яблоками.

Слухи разрастались, с улицы Ларцов проникли на улочки, выходящие в Сите, и со скоростью скачущей лошади распространились через мосты по всему Парижу. Двое стражников подняли своего сержанта и удалились, поддерживая его под локти.

Ламберу, который остановился на пороге, удалось заметить, что, достигнув улицы Малого моста, они поспешно сняли свои красно-синие шапки.

– Эта история мне совсем не нравится, – вздохнул Тьебо Гизар, наводя порядок в своём заведении после потасовки. – Видно, незнакомец из Бовези не так уж прост, как кажется.

– Да, да, – заметил Ламбер, – он орудовал дубинкой на редкость искусно. Буря на Уазе не удивила бы меня так, как это происшествие.

– Ну и времена, ну и времена, – ворчал Франсуа Лантье, – ударяя кулаком по столу. – Кругом скрываются, дерутся, устраивают заговоры. Дофин – против Этьена Марсея, Марсель – против Карла Наваррского²⁴. А Карл Наваррский хочет продать Францию англичанам. Ох, беда, беда! Солнце уже село за крыши, а моего Колена всё нет да нет.

И он в сопровождении Ламбера быстрым шагом направился к улице Малого моста. С порога его окликнул Тьебо:

– Постойте, Лантье, а моя вывеска? В это воскресенье я должен принимать важных гостей. Мне нужна вывеска! Где она?

Но Лантье и не обернулся. Ему мерещилось, что его Колен пустился в отчаянные приключения, которым не будет конца.

Глава третья

Колен не был на правом берегу, как полагал его отец, и даже не думал о приключениях. Взобравшись на колокольню церкви Святого Северина, он с высоты восьмидесяти футов любовался Парижем. Взгляд его рассеянно скользил по рядам крыш старого города. Колен чувствовал себя, как птица в небе. Колокольня была не достроена. Каменщики не закончили кладку верхней части: голый остов из балок и столбов торчал над массивом из белых камней.

Чтобы попасть сюда, нужно было решиться на опасный подъём по узкой и неудобной винтовой лестнице, которая выводила прямо на крышу. Но, очутившись, наконец, между кровлями домов и облаками, Колен почувствовал опьянение, охватывающее человека, когда перед его глазами вдруг открывается прекрасный пейзаж. Сена разделяла город на две части. Она спокойно несла свои воды меж поросших ивами берегов и перед тем, как заключить в нежные объятия остров Сите, имеющий форму корабля, стремительно проносилась мимо Коровьего и Волчьего островов, а затем, порезвившись под пролётами обоих мостов, широкой лентой изгибалась среди полей.

С высоты город казался белым, как невеста в подвенечном уборе. Узкие и извилистые

---

²⁴ Карл Наваррский (Карл Злой) – см. предисловие.

улицы обрисовывались только вытянутыми в ряд коньками крыш, одинаково белых от гипса, которым были покрыты черепицы. И эти зазубренные линии сходились, шли рядом и скрещивались, чтобы совсем затеряться в тех местах, где возвышались церкви, чьи колокольни пробивались сквозь море крыш.

Колен вполголоса произносил знакомые названия, словно перебирал бусы волшебных чётков, состоящих из вознесённых над Парижем шпилей. Он хорошо знал свой город и находил в этом какое-то внутреннее удовлетворение.

– Святая Женеви́ева, Святой Стефан, Святой Косма, – перечислял он, – Святой Николай, Святой Иларий и Святой Бенедикт, Святой Яков возле бойни, Святой Мерри, Спаситель и богоматерь, Святой Павел, Святой Гервезий и Святой Иоанн, Святой Иосиф, Святой Эгидий и Святой Маглорий, Святой Северин и собор Парижской богоматери. – И снова повторил: – Святой Северин и собор Парижской богоматери. – С одним были связаны воспоминания об играх детских лет, другой как бы воплощал в себе мощь и красоту родного города.

Солнце вдруг прорвалось сквозь тучи над церковью Сен-Дени и ярко осветило множество крыш. Всё мгновенно озарилось золотым светом: и Лувр, где жил король, пока его не захватили в плен англичане, и ратуша на Гревской площади, где заседал Этьен Марсель, которого считали столь искусным реформатором, и великолепный собор Парижской богоматери, и купол церкви Святого Юлиана Нищего, и зеркало реки Бьевр. А Сена на миг превратилась в струю расплавленного металла. Старая крепостная стена с ошестинившимися башнями, двенадцатью воротами и девятью крытыми переходами, и деревни, расположенные за этой стеной, – всё разом запылало. Косые лучи угасали у подножия монастыря Святой Кaterины.

Не раз Колен пересекал город с одного конца до другого по улице Святого Якова. По крепостной стене он взбирался на вершину Куртий и на Монмартр, где ветер вращал крылья мельниц. С такого расстояния их трудно было сосчитать. Многие были скрыты от взора огромными деревьями, но их было не менее сотни, и они снабжали мукой весь город.

Сколько времени Колен провёл на своём наблюдательном посту? Этого он не мог бы сказать. Отец, конечно, уже беспокоится. С минуты на минуту церковный сторож Жоно может запереть ворота. Пора возвращаться домой, на улицу Писцов. Ламбер, его крёстный, поможет успокоить разгневанного отца. Юноша уже собирался спуститься с колокольни, но вдруг остановился и прислушался. Его внимание привлёк шум на улице Ларцов. Сквозь виноградники у церкви Святого Северина можно было наблюдать за происходящим.

Трое мужчин в красно-синих шапках выскочили из харчевни Тьебо Гизара, как черти из купели. За ними вдогонку бежал четвёртый, на голову выше, и изо всех сил колотил их палкой.

Колен с большим интересом следил за этой сценой, пока её участники не скрылись за домами.

Мальчик добрался до площадки, где кончалась винтовая лестница, и в последний раз заглянул вниз, облокотившись о каменный карниз, который опоясывал колокольню. От удивления он протёр глаза. Кто-то пробирался через виноградник. Колен узнал человека, только что избивавшего людей в шапках, какие носила стража прево. Он полз на четвереньках меж кустов виноградника в сторону прилегавшего к церкви кладбища.

Время от времени незнакомец оборачивался, чтобы удостовериться, что за ним нет погони. Он крался, выбрасывая руки вперёд и подтягивая затем колени, прислушивался и снова продолжал ползти. Его кожаный камзол сливался с красно-бурыми побегими винограда. Добравшись наконец до низкой каменной ограды кладбища, человек легко перемахнул через неё и кинулся в высокую траву, которая росла между могилами.

Увлекаемый безрассудным любопытством, Колен кубарем скатился по лестнице. Объединив в памяти обе сцены, невольным свидетелем которых он стал, юноша уже создал в воображении мрачную историю. Почему бы не попробовать распутать её нити? Ведь он здоров, полон сил и готов на смелые подвиги. Может быть, человек, который полз через

виноградник, принадлежит к войскам Серкота²⁵, того англичанина, который заявил в Понтуазе, что именем своего короля захватит Париж и выгонит оттуда и знатных и ремесленников.

Лестница спускалась к часовне, расположенной в левом приделе храма. Рядом был колодец глубиной в тридцать футов, вырытый, по преданию, самим святым Северином. Ходила молва о целебных свойствах воды, и к колодцу отовсюду стекались больные золотухой. Узкая полоска света скользила по сырым плитам часовни и вдоль колонн, увешанных гирляндами из листьев. Колен приник к двери, которая вела на кладбище. Через щель можно было всё видеть, оставаясь незамеченным. Но не успел он здесь притаиться, как дверь распахнулась. Внезапно ослеплённый, Колен застыл, как застигнутая ярким огнём сова; человека в кожаной безрукавке тоже удивила встреча с юношей. Несколько мгновений они стояли друг против друга, потом незнакомец тихонько прикрыл тяжёлую дверь.

– Ты что, заметил меня с колокольни? И следил за мной, когда я пробирался через виноградник?

Своим тягучим произношением он нисколько не походил на англичанина. Колену стало легче на душе. Он улыбнулся незнакомцу, который прислонился к кропильнице в форме раковины.

– Я принял тебя за англичанина и очень рад, что ошибся. Я видел, как ты бежал и лупил людей в красно-синих шапках. Но ведь мы, парижские жители, на стороне прево.

– Уж больно ты горяч! Будь я врагом прево, то стал бы и твоим, а ты для меня – лишним свидетелем.

Незнакомец говорил решительно, но в его голосе не было угрозы.

В церкви зашаркали неровные шаги.

– Это Жоно, церковный сторож, – прошептал Колен. – Не годится, чтобы он застал нас здесь. Ступай за мной, я знаю надёжное местечко.

Он увлёк незнакомца к винтовой лестнице. С площадки второго этажа можно было через дверь в стене попасть на пыльный чердак, расположенный на десять футов выше нефа.

---

²⁵ **Серкот Робер** – один из английских военачальников во время Столетней войны.

Проковылял церковный сторож Жоно, тощий, одетый в чёрное. Он обошёл часовню, осмотрелся вокруг и, убедившись, что всё спокойно, открыл калитку, чтобы выйти на кладбище. Слышно было, как повернулся ключ в скважине, потом всё стихло.

– Почему же ты меня спрятал? А я думал, ты поднимешь тревогу, кликнешь сторожа, а

сам пустишься наутёк.

– Сторожа Жоно? Да ты свалил бы его одним щелчком! Зато у него хорошо подвешен язык. Стоит ему узнать, что ты здесь, и ещё до ночи всем прихожанам церкви Святого Северина станет известно, что в башне засела шайка разбойников.

Незнакомец положил руку на плечо Колена.

– Как тебя зовут, мальчик?

– Колен.

– Итак, Колен, доверие за доверие. Меня зовут Одри, и родом я из Рибекура, что возле Компьена. Для королевского правосудия я разбойник. Но жители Рибекура знают меня лучше, чем король и знатные сеньоры, и считают просто вольной птицей. Вот уже восемь лет, как я и десяток моих смелых товарищей держим в руках леса от Мо до Компьена, и нет ни одной лужайки под дубами, ни одной поросшей мхом пещеры, где бы мы не раскидывали лагерь, ни одного источника, к которому мы не прильнули бы губами. Лес велик. Он принадлежит нам. Раньше сеньоры из Лонгея требовали с нас подати и налоги. Теперь они боятся произносить наши имена. Они не охотятся в лесу без большой вооружённой свиты, и в листве каждого дерева им мерещится спрятавшийся стрелок. Раньше всё они считали своим: и зерно, и плоды, и кур, и свиней. Каждый крестьянин должен был отработать столько-то дней на мельнице и столько-то – в давилъне для винограда. Теперь мы грабим монахов и обчищаем карманы у знатных, поджигаем замки и похищаем имущество монастырей. И, как только можем, облегчаем горести бедного люда. Мы ходим, высоко подняв голову, и никто не осмелится нам сказать: «Опусти глаза!» Мы охотимся на своих землях и едим мясо оленей и косуль. Ловим рыбу в своих реках и забрасываем сети в свои пруды. Мы вправе смеяться, когда нам весело, и спать вволю, когда нас сломит усталость. Можем гулять по холмам и долинам, когда нам заблагорассудится.

Глаза Колена сверкали. Выходило, что те, кого называли разбойниками, избрали для себя лучший удел. Ему нравилась их отвага, его восхищала их справедливость. Ведь на Гревской площади чаще висели с верёвкой на шее бедняки, чем знатные сеньоры.

– Скажи мне, Одри, наверное, все твои товарищи ловко стреляют из лука?

– Ни один из них не промахнётся по куропатке, взлетевшей над жнивом, и уж добрая половина вонзает стрелу с трёх туазов в лётку улья.

– А зимой, Одри? Что вы делаете зимой, когда деревья голы и лес покрыт снегом, когда дичь уходит в норы и бродят стаи волков?

Бунтарь разразился смехом.

– Зимой, конечно, трудновато, – сказал он. – Мы же люди из плоти и крови. Но нам известны глубокие берлоги, где раньше жили медведи, и земля окутывает нас своим теплом. И мы только посмеиваемся, когда холод пробирает нас сквозь камзолы. Ведь мы сами, по своему желанию, избрали эту вольную жизнь. Бедные крепостные, которые скалывают лёд во рвах вокруг замков и вяжут хворост морозным утром, страдают куда больше нашего.

– Почему же они не примкнут к вам, Одри? Неужели им не хватает храбрости?

– То, что возможно для десятерых, невозможно для тысячи. Как ни обширны наши леса, они не могли бы приютить всех. А многие прикованы к своим хижинам из-за жён и детей, которые не вынесли бы голода и усталости.

– Я мог бы идти за тобой с утра до ночи, Одри, а ведь мне всего пятнадцать лет.

– Ты рослый и крепкий, Колен, но я уверен, что наши законы тебе не под силу.

– Разве они так суровы?

– Нарушение их ведёт к смерти или предательству. Вольные люди должны подчиняться вожакам, которых они сами себе избирают. Не остережётся один, а повесить могут всех. И в пути, и в часы отдыха мы всегда должны быть начеку.

– А крестьяне вам помогают? – спросил Колен.

– Почему бы им не помогать, ведь враги-то у нас общие. Наш пример их обнадёживает. Гнев тлеет в хижинах, как головни под пеплом. Настанет день, когда от головней загорятся ветки, огонь побежит с дерева на дерево, и запылает весь лес. Этот день уже недалёк. Ведь

сумели жители Парижа прогнать дофина! Теперь ему пришлось с позором убраться в Компьен. Крестьяне Бовези, Мюльсьена и Амьена всё это взвесили и поняли, что в Париже творятся серьёзные дела. Разве торговцы и ремесленники не передали Этьену Марселю и Генеральным штатам²⁶ всю полноту королевской власти?

– На Гревской площади, – с важностью заметил Колен, – прево обратился ко всем, к торговцам и ремесленникам, а их там было видимо-невидимо, больше, чем сходится народу на огни в Иванову ночь²⁷. И говорил он так просто, что все могли его понять.

– Что же он говорил? – жадно спросил Одри.

– Его громкий голос доносился даже до Малого моста, где показывают свои фокусы фигляры и дрессировщики обезьян. «Мы не хотим больше грабежей, которые учиняют король и его бесчестные советники, – говорил Марсель. – Дофин плавит монеты и пускает в обращение более лёгкие, а это вызывает рост цен на съестные припасы. Нам надоело терпеть!» Он говорил хорошо, долго и очень смело. Все кричали: «Да здравствует Марсель, да здравствует прево!» И я орал не хуже других, так понравилась мне его речь. После этого дофин Карл со своей свитой убрался в Компьен.

Одри рукой привлёк Колена к себе.

– Я ничего не скрою от тебя, Колен. Жители Бовези поручили мне встретиться с прево и поговорить с ним о важных делах. Но, видимо, кому-то я показался опасным, и обо мне сообщили оставшимся в Париже друзьям короля. Потому-то на меня и напали в харчевне. Эти люди не успокоятся, пока не насолят мне как следует. Не знаешь ли ты, Колен, верного человека, который отвёл бы меня к Этьену Марселю?

– Я поговорю об этом вечером с Ламбером, помощником моего отца. Он человек достойный и многое знает.

– А можно на него положиться?

– За него я ручаюсь головой. И я уверен, что он тебе поможет. А я клянусь помочь вам обоим. Но что же ты будешь есть, Одри?

– Всякий человек может поститься двое суток, Колен. Житель лесов вытерпит и вдвое дольше. Для большего спокойствия я переночую сегодня в башне. Мне приходилось ночевать и в менее удобных местах. А как отсюда выйдешь ты?

– В церковной ризнице есть дверь, которая не запирается. Выбраться этим путём мне совсем не страшно. Куда страшнее ступить на порог отцовского дома. Спокойной ночи, Одри, до завтра!

И Колен исчез в тени за колоннами.

Оставшись один, Одри просунул руку под камзол. Кинжал его противника порвал одежду и задел плечо. Рана начала его беспокоить.

Не спеша он снял верхнюю одежду, потом рубашку и промыл рану святой водой из чаши.

А Колен тем временем уже достиг дверей мастерской, где его с большим волнением поджидал отец.

– Добрый вечер, господа! – звонко воскликнул Колен, видя, что Ламбер ещё не ушёл, а сидел подле его отца и рисовал при свече.

Это шутовское приветствие умерило гнев отца и вызвало улыбку на губах Ламбера.

– Вот господин сейчас надаёт тебе оплеух, упряму и бродяге! И где тебя ноги носят весь божий день?

– Я был в башне Святого Северина и в Рибекурских лесах, отец.

Лантье с удивлением посмотрел на сына.

---

²⁶ Генеральные штаты – см. предисловие.

²⁷ Иванову ночь, или ночь на Ивана Купалу, – старинный народный праздник, происхождение которого связано с древними языческими обрядами.

– Вот не знал, что эти леса находятся так близко! И у тебя ещё хватает дерзости потешаться над отцом?

– Никакой дерзости тут нет, отец, и, чтоб это доказать, я сейчас сбегаю к Катерине и узнаю, готова ли еда. Наверное, англичане на подступах к Парижу не были так голодны, как я.

– Первые весенние дни уже вскружили ему голову, – сказал Ламберу повеселевший Лантье.

– Это в нём молодые соки бродят, Лантье! Они обновляют и растения и людей.

– Пойдём заморим червячка, Ламбер! От всех нынешних страхов и забот я здорово проголодался. Но я ума не приложу, кто мог быть этот молодчик из Бовези, который так отдубасил людей прево.

Ламбер молча сложил свои краски и последовал за мастером.

Глава четвёртая

Над Парижем опускалась ночь...

Пьер Жиль, бакалейщик с улицы Малого моста, что подле тюрьмы Шатле, размотал накрученную на барабан цепь, протянул её поперёк улицы и соединил висячими замками концы с крюками, вделанными в стены домов. Спрятав ключи в карман блузы, он возвратился в свою лавку. По последнему указу, улицы на ночь положено было загораживать цепями. Пьер Жиль был спокойный, толковый и предприимчивый человек, верный соратник Этьена Марсея, разумный в совете и решительный в бою.

Три ночных сторожа зажгли три огня, горевшие в Париже всю ночь: на Нельской башне, у Пти-Шатле и на кладбище «Невинных младенцев».

В тот же час во дворце на правом берегу Сены двоюродный брат французского короля, Карл Наваррский, беседовал с Годфруа д'Аркур, рыцарем, состоявшим на службе у короля английского.

Карл любовался своим кубком богемского хрусталя, сверкавшим при свете свечей. Его задумчивый взгляд на мгновение приковало янтарное вино, искрившееся в гранях кубка.

– В этом вине, мессир²⁸ Годфруа, я вижу образ страны, где созревали виноградные гроздья, – сказал он. – Оно как раз в меру: не слишком терпкое и не слишком сладкое – хмельное орлеанское вино с необозримых виноградников Франции. Ах, чего бы я только не дал, чтобы сесть на французский трон! Я не пожалел бы Испании, Англии и обеих Фландрий.

– Я согласен с вами, монсеньёр, французская нация подобна зрелому плоду, который осталось только сорвать.

– До меня дошло, мессир Годфруа, что вы сказали то же самое и английскому королю.

Годфруа д'Аркур пожал плечами.

– Вы принадлежите к королевскому роду, монсеньёр. Вы приходите внуком Людовику Десятому²⁹ и отстранены от трона несправедливым законом. Прав у вас не меньше, чем у дофина. Кроме того, у вас хватает ума и хитрости. Париж у ваших ног. Вспомните толпы народа у заставы во время вашего вступления в город и восторженные возгласы, которыми были встречены ваши слова, произнесённые перед старшинами города, торговцами и ремесленниками у стен аббатства Сен-Жермен-де-Пре. Народ всему готов радоваться, как ребёнок.

– Вы ошибаетесь, сударь, – сказал Карл. – Я знаю народ гораздо лучше, чем любой дворянин нашего королевства. У народа крепкие плечи, и, когда он их расправит, никакая

---

²⁸ Мессир – в те времена форма обращения к почтенному лицу.

²⁹ Людовик Десятый – см. предисловие.

сила его уже не удержит.

Годфруа не стал скрывать своё изумление.

– Вы продолжаете нас удивлять, ваша светлость, и я хочу сказать вам откровенно: мне не уследить за всеми извилинами вашей мысли.

На тонких губах принца промелькнула улыбка, и в его слегка хмельном взгляде зажёгся мрачный огонёк. Всё было угловатым в его лице: и нос с горбинкой, и жестокий подбородок, и торчащие скулы. В наваррских разбойничьих бандах, которые он содержал, его прозвали «волком», а в устах этих непокорных горцев-грабителей, смотревших на любую войну, во имя чего она ни велась, как на повод к безудержным грабежам, это прозвище выражало неизменную преданность и уважение. Умный, не знающий укоров совести, искушённый во всевозможных интригах, он мало чем отличался от своих воинов. Он готов был разорвать Францию на куски с такой же холодной жадностью, с какой его банда грабила монастырь или какой-нибудь городок, но, будучи тонким политиком, он терпеливо дожидался своего часа. Если кусок мог достаться ему целиком, незачем было пускать в ход зубы и когти.

С треском разломилась головня и рассыпалась роем красных искр на каменном основании очага.

Карл встал и рассеянным движением размешал жар.

Годфруа с тайной завистью любовался той грацией, с какой Карл выполнил это обыденное дело. Обаяние Карла Наваррского быстро оказывало действие на всех, с кем он общался. Его изящная, но скромная одежда резко выделялась на фоне тяжеловесной роскоши других принцев и знатных особ его окружения.

– Послушайте, Годфруа, – сказал он, – мне не раз приходилось встречаться с торговцами, ремесленниками и крестьянами за кружкой вина в захудалых харчевнях, и там я узнавал больше, чем на собраниях вырождающейся высшей знати. Народ не лукавит. Люди многого ждут от Этьена Марселя, но он пока ещё не может обеспечить им безопасность, работу и дешёвую жизнь.

– В этом городе, ваша светлость, народ очень буйный, его нужно держать в узде. Но я вижу, что вы не торопитесь взять в руки бразды правления.

– Я могу и подождать, – сухо заметил Карл, протягивая к огню тонкие руки, – и надеюсь обойтись без чьей-либо поддержки. Мои дела идут не так уж плохо.

Годфруа поклонился.

– Уже поздно, монсеньёр, я пойду к себе.

В душе он надеялся, что принц пригласит его на ужин. И, словно прочитав его мысли, Карл подошёл к двери, украшенной королевскими лилиями.

– Спокойной ночи, мессир! – сказал он. – Сегодня я жду на ужин Этьена Марселя и некоторых его товарищей. Они обиделись бы, если бы я уделил им не всё своё внимание. Может быть, они намерены сообщить мне какие-нибудь тайны, предназначенные только для верных ушей.

Годфруа был оскорблён, но и глазом не моргнул. Не в первый раз ему приходилось сносить подобные унижения.

– Доброй ночи, монсеньёр! – сказал он.

Оставшись один, Карл опустился в высокое кресло перед камином и загляделся на языки огня, лизавшие дубовые поленья.

Странные фигуры возникали в недрах пламени. То казалось, что бушуют пожары, то появлялось расшитое золотом пурпурное королевское одеяние. Карл прищурил глаза, словно желая увидеть в этой игре света и тени знамение судьбы. Пламя вытянулось и, извиваясь как змея, заволокло королевскую мантию. Карл вздрогнул. Быть может, пред ним прошли причудливые извивы его судьбы?

– Вздор! – сказал он. – Мне страшен только один человек, дофин Карл, и я должен убрать его с пути, как зловонную жабу.

Он вдруг заметил, что говорит вслух. Встав, он прошёлся по комнате и прильнул горячим лбом к оконному стеклу. Счастливый час уже недалёк. Рано или поздно Марсель

предложит ему власть.

Карл позвонил в серебряный колокольчик, украшенный его гербом.

В дверях показался домоправитель мессир Эрбо, моргая, как сокол, с которого сняли колпачок. Он происходил из захудалого дворянского рода и долго состоял конюшим³⁰ у матери Карла, Жанны Французской. Дослужившись до седин, он приобрёл спесь, свойственную людям из свиты высокопоставленных лиц, и на всё смотрел глазами своего господина.

– Монсеньёр...

– Проверил ли ты, Эрбо, как обстоят дела с ужином?

– Монсеньёр в этом убедится.

– Надеюсь, дичь и рыба будут самого лучшего качества?

– В этом монсеньёр может не сомневаться. Дичь и паштеты готовит сам Робер Будриссан, а ведь это лучший повар во всём королевстве. Но теперь не те времена. Теперь в Париже даже при королевском дворе не такой стол, какой был круглый год у вашего отца, монсеньёра д'Эвре, в его герцогстве Нормандском.

«Вот чёртов болтун! – подумал Карл. – Мелет, а у самого слюнки текут!»

В нетерпении он щёлкнул пальцами.

– А как насчёт вин, Эрбо?

– Приготовлены самые лучшие, монсеньёр: анжуйские и бургундские.

– Пусть шестеро слуг с факелами в руках освещают вход, а стража, в парадной форме, выстроится от входа до большого зала, где будет накрыт стол. Прикажите разостлать самые пышные сирийские ковры и поставить самую дорогую серебряную посуду с выгравированным гербом, которую мне завещал покойный Филипп д'Эвре.

– Но ведь подобный приём оказывают только королям и принцам крови, монсеньёр!

– Чёрт возьми, Эрбо, перестаньте мне противоречить! Поймите, что Марсель и горожане стоят теперь большего, чем король и принцы. Это они распоряжаются короной.

* * *

Зажжённые факелы в руках у слуг бросали на окна пляшущие полосы света, но весь огромный Нельский дворец был погружён во тьму и всей своей массой давил на пустынный квартал. У этих мест была дурная слава. И половины столетия не прошло с тех пор, как здесь, в грузной башне, также называвшейся Нельской и образующавшей угол крепостной стены, разыгрались кровавые события, которые взволновали и двор и весь город.

С восточной стороны дворец доходил до улицы Невер, а на западе примыкал к крепостным стенам, тянувшимся вдоль реки, взбухшей от недавних дождей. Воды текли почти вровень с набережной, построенной ещё Филиппом Красивыми³¹, и несли нечистоты, отравлявшие воздух.

Этьен Марсель и его свита, предшествуемые двумя жезлоносцами и вооружённой охраной, быстро вошли под своды дворца. В вестибюле, украшенном охотничьими трофеями, они разделились. Эскорт выстроился у подножия монументальной каменной лестницы, а прево в сопровождении двух приверженцев последовал за домоправителем Эрбо. Когда они достигли площадки второго этажа, из галереи, которая вела во внутренние апартаменты, вышел Карл.

– Сегодня здесь очень плохое освещение, мессир прево, – сказал он. – Говорят, свечи в Париже стали редкостью. Придётся нам с вами ближе подойти друг к другу!

---

³⁰ **Конюший** – должность при дворе; обычно – дворянин, сопровождавший знатных лиц во время верховой езды.

³¹ **Филипп Четвёртый**, прозванный **Красивым** (1285–1314), – французский король.

Смысл этих слов противоречил тому беззаботному тону, которым они были произнесены. Этьен Марсель облегчённо вздохнул. Его миссия начиналась в счастливый час.

– Монсеньёр, – начал Этьен, – три дня назад вас с большим воодушевлением встретили у городской заставы цехи и народ. От их имени мы благодарим вас за то, что вы согласились принять нас в качестве послов. Знатные горожане поручили старшине города, Роберу де Корби, мессире Пьеру Жилю и мне сообщить вам о положении дел в Париже и королевстве.

Робер де Корби и Пьер Жиль поклонились. Энергичное лицо Пьера Жили составляло разительный контраст с тщедушной внешностью де Корби.

– Пойдёмте, пойдёмте! – приветливо сказал Карл. – Входите в большой зал. Мастера, строившие этот дворец, предусмотрели всё, кроме защиты от ледяного ветра, который дует с Сены. – И весело добавил, как гостеприимный горожанин, встречающий своих друзей: – Я умираю от голода, а сегодня мне предстоит двойное удовольствие: хорошо поужинать и посидеть за столом в приятном и умном обществе.

Переступив порог, друзья Этьена Марселя были потрясены роскошью, ожидавшей их в большом зале. Деревянная обшивка стен от пола до потолка была покрыта искусной резьбой лучших мастеров. Золотые сетчатые узоры шли вдоль массивных балок потолка и заканчивались уздечками в пастях львов, головы которых подпирали по концам эти балки. На стенах висели пурпурные ткани, украшенные золотыми шнурами.

Над очагом, по приказанию Карла, был высечен его герб.

Редкие меха белого и серого цветов, удивительно мягкие восточные ковры, кресла чёрного дуба с витыми подлокотниками, усеянные звёздами из эмали, – всё это приятно переливалось при свете очага.

Этьен Марсель большими шагами прошёл по залу и зябко протянул руки к огню. Длинное платье ещё больше подчёркивало его худобу, но в этом человеке чувствовалась такая выносливость, такая выдержка, такой скрытый пыл, что невольно забывалась его неуклюжая, как у цапли, походка, и вы видели только его лицо, лицо сурового и просветлённого пророка. Глубокие, чуть раскосые глаза были обведены синими кругами. Крупный и толстый нос выступал, как нос корабля. Из-под красно-синей шапки выбивались пряди седеющих волос. Этьену было немногим больше сорока лет. Его лицо, которое скульптор мог бы без большого труда вылепить из глины, требовало повиновения и внушало беспокойство.

«Марсель олицетворяет и славу, и гибель Парижа, – подумал Карл. – Он несёт в себе и пламя, и пепел. В нём уживаются и жёрнов, и зерно. Куда он может завести Париж?»

Немногим более двух месяцев назад, 22 февраля, в день Святого Элуа, купеческий старшина вооружил все цехи ремесленников и повёл их за собой, чтобы заставить дофина прислушаться к требованиям народа. Его призыв был с восторгом встречен пятитысячной толпой. Марсель направился во дворец и поднялся в покои дофина, который видел из окна приближавшиеся толпы людей. Прево потребовал у дофина, чтобы тот защитил Париж, стонущий от разбоя военных наёмников разных национальностей и от вымогательств советников принца. При этом он многозначительно посмотрел на стоявших тут же маршалов Шампани и Нормандии³².

Карл, ещё более бледный, чем обычно, резко ответил на справедливые увещания прево.

– Раз так, сир, – сказал Этьен, – не удивляйтесь тому, что вы сейчас увидите. – И, повернувшись к своим спутникам, он воскликнул: – Итак, быстро свершите то, для чего вы сюда пришли!

Против советников дофина издавна накопилась жгучая ненависть, и не успел Марсель отдать этот приказ, как оба маршала пали под ударами десятка клинков мстителей. Это произошло в такой непосредственной близости от дофина, что его одежда была забрызгана кровью. Охваченный ужасом, тот, кто впоследствии вошёл в историю под именем Карла

---

³² Маршалы Шампанский и Нормандский – см. предисловие.

Пятого Мудрого и был признан образцом всех добродетелей, стал плакать и умолять о пощаде.

Не сказав ни слова, Этьен Марсель нахлобучил ему на голову свою красно-синюю шапку и отправился на Гревскую площадь, где собрался народ. Марсель поднялся в ратушу и оттуда держал речь, просто и ясно поведав о случившемся:

– Двое главных предателей, маршалы Шампанский и Нормандский, умерщвлены. Да смилуется над ними господь и примет к себе их души!

Громкие крики поднялись до остроконечных крыш и потонули в небе.

– Вы сделали то, что надо. Мы пойдём за вами!

Одни размахивали зелёными ветками, как в вербную неделю, другие радостно кричали: «Ноэль! Ноэль!»³³

Черная уверенность в поддержке богатых горожан и простого люда, Этьен Марсель возвратился во дворец.

Потрясённого неожиданностью и горем дофина окружали его ближайшие приверженцы. Тела обоих маршалов уже были вынесены в соседний зал.

– Не печальтесь, монсеньёр, – сказал дофину купеческий старшина.

Бледное лицо Карла немного оживилось. Казалось, он хочет гневно ответить, но Марсель не дал ему времени.

Глаза прево сверкнули, и приближённые дофина, терзаемые злобой, согнулись, как деревья в бурю. Голос Марселя зазвучал необычно страстно.

– Не печальтесь! – сказал он. – То, что произошло, произошло по воле народа.

Страшные слова грозной силы, сказанные впервые. Этим словам суждено было греметь на протяжении веков как предвозвестие новых времён. Они гулко отдались под сводами и, после того как суровый прево замолчал, ещё долго звучали в ушах и стучали в висках дофина.

* * *

---

³³ Ноэль – радостный возглас.

Домоправитель Эрбо объявил, что стол накрыт. Его воспалённые глаза моргали чаще обычного.

– Прошу к столу! – пригласил Карл Наваррский.

Он усадил Этьена Марсея по правую руку от себя, а Пьера Жиля и Робера де Корби –

одного напротив другого. Стол был освещён двенадцатью высокими свечами.

Четверо слуг в ливреях наваррского двора и в туфлях на войлочной подошве, неслышно ступая, вошли в комнату. Каждый из них нёс по серебряному блюду.

Карл украдкой наблюдал за выражением лиц гостей. На Робера де Корби и Пьера Жилия приём, по-видимому, произвёл благоприятное впечатление, но Марсель оставался озабоченным. Он едва взглянул на чередовавшиеся кушанья – паштет из зайца, маринованного гуся и жареных фазанов, – которые слуги подавали со столика, стоявшего между большим столом и очагом.

– Мессир Эрбо будет прислуживать сам, – сказал принц, жестом отстраняя людей в ливрее.

Старый домоправитель вздрогнул.

– Не огорчайтесь, мой добрый Эрбо, – добавил Карл, когда слуги вышли. – Сегодня здесь, вероятно, пропоют такие песни, которые не для посторонних ушей.

Это было сказано шутливым тоном, обычным у Карла, когда он приступал к решению серьёзных вопросов.

Этьен Марсель задумчиво поглядел на него. Поймёт ли этот комедиант роль, которую ему сейчас предложат сыграть? Правильно ли поступало купечество Парижа, решив использовать Карла Наваррского в борьбе против дофина, который сидел в Компьене, но собирался идти на Париж? А может быть, Карл Наваррский не так прост, как кажется, и столкнется с чужеземным королём, когда почувствует, что этого созрело время?

На этот вопрос прево не мог бы ответить, но при нынешнем положении дел в королевстве только наваррское оружие могло взять под защиту Париж.

И, словно разгадав ход мыслей гостя, проницательный Карл кончиками пальцев дотронулся до его руки:

– Веселей, мессир, небо над нашим прекрасным городом скоро прояснится! Сперва хорошенько подкрепимся, а тогда и дела легче будет обсуждать.

Взяв с серебряного блюда кусок нежного фазана с хрустящей корочкой, он положил его на тарелку гостю.

– Вот кушанье, которое вам доставит удовольствие, мессир. А ну, Эрбо, налей-ка нам ионского вина, и поднимем кубки во славу свободного города Парижа!

Ловкий Карл хорошо провёл свою роль. Он увидел, как заиграла улыбка на тонких губах Робера де Корби и как оживился даже сам Этьен Марсель.

Теперь он уже знал, зачем гости пожаловали к нему.

Глава пятая

Ламбер лежал в каморке, которую занимал в мансарде дома Лантье, и никак не мог уснуть. Он без конца ворочался на тюфяке, набитом соломой и стручками гороха. Через слуховое оконце проникал луч луны, и в каморке было светло, как днём.

«Не весна ли так действует на меня? – подумал подмастерье. – И чего это я такой беспокойный?»

По улице Святого Якова, громко разговаривая, прошли лучники из тюрьмы Шатле. Где-то у ограды церкви Святого Северина лаяли и грызлись бездомные псы.

«Скоро рассветёт, пора за работу, а я буду носом клевать. Хватит тебе, Ламбер, успокойся!» Но эти благие рассуждения были напрасны. Мысли снова и снова переносили его в харчевню «Золотого ларца», и из головы не выходило происшествие, свидетелем которого он стал накануне.

«Где же я мог видеть этого рыжего? – спрашивал он себя в десятый раз. – Где же это? И как он тогда был одет?»

Он имел в виду стражника, которого так ловко отдубасил компьенец. Поистине, странные дела творились в королевстве.

* * *

А в это время Перрену Рыжему досталась от Готье Маллере, капитана стрелков, такая головомойка, какой он не помнил за всю свою службу.

– Проклятый висельник! – орал капитан. – Пусть задавит тебя петля! Когда дофин вернётся в свой добрый город и палач начнёт потрошить и колесовать Этьена Марселя с его свитой фигляров и рубить им головы, я не забуду рассказать, как лучник Перрен Рыжий дал потрепать себя мужлану, вооружённому какой-то дрянной палкой, и как пустились наутёк те храбрецы, что были с ним. Красиво, нечего сказать! Лучше отправляйся в Сите торговать лекарственными травами или расхваливать вино какого-нибудь кабатчика, но только, чёрт побери, сдай свой шлем и лук. Иди в писаря, монахи или аббаты, но убирайся с глаз моих!

Перрен Рыжий упал на колени и сложил руки, как на молитве.

– Пощадите, мессир Готье, я исправлю дело, пощадите! Я доставлю вам этого проходимца, связанного по рукам и ногам.

Эта сцена, освещённая тусклым пламенем масляной площадки, прикреплённой к стене тюрьмы Шатле, не лишена была живописности. Мессир Готье, в парадной форме капитана походивший на воинствующего святого Михаила, метал громы на Перрена Рыжего, который так оплошал. Но задор капитана был только показным. Как скажет он мессиру Жаку де Пиккуаньи о провале его поручения?

Жак де Пиккуаньи, бывший оруженосец дофина, жил на улице Шаронери, в старом особняке, куда сходились все нити заговора, затеянного двором в Компьене против Этьена и горожан. Не угодить Пиккуаньи – значило не угодить дофину.

Готье Маллере что-то обдумывал.

– Послушай, Рыжий, – сказал он, – на этот раз я тебя прощу.

– Большое спасибо, мессир, я всегда буду вашим покорным слугой.

– Помолчи! Ты будешь моим подручным. Я знаю о тебе достаточно, чтобы ты держал язык за зубами. На Монфоконской виселице³⁴ хватит свободных мест.

Перрен Рыжий заскулил, как охотничий пёс, на которого грозят надеть намордник.

– А теперь слушай! Пусть все думают, что наш мужлан мёртв. Ты заколол его кинжалом и бросил в Сену.

– Понимаю, мессир, понимаю!

И он повернул к капитану мокрое от слёз лицо.

– А пока что займись поисками. Ты должен хоть за уши притащить ко мне этого бродягу. И выполняй неукоснительно мои указания.

Гремя доспехами, капитан ушёл назад, в тюрьму Шатле. Дождавшись, пока под сводами не стих шум шагов капитана, Перрен Рыжий умчался со всех ног. Через переулок Святого Юлиана Нищего он добрался до улицы Святого Якова, боясь, как бы его не заметили так поздно после сигнала к тушению огня. Лучник жил с женой за углом, в переулке Головорезов, в низеньком доме позади Сорбоннского коллежа³⁵. На своём пути он миновал также улицу Писцов и прошёл мимо дома Лантье, где в это самое время Ламбер ломал себе голову над тем, где он видел этого рыжего.

* * *

Колен медленно приоткрыл дверь конурки, в которой жил подмастерье. Но хотя мальчик проделал это почти бесшумно, Ламбер сразу же вскочил – он знал осторожность

---

³⁴ **Монфоконская виселица** – виселица, воздвигнутая в XIII веке в Монфоконе, предместье Парижа.

³⁵ **Сорбоннский коллеж** основан в 1253 году Робером Сорбоном, духовником французского короля Людовика Девятого.

своего крестника. Время от времени мальчик поднимался в мансарду и поверял ему свои радости и горести.

– Ты не спал, Ламбер?

– Да вот, не спится. Но не скрипи половицей. Если отец услышит, тебе как следует попадёт.

– Я пришёл по важному делу, Ламбер, и могу посоветоваться только с тобой.

В немногих словах он рассказал о своей встрече с Одри, вольным жителем лесов.

– Я обещал помочь ему, но без тебя, Ламбер, ничего не могу сделать. Ты непременно должен поговорить с Одри. Это необыкновенный человек. А я знаю, что у тебя много друзей среди людей, близких к Этьену Марселю.

– Кто тебе сказал, Колен? Можно подумать, что стены этого дома состоят не из камней, а из глаз.

– У меня у самого зоркие глаза. И уши мои неплохо слышат, – сказал Колен. – В городе даже поговаривают, будто ты один из тайных советников прево.

– Всё это сказки кумушек и пустая болтовня. Послушай, Колен! Завтра я буду рядом с церковью Святого Северина. Нужно отнести вывеску Тьебо Гизару. Ты пойдёшь со мной, и мы всё решим на месте. А теперь – марш в постель! Уже поздно, а твой отец встаёт вместе с солнцем.

* * *

Окна в Нельском дворце погасли одно за другим, как задутые свечи. Только в крыле, ближайшем к крепостной стене, всё ещё светилось одно окно. Карл Наваррский бодрствовал. Гости ушли поздно. Этьен Марсель, Робер де Корби и Пьер Жиль рассказывали о трудностях, обрушившихся на Париж. Муки не достать, хлеба не хватает. Кошки и те почти исчезли. Ежедневно к городским воротам сотнями стекается бедный люд, согнанный с насиженных мест бесчинствами английских банд. Швейцарские и немецкие наёмники бросили службу у дофина и предают деревни огню и мечу. Говорят, будто вчера какая-то шайка разграбила Нейи на Сене, в одном лье от крепостной стены, и совершила бесчисленные злодеяния, жертвами которых стали не только мужчины, но даже женщины и дети.

– Наверное, монсеньёр слышал о главаре этих разбойников, английском капитане, по имени Роберт Серкот, – добавил Пьер Жиль. – Он не верит ни в бога, ни в чёрта, по четыре дня проводит в седле без сна и не расстаётся со своей кольчугой, которая оберегает его от самых опасных клинков. Правда ли это, монсеньёр?

– Клянусь святым Михаилом, мессир, – воскликнул Карл, – если он существует, я был бы рад видеть его на кончике моего копья!

В действительности же Карл Наваррский и Серкот были связаны узами тесной дружбы. Они вместе воевали в Нормандии, разграбили не один город, облагали данью целые округа, а потом, как бывалые рубаки, вместе пировали в замке д'Эвре. Пьеру Жилю всё это было известно. Поэтому он враждебно относился к Карлу Наваррскому и не раз говорил на собраниях Генеральных штатов, что от такого двуличного человека нельзя ожидать ничего хорошего. «Это всё равно, что вручить ключи от Парижа английскому королю!» – не раз восклицал он, но никто не внимал его предупреждениям.

Этьен Марсель наклонился к Карлу и произнёс роковые слова:

– Монсеньёр, парижские цехи поручили мне просить вас взять Париж под своё покровительство.

Карл не мог сдержать радостного трепета: парижские горожане вручали ему французскую корону.

Итак, годы интриг, притворства и лживых посулов не пропали даром. И претендент на корону чуть было не сказал: «Я согласен».

Трое горожан ждали. В ту минуту, когда они собрались передать Карлу часть своей

власти, им ещё яснее представились те великие изменения, которые произошли при их участии. Ведь они прогнали дофина, сына короля и законного наследника престола. Пьер Жиль наблюдал за лицом Карла. Оно вновь обрело свою непроницаемость.

– Мне очень лестно ваше доверие, – сказал Карл, – но я не могу согласиться. Конечно, я буду поддерживать все ваши начинания, которые пойдут на благо нашего города. В такую минуту я не могу думать о моей распри с кузеном Карлом или о моих законных правах на французскую корону. Я не хочу использовать созданное вами положение в своих интересах. Это было бы бесчестно по отношению к королевству. Но, клянусь святым крестом, прево, я буду поддерживать все ваши действия.

Бледные щёки Марселя залились краской. Он был достаточно тонким политиком, чтобы понять, что Карл Наваррский соблюдал осторожность. Несмотря на свои разногласия с дофином, принц оставался верен людям своей крови.

Итак, всё было сказано. Этьен Марсель поднялся. Его примеру последовали Робер де Корби и Пьер Жиль.

– Мы благодарим вас за добрые слова, монсеньёр!

Когда посетители ушли, Карл Наваррский ещё долго сидел у очага, глядя, как рассыпаются горящие угли.

Затем он встал, подошёл к прислонённому к стене пюпитру, достал из ящика небольшой свиток тонкого пергамента и уверенным движением обмакнул гусиное перо в бронзовую чернильницу. Его почерк с резкими нажимами выдавал взволнованность – следствие крайнего напряжения, в котором он находился весь вечер.

Кончив, он подписался: «Карл, милостью божьей король наваррский», – а затем вполголоса перечитал письмо, чтобы ещё раз взвесить всё изложенное.

«Любезный друг. Держите ваших лучников наготове. У меня есть все основания полагать, что ещё до Иванова дня англичане и наваррцы будут сражаться с войсками дофина. В этом случае мы по праву сможем объединить наши усилия. В октябре Париж падёт, как плод айвы, и нам не придётся пробивать его стены.

Народ не может помешать росту цен на соль и на муку, и растущее недовольство скоро вырастет в бурю».

Наваррский волк ловко вёл свою игру. Ни один из баронов не мог бы его потом упрекнуть за то, что он вступил в сделку с парижскими бунтарями, а доверие Марселя развязывало ему руки в столице, покинутой дворянами.

Ему остаётся разгромить дофина и... заточить в какой-нибудь отдалённый монастырь.

– Эрбо! – позвал он.

Появился разбуженный домоправитель. Он путался в длинной ночной рубашке, и его тень на стене напоминала испугнутую сову.

– Что угодно монсеньёру?

– Велите оседлать лучшего коня, и пусть гонец немедленно доставит это письмо в Понтуазу, мессире Серкоту. Снабдите гонца пропуском, подписанным прево. Это поможет ему проехать через заставу Сен-Дени.

Эрбо босиком кинулся в коридор выполнять приказание, а Карл Наваррский ушёл в свою спальню.

По сути дела, ещё ничего не началось, но его мечты уже облекались в отчётливую форму.

Глава шестая

Церковный сторож Жоно удивительно ловко пробирался в темноте. Ночью он видел так же хорошо, как и среди бела дня. Его глаза привыкли к полумраку, всегда царившему под высокими сводами храма. Бесшумно и быстро, как кошка, скользил он в этой черноте, словно источаемой камнем плит. Церковь Святого Северина была его владением. Жоно знал в ней все переходы. Ежедневно он всё тщательно осматривал и к каждому камню испытывал

глубокую привязанность собственника, что побуждало его безжалостно гнать с паперти нищих и бродяг.

Жоно питался жалкими подачками кюре и монахов церкви Святого Северина и ютился в убогой лачуге, которая, казалось, вот-вот будет погребена под обломками ветхой кладбищенской стены, с западной стороны церкви. Но он не роптал на это жалкое существование. Оно его не тяготило. Он первым в округе узнавал обо всех интригах и умел извлечь пользу из сплетен, тайных признаний и злобных пересудов.

Жоно сильно хромал. Горечь и злоба калеки вылились в такой религиозный фанатизм, которого хватило бы даже палачу инквизиции. А сколько бедных людей испытало на себе гнев церковного правосудия только из-за того, что они говорили слишком громко, когда поблизости проходил, волоча ногу, сторож Жоно!

Жоно брёл по храму, и вдруг сердце старика сильно забилося. Он мог поклясться, что в башне кто-то разговаривал.

Жоно прильнул к колонне. Его ухо, чуткое к привычным шорохам, насторожилось в тишине безмолвных галерей. Теперь он был уверен, что не ошибся: кто-то разговаривал у подножия витой лестницы. Но как это могло случиться в столь ранний час, когда все двери заперты? Эта загадка заставила его вздрогнуть. Кровь ударила в голову. Мысль, что кто-то мог его одурачить, возмущала Жоно.

Крадучись, достиг он колодца с целебной водой, расположенного против лестницы, что вела на колокольню. На последней ступеньке сидели Колен Лантье, Ламбер и Одри. Они вполголоса о чём-то беседовали.

Ранним утром мальчик и подмастерье доставили вывеску Тьебо Гизару, хозяину «Золотого ларца». Колен нёс в холщовом мешке краюху хлеба, несколько яблок и кусок сала для бунтаря. Теперь, не переставая жевать, Одри рассказывал Ламберу о своих приключениях:

– Я всего лишь бедный крестьянин, и Париж пугает меня. Мне и в голову не приходило, что попасть к Этьену Марселю будет так трудно. Жители деревень с берегов Уазы просили меня: «Одри, поговори от нашего имени с Этьеном Марселем. Только он один может нас понять». Я выполню их просьбу, хотя бы это мне стоило ещё пятнадцати ударов кинжалом.

– Значит, ты ранен? – с тревогой в голосе спросил Колен.

– Пустяки, клинок только проколол кожу плеча.

Колен не успокоился до тех пор, пока смельчак не показал свою рану.

– К вечеру я принесу тебе мазь, – сказал мальчик. – Рана по краям ещё не зарубцевалась.

Одри весело ухмыльнулся.

– Эти парижские вояки – жалкие людишки. Не приведи бог им встретиться с Долговязым. Его топор никого не помилует, англичане уже испытали это на своей шкуре.

– А кто этот Долговязый?

В глазах Одри зажгётся гордый огонёк.

– Долговязого знают все на берегах Уазы, от Клермона до Компьена. Это дровосек из Рибекурских лесов. Ни одно дерево не устоит под его топором. Он на голову выше самых рослых и руками разгибает новую подкову. Когда банды годонов поднялись вверх по Уазе, перепуганные сеньоры отдали им на разграбление деревни. Англичане опустошили всё вокруг страшнее саранчи и оставили после себя лишь пустые стойла и горящие хижинки. Какое было несчастье для бедного люда! И вот, с наступлением зимы, Гийом Лалуэтт из деревни Лонгей отправился в лес за Долговязым. Они сговорились между собой и подняли всех крестьян, чтобы прогнать врага с берегов Уазы.

Англичане осадили Лонгейский замок, но их атаквали Лалуэтт и Долговязый со своими людьми, а я подоспел из лесу с моими лучниками. Долговязый творил топором такие чудеса, каких я в жизни не видывал. Англичане, хвастуны и нахалы, пали пред ним на колени и молили о пощаде. Но он не знал жалости к ним.

Врагам пришлось убраться за Уазу. С тех пор крестьяне ведут с ними успешную борьбу, а Долговязый для англичан страшнее самого Михаила Архангела. Гийом Лалуэтт, который и раньше бывал на войне, укрепил стены Лонгейского замка, и радостно было, что народ отстоял крепостные стены, с которых бежали трусливые сеньоры.

Рассказ об этих великих событиях наполнил волнением и восторгом сердце Колена. Каждое слово запечатлевалось в его мозгу.

– А Долговязый стал теперь капитаном? – спросил он.

Одри покачал рыжей головой.

– Ничего подобного. Он по-прежнему рубит дрова и пашет землю. Но, когда вдали показываются английские банды, рог оповещает одно селение за другим. Крестьяне бросают мотыгу, чтобы взять в руки лук или вилы, Долговязый кладёт на плечи топор, и все выходят вместе гнать англичан.

– А сеньоры?

– Сеньоры танцуют при дворе короля в Компьене. Но они нам совсем не нужны. Жак Простак³⁶ сам хочет быть себе хозяином.

Одри заговорил громче, и его слова рождали странные отголоски под церковными сводами.

Жоно вздрогнул, словно дотронулся до змеи, и перекрестился. От этих нечестивых слов сейчас разверзнется небо и сотрёт в порошок еретиков, которые смеют их произносить. И он втянул голову в плечи, словно ожидая удара молнии.

А Колен Лантье призадумался. Он был до глубины души взволнован рассказом Одри и вдруг ясно представил себе драму крестьян, прикованных к земле. Всё это было для него ещё смутным, далёким, но дела Одри, Гийома Лалуэтта и Долговязого пробудили в его мозгу отголоски ранее слышанного. Разве не рассказывали, что сеньор имеет право распродать детей своего крепостного в разные руки и раскидать семью по всем четырём концам графства? Разве не говорили, что карп, пойманный в пруду сеньора, стоил крестьянину если не жизни, то ужасных увечий? Разве не было известно, что крепостные, мужчины и женщины, должны были в мае ночи напролёт бить в замковых рвах лягушек, чтобы их кваканье не нарушало покоя сеньоров? И чего только не рассказывали!.. Деревенская жизнь была парижанам чужда, и представление о ней ограничивалось тем, что крестьяне работают на владельцев замков: сеют рожь и ячмень, рубят лес, поддерживают в исправности дороги, а сами живут в прокопчённых лачугах, где дети растут, как скотина.

Приход Одри посеял в душе Колена зерно надежды. Значит, Жак Простак хочет стать сам себе хозяином. Жак Простак снял с гвоздя свой лук и наточил вилы.

– Я постараюсь днём встретиться с Пьером Жилем, и он отведёт тебя к Этьену Марселю, – сказал Ламбер. – А пока церковь Святого Северина будет для тебя лучшим убежищем. Враги не догадаются, что ты здесь.

По телу Жоно пробежала радостная дрожь. Итак, у него хватит времени. С тысячью предосторожностей он вернулся в церковь. Несколько минут было достаточно, чтобы отдышаться, затем он закрыл за собой дверь ризницы.

«Так-то, голубчики! Вы затеваете заговор против короля и церкви! Готье Маллере сумеет подрезать вам крылья, а кое-что перепадёт на этом деле и мне».

Парижское восстание, которое привело к власти Этьена Марселя, казалось Жоно событием временного значения. Скоро вернётся дофин со своим войском, и все эти горожане будут болтаться на Гревской площади в пеньковых воротниках. А пока Готье Маллере олицетворял для него власть короля.

Несмотря на ранний час, сторож решил немедленно отправиться в Пти-Шатле. В виноградниках у церкви громко свистели дрозды. «В гнёздах скоро вылупятся птенцы, – подумал Жоно. – Когда стемнеет, нужно будет пойти и поглядеть». Проходя по улице

---

³⁶ Жак Простак – см. предисловие.

Писцов, он с усмешкой посмотрел на дом Франсуа Лантье.

«Старый пачкун, твой нечестивый сынок заставит тебя поплакать кровавыми слезами!»

На улице Святого Якова какой-то всадник забрызгал Жоно грязью. Сторож погрозил ему вслед кулаком. Сегодня он не пробирался вдоль стен, как обычно, а гордо шагал посреди мостовой.

Готье Маллере обливался холодной водой, когда слуга доложил, что пришёл церковный сторож Жоно и хочет сообщить ему что-то важное.

– Пусть этот хромоногий катится ко всем чертям! Вечно он мелет всякий вздор, как старая сплетница.

Слуга исчез, а капитан, облегчив душу ругательствами, снова обдал лицо и грудь холодной водой. Дверь опять тихо отворилась.

– Мессир, – сказал слуга, – сторож настаивает, чтобы вы его приняли. Он говорит, будто в башне прячется какой-то беглый преступник и произносит кощунственные речи.

Готье Маллере чуть было снова не задохся от гнева, но при последних словах насторожился. Ведь от церкви Святого Северина рукой подать до харчевни – их разделял лишь чей-то забор.

– Пусть он войдёт, да поживее!

Жоно, не переставая теребить в руках шапку из крысиных шкурок, пересказал всю сцену, свидетелем которой ему довелось стать. Он не упустил ни одной мелочи.

– Мне кажется, мессир, что наше правосудие должно всей своей силой обрушиться на этих еретиков. Я только скромный слуга бога и короля.

Но Готье Маллере уже не слушал его. Круглое, как шар, лицо вояки оживилось. Сердце его наполнилось радостью. Громовым голосом он позвал слугу, велел ему бежать на улицу Головорезов и немедленно при вести Перрена Рыжего. Он шагал взад и вперёд по комнате, от удовольствия потирая руки и бормоча какие-то неясные слова.

– А что за люди разговаривали с этим подлым вилланом? – спросил он.

– Мужчина мне незнаком, мессир, а мальчишка – это сын Франсуа Лантье, живописца вывесок с улицы Писцов.

– Так ты говоришь – Лантье? Верно, тот озорник, что стреляет из лука, как Аполлон. Когда король вернётся в наш славный город, для трупов не хватит рвов у Пти-Шатле, а торговцы рогожей разбогатеют. Досадно, что мальчишка спутался с негодяями. Я с удовольствием взял бы к себе такого ловкого стрелка. Но что тебе ещё нужно? Чего ты стоишь как пень?

Жоно опустил хитрые глаза.

– Ничего, ровно ничего, мессир. Просто я слышал, что офицеры короля иногда награждают за такие сообщения.

– Ты ведь знаешь, что дофин в Компьене, наглый попрошайка. Хватит с тебя и моего благословения!

И он вытолкал Жоно за плечи, приказав ему держать язык за зубами.

– Запомни, что я тебе сказал, а не то составишь компанию воронам в хорошо тебе известном месте.

Жоно поспешно перекрестился.

– Я ваш слуга, мессир, покорный и благодарный слуга.

Он быстро покинул сырые и мрачные стены Пти-Шатле, даже не взглянув на прорезанные вровень с землёй пыльные тюремные оконца, за которыми, как гласила молва, люди гнили по двадцать пять лет в заточении.

Небо над Сенной уже не казалось ему таким голубым, а воздух – таким лёгким. И он жаждал поскорее очутиться вновь под сводами церкви Святого Северина, в тиши ризницы, пропитанной запахом ладана и свечей.

Глава седьмая

Готье Маллере был не из тех людей, кто откладывает дела в долгий ящик. Около четырёх часов дня он через расселину в ограде тихонько пробрался на кладбище при церкви Святого Северина. В камерке Жоно его ждал Перрен Рыжий со своими двумя приспешниками – Массе Перреном и Жаном Кузеном.

Когда утром капитан вызвал Перрена Рыжего, он спросил, что представляют собой его помощники, и лучник, всегда обращавшийся к ним в трудных случаях, когда затевалось какое-нибудь тёмное дело, ответил:

– Они самые отъявленные и матёрые злодеи во всём Париже. Не быть мне в раю, если это не так!

Впрочем, достаточно было посмотреть на их рожи, чтобы воздать должное пронизательности Рыжего, и капитан, которому приходилось сталкиваться в Париже со всякими подонками, готовыми за небольшое вознаграждение укокошить своего ближнего, читал это на их лицах, как в открытой книге.

Прочистив горло, Готье повелительным жестом указал Жоно на дверь, а сам подошёл к наёмным убийцам.

– Так вот, молодчики, вам посчастливилось уйти из рук палача. Если бы не доброе отношение к вам Перрена Рыжего из королевской стражи, вороны и грачи давно бы очистили от мяса ваши кости. Знаете вы это, бродяги?

Оба негодяя с удручённым видом опустили головы и разом ответили:

– Нам это известно, монсеньёр.

– Хорошо! Похоже на то, что вы раскаиваетесь, – сказал Готье. – А чтоб это доказать, вы должны убить человека, от которого вчера удирали, как монахи от бродячих псов. Не так ли, Рыжий?

– Это так же верно, мессир, как то, что на моём лбу ещё горит ссадина от вчерашней стычки.

Капитан с такой силой ударил себя в грудь, широкую, как у быка, что задрожали стены.

– Итак, мошенники, сейчас мы отправимся вместе, и, если кто-нибудь из вас струсит и вздумает бежать, я его тут же на месте в порошок изотру.

Массе Перрен и Жан Кузен в смущении ковыряли землю носками башмаков. Рыжий клялся, что его рука не дрогнет, а также ручался за храбрость своих помощников.

– Если так, – сказал Готье, – прикончим негодяя, и как можно скорее. Тот, кто нанесёт ему первый удар, получит три ливра звонкой монетой.

Сидя на краю какой-то могилы, Жоно предавался горестным мыслям. Готье Маллере поступал нечестно, отстранив его от дела. Грубый голос капитана прервал его размышления.

– Эй, сторож, покажи-ка нам дорогу! А вы глядите в оба! Схватите молодца и выпустите из него кишки прежде, чем он успеет сказать «аминь»!

Через узкую дверь ризницы они прошли в церковь, и, когда переступили порог, их сразу обдало ледяным холодом. Торжественное спокойствие и величие храма не могло не подействовать даже на этих людей, не исключая Готье Маллере, который проявлял полное безразличие к вопросам религии и даже позволял себе иногда подшучивать над служителями церкви. Чтобы заглушить шум шагов, Жоно старательно обмотал тряпками ноги храбрецов.

– Мессир капитан, – сказал, сторож, – башня – в конце здания. Пробираясь туда, прячьтесь за колоннами.

– Клянусь кровью спасителя, ты пойдёшь с нами, Жоно, хотя ноги у тебя и дрожат, как камышины под ветром, – сказал Готье Маллере.

– Мессир, – взмолился сторож, – ведь я честно привёл вас сюда. Избавьте же меня от вида крови! Убийство в стенах храма карается отлучением от церкви.

Перрен и его подручные тайком перекрестились. Готье Маллере раздражённо махнул рукой. Этот проклятый болтун может расстроить всё дело.

Но медлить было некогда. Притиснув сторожа к стене, он схватил его одной рукой за горло.

– Не валяй дурака, хромоногий! Мы вершим правосудие. Ты должен забыть всё, что

здесь произойдёт. Поклянись в этом, иначе я сверну тебе шею, как цыплёнку.

От крепких пальцев капитана лицо Жоно посинело, а глаза вылезли из орбит. Он мог только невнятно пробормотать:

– Клянусь святым распятием, мессир!

Маллере отпустил его.

– Убирайся к чертям, церковная крыса! Ещё одно слово, и я вырву у тебя язык. А вы ступайте за мной, да так, чтобы не скрипели плиты.

Его безудержная ярость клокотала, как горный поток. Мощная грудь порывисто дышала под кожаным камзолом.

– К дьяволу осторожность! – прорычал он.

И, сорвав с ног тряпки, бросился по проходу вперёд с кинжалом в руке, прежде чем Перрен Рыжий и его помощники успели его остановить.

Жоно забился в какой-то закоулок.

Перрен Рыжий секунду колебался, а затем все трое поспешили вслед за капитаном. Топот ног и громкие крики гулко звучали во всех уголках храма и эхом отдавались под высокими сводами.

Лесоруб Одри, вскочив на ноги, схватил увесистую дубовую доску, которую прихватил по дороге из кучи материала, заготовленного плотниками. Бунтарь решил дорого продать свою жизнь. По узкой лестнице мог пройти только один человек, и Одри, таким образом, занимал очень выгодную позицию.

Враги одновременно заметили друг друга. Капитан остановился у колодца Святого Северина, а Одри своими широкими плечами загородил вход на винтовую лестницу. Оба они были огромного роста, и оба – на редкость сильны. Готье тяжело дышал, и грудь его вздымалась, как кузнечные мехи. Одри, прочно упёршись ногами в ступени, ждал нападения.

– Сдавайся королевской страже! – заорал Готье.

– А ну-ка, поди возьми меня!

Перрен Рыжий и оба головореза, как зайцы, трусливо отскочили назад.

– Стойте! Схватить этого проходимца и прикончить его! – заорал капитан. – Кто первый дотронется до него, получит кошелёк!

Массе Перрен и Жан Кузен начали подступать слева и справа к лестнице. Им не раз приходилось проникать и в более опасные места. Наёмные убийцы по опыту знали, что, нанося удары, они могут получить сдачи. Чтобы уменьшить опасность, они, обнажив клинки, одновременно кинулись на противника. Но внезапность нападения не смутила Одри. Он махнул доской, как косой, и с такой силой двинул Жана Кузена в бок, что тот, падая, толкнул Массе Перрена, и оба разбойника покатались на каменные плиты.

Массе Перрен сразу же вскочил, а Жан Кузен громко застонал и пополз, как змея, держась за ушибленный бок.

Одри крепче сжал свою доску и смерил взглядом третьего противника, но тут Готье Маллере, схватив скамейку и укрывшись ею, как щитом, кинулся на мятежника. Его прыжок был так стремителен, что враги сшиблись грудью, а их оружие разлетелось в щепы.

Одри услышал возле себя порывистое дыхание капитана, почувствовал запах лука и кислого вина. В руке у противника блеснуло лезвие кинжала. С быстротой молнии Одри схватил капитана за руку. Кинжал скользнул по груди крестьянина, поцарапал кожаную безрукавку и с лязгом упал на каменные плиты.

Началась борьба не на жизнь, а на смерть. Каждый пытался задушить другого. Силы у них были равные, и стремление к победе их удваивало.

Внезапно Одри почувствовал острую боль в плече: снова открылась его рана. Перрен Рыжий и Массе Перрен вертелись вокруг них, как злобные хорьки, ожидая случая нанести удар без риска для себя.

* * *

Обезумев от страха, Жоно забился в угол ризницы и даже не поднял глаз, когда в нескольких шагах от него прошёл Колен. А тот и не заметил сторожа. Мальчику удалось улизнуть от бдительного ока отца, и ему не терпелось сообщить новому другу, что Этьен Марсель завтра примет его и выслушает с должным вниманием. Ламбер попросил об этом Пьера Жилия, и просьба его была уважена.

На плече у Колена висел лук, а колчан со стрелами ударял по левому боку. Рассказы Одри наполнили мальчика такой решимостью, что он с нетерпением ждал минуты, когда столкнётся лицом к лицу с опасностью.

До его ушей донёлся шум борьбы. Колен встрепенулся. Он понял, что враги напали на след бунтаря. Пробежав через храм, он, запыхавшись, остановился у последней колонны. Розовый луч, падавший из большого церковного окна с цветными стёклами, осветил такую сцену, что при виде её юноша задрожал. Двое людей, пригнувшись, следили за двумя другими, извивавшимися на каменном полу в ожесточённой схватке. Трудно было уследить за ходом борьбы, но юноше показалось, что кожаная безрукавка была внизу.

В одном из тех, кто наблюдал за борющимися, Колен узнал Перрена Рыжего, того парня, с которым он столкнулся во время состязаний на аллее лучников.

Как луч света, сверкнул стальной клинок. Колен не стал раздумывать. Его другу грозит смертельная опасность, и он должен ему помочь. Колен мгновенно выхватил из колчана стрелу и натянул тетиву. Он не сводил глаз с Рыжего.

Готье Маллере ударил Одри головой о камень, и крепкое тело его противника сразу обмякло.

– Пусть черти унесут тебя в ад! – выругался капитан, высвобождаясь из могучих объятий бунтаря, сдавивших Маллере с такой силой, что спирало дыхание и из глаз сыпались искры.

Перрен Рыжий уже собрался было нанести Одри смертельный удар, но Готье выхватил у него кинжал.

– Дай мне самому докончить дело, рыжий осёл! Так будет лучше.
Рука Колена невольно натянула тетиву, и он спустил её, прошептав:
– Призываю в свидетели небо, я этого не хотел.

Капитан всем весом рухнул на тело своей жертвы. Стрела угодила ему под лопатку.
Перрен Рыжий и его подручный подались назад, охваченные суеверным ужасом.
Простаки вообразили, что в их дела вмешался ангел-мститель, разгневанный задуманным убийством. Может быть, сейчас прозвучат грозные слова: «Поднявший меч от меча и погибнет».

Но сумрак церкви хранил свою тайну.

Чувство страха подсказывало им, что нужно бежать, но могли ли они покинуть умирающего Готье? Вторая стрела, вонзившаяся в правое плечо Массе Перрена, заставила их со всех ног броситься к выходу.

– Чудо, свершилось чудо! – ревел Рыжий. – Мы прокляты!

Они пробежали через ризницу, по дороге заразили страхом Жоно и остановились только у кладбищенской стены, обессиленные и охрипшие от крика.

– Мы прокляты, мы прокляты, – сиплым голосом твердил Перрен Рыжий. – Позор Готье Маллере, он осквернил святое место!

– Падите ниц, грешники, и бейте лбами о землю! – кричал Жоно, охваченный религиозным экстазом. – Может быть, господь смилостивится и отпустит ваши грехи.

Вместе с обоими молодчиками он припал лицом к земле. Картина была удивительно смешная. Поблизости занимались своим печальным делом двое могильщиков. Решив, что это бесноватые, они перекрестились и, быстро покинув кладбище, поспешили в ближайший кабачок.

Одри едва дышал. Не без труда удалось Колену оттащить от него грузную тушу противника. Готье не сопротивлялся, хотя и застонал, когда его тело упало на холодные плиты.

Колен руками зачерпнул воды из купели, стоявшей возле лестницы, и обильно смочил лицо Одри. Это средство оказало своё действие. Вскоре бунтарь открыл глаза и щёки его порозовели.

– Ты слышишь меня, Одри?

Его друг чуть заметно кивнул.

– Тогда вставай скорее! Они могут вернуться. Обопрись на меня!

Мальчик схватил его руку и положил себе на плечо.

– Опирайся же, Одри, опирайся крепче!

Расставив ноги и не шевелясь, он поддерживал тело мятежника.

Одри сделал несколько шагов. В ушах у него звенело, а ноги подкашивались.

Ему казалось, что Готье Маллере выпустил из его тела всю кровь. Он с удивлением, посмотрел на сражённого гиганта. Из всех, кого он знал, только Долговязый мог бы справиться с этой горой мяса и костей.

– Как его зовут? – спросил он у Колена.

– Готье Маллере, он капитан королевской стражи. А теперь бежим скорее, пока не подняли тревогу.

Крепкое здоровье Одри помогло ему быстро оправиться. Дыхание его уже становилось ровнее.

– Но куда же идти? – спросил он.

Положение было трудное, тем более что Готье Маллере с минуты на минуту мог отдать богу душу.

– Мешкать больше нельзя, – сказал Колен, который, казалось, всё предусмотрел. – Мессир Этьен Марсель сейчас заседает в ратуше. Это на Гревской площади, за Малым мостом. Мы попросим его покровительства.

– Ты верный товарищ, Колен! Будь по-твоему.

В нескольких шагах от них лежал похолодевший от страха Жан Кузен. Он боялся даже

пошевелиться и кусал губы, чтобы сдержать болезненный стон. Однако, заметив, что Колен и Одри исчезли в глубине храма, он пополз к ризнице. От одной мысли, что, может быть, придётся оставаться здесь несколько часов наедине с мертвецом, у Жана Кузена как будто выросли крылья. Но силы покинули его, и уже возле хоров, где горела лампада, его взгляд начал мутнеть, маленький огонёк стал огненным шаром, и он потерял сознание.

Глава восьмая

Этьен Марсель отошёл от высокого пульта, за которым он работал, и привычным жестом расправил складки своей длинной одежды. В очаге потрескивали дубовые поленья, но их пламя не согревало прево. Вот уже несколько дней, как он чувствовал себя разбитым: ледяной холод пронизывал его до мозга костей, а в жилах стыла кровь. Ему мерещилось, что враги медленно отравляют его, и он только надёжным людям доверял приготовление пищи.

«Я должен быть более осторожным, чтобы не погибнуть раньше, чем мне положено, – думал он. – Я не боюсь смерти среди бела дня, но меня страшит удар исподтишка во мраке». В подобные минуты малодушия его спасало гордое сознание возложенных на него великих обязанностей. Чего стоил дофин в Компьене с его пустой казной по сравнению с ним, главой парижских судовладельцев, посылавших свои торговые суда в Лион, Бове и города Фландрии? Чтобы укрепить торговую мощь Франции, нужен мир. Он необходим для процветания торговли и для укрепления законности. Страной правят советники короля. Следует освободиться от хищных когтей и жадных ртов сеньоров – владельцев земель – и от других тунеядцев, размножившихся при дворе.

«И почему только Карл Наваррский отказывается править королевством?»

Марсель подошёл к высокому окну. Гревская площадь была пустынна. Воды Сены несли ветки и кору деревьев с верховья, где лодочники разгружали баржи с дровами. Тень от воздвигнутой на площади виселицы под лучами восходящего солнца простиралась до самых домов у реки.

Марсель перевёл взгляд на противоположный, более оживлённый берег Сены. По мосту в это время проходили два странных человека, привлёкшие внимание прево. Высокий оборванный мужчина, необычно одетый, тяжело опирался на плечо юноши, а тот передвигался с большой осторожностью, держа в правой руке лук. «Было бы неплохо подсчитать, какое оружие на руках у жителей города», – подумал Этьен Марсель, снова направляясь к пюпитру. Из донесений ему было известно, что в городе нарастает недовольство среди мелкого люда. Ремесленники возмущались дороговизной и требовали решительных мер против злостных скупщиков товаров. Этьен решил посоветоваться с Пьером Жилем, к которому горожане относились с большим уважением. Прево ценил в нём честность и твёрдость характера.

Громкий спор прервал его размышления. Он услышал звонкий молодой голос, с запальчивостью отвечавший на угрозы сержанта Жана Купри, начальника стражи ратуши. Все подчинённые твёрдо знали строгий приказ, запрещавший беспокоить прево в часы работы. Марсель с раздражением оттолкнул свиток пергамента.

– Уши у тебя длинные, как у осла, а ты не хочешь даже выслушать, – с возмущением произнёс тот же молодой голос. (Гулкое эхо неясно повторило эти слова.) – У моего отца мастерская на улице Писцов. Я не бездомный бродяга.

– Щенок ты этакий, – орал Жан Купри вне себя от гнева, – у мессира прево есть дела и поважнее. Станет он выслушивать твоего крестьянина!

Чуткое ухо Марселя уловило глухой удар. Заинтересовавшись происходящим, он подошёл к окну.

Прево сразу узнал мужчину и мальчика, которых заметил на мосту. Но то, что он увидел, было столь неожиданным, что, несмотря на свою озабоченность, он невольно расхохотался. Затянутый в латы толстый Жан Купри барахтался на земле, как перевернутый на спину майский жук.

– Чёрт возьми, ну и хватка у молодого парня! – пробормотал прево.

Крестьянин в кожаной безрукавке пытался вырваться из рук четырёх или пяти стражников, вцепившихся в него, а подросток, задрав голову и глядя в окна, надрываясь кричал изо всех сил:

– Мессир Этьен! Мессир Этьен!

– Что тебе нужно? – высунувшись в окно, спросил прево.

– Слава богу, что вы услышали меня, мессир! Примите нас немедленно! Нам нужно сейчас же с вами поговорить. Одри пришёл с берегов Уазы, чтобы рассказать вам о мытарствах бедного люда, а я, кажется, только что убил в церкви Святого Северина капитана королевской стражи.

Этьен Марсель решил, что ослышался, но, так или иначе, разговор не мог продолжаться в подобных условиях.

– Эй вы там, прекратите драку! Слышите, что вам говорят, чёрт возьми!

Прево пришлось повторить приказание, так как разгорячённые противники не переставали осыпать друг друга ударами. Из окон уже выглядывали любопытные, и тут вступил в свои права пылкий нрав парижан. Отовсюду доносились крики, подстрекавшие то одну, то другую сторону.

– А теперь, Купри, проводи ко мне этих двух молодцов, которые столь странным образом добиваются аудиенции!

* * *

Этьен Марсель указал им на скамью, стоявшую напротив его пульта. Колен никогда ещё не видел прево так близко.

– Ты сын мастера Лантье, живописца вывесок? Объясни мне, почему ты поднял такой шум под моими окнами?

– Мессир, – начал Колен, – моего товарища прислали к вам рибекурские крестьяне. Важнее будет выслушать его, чем меня.

Но Этьен Марсель резким жестом прервал его:

– Я потом внимательно выслушаю и твоего товарища, но сначала рассказывай ты. Если у тебя важное сообщение, изложи всё по порядку.

Колен точно передал всё, что произошло с того времени, как он впервые встретился с Одри в церкви Святого Северина. На трагической сцене, которая разыгралась недавно внутри храма, он остановился более подробно.

– Мессир прево, мне будет очень горько, если я окажусь виновником смерти Готье Маллере, но я не мог поступить иначе.

Этьен Марсель позвонил в колокольчик, и немедленно вошёл сержант Купри, которому полагалось всегда стоять у дверей.

– Возьми с собой ещё двоих, и как можно скорее бегите в церковь Святого Северина. Там вы найдёте человека, который, может быть, уже мёртв. Осторожно перенесите его в соседний дом и предупредите моего лекаря.

Сержант поспешно удалился.

– А теперь твоя очередь, – сказал он Одри. – Значит, ты пришёл с берегов Уазы для того, чтобы повидаться со мной?

Бунтарь откашлялся. Близость прево приводила его в большее смущение, чем целый отряд лучников.

– Так вот, монсеньёр! Крестьяне Рибекура стонут от тяжких повинностей. Сеньор отнял у них зерно и солому, последнюю свинью и курицу. Всё, что остаётся, грабят и жгут англичане, а отряды дофина выезжают из Компьена ловить коров, которых бедный Жак пытается спрятать в лесу. И так повсюду, монсеньёр, от Бургундии до Соммы. Порой крестьяне подставляют спину, а иногда и показывают кулак. Жители Рибекура собрались в лесу на совет, а потом сказали мне: «Ступай в Париж, Одри, постарайся увидеть Этьена»

Марселя. Нужно умолять его, чтобы он помог нам освободиться». Все крестьяне с Уазы примкнули к вашим войскам, монсеньёр.

Тонкий палец прево нервно постукивал по пульту.

– А дофина известно, чем недоволены и чего хотят люди с Уазы? – спросил он.

– Двору в Компьене безразлично, о чём думает народ. Однако слуги дофина встревожились, узнав от какого-то предателя, что я отправился в Париж. Они даже пытались меня убить. Советники дофина не хотят, чтобы в Париже узнали, что происходит на берегах Уазы.

Этьена Марселя глубоко взволновали слова Одри. Ведь и он, правитель самого большого города в королевстве, не знал, что творится за стенами Парижа. Как все люди, облечённые в то время властью, он проявлял глубочайшее презрение ко всему, что касалось интересов деревни, и крепостные, рывшиеся в землю, значили для него меньше, чем домашний скот. Однако, как опытный политик, он понимал, что дофина не очень обрадуют волнения в самых богатых провинциях Франции. Об этом стоило подумать.

– Мы скоро продолжим наш разговор, – сказал он Одри, – а пока вам обоим безопаснее остаться в ратуше. Питаться вы будете вместе со стражей.

– Мне бы хотелось предупредить моего отца, мессир...

– Я распоряжусь об этом. И моли бога, чтобы Готье Маллере был жив, иначе епископский суд велит мне выслать тебя из Парижа. – Его худая рука на мгновение задержалась на плече мальчика. – Но мы уладим это дело, как и многие другие. Даю тебе слово, что Готье Маклере не скоро придёт охота устраивать заговоры против парижского народа.

Глава девятая

Готье Маллере не умер. Его душа крепко сидела в могучем теле. Меньше чем через неделю он уже был на ногах. Живой, но пленённый. В тюрьме Пти-Шатле ему учинили допрос в присутствии Этьена Марселя. Капитан королевской стражи мужественно перенёс пытку. Он только отчаянно ругался, когда палач забивал деревянные клинья между его зажатыми в колодки коленями и во все стороны летели брызги крови.

– Кто твои соучастники? – настаивал прево. – Назови их, и я тебя отпущу.

Мессир Готье извивался в путах, но отказывался отвечать. Казалось, физическая боль не властна над этим великаном. После трёхчасовой пытки он назвал имя Перрена Рыжего, но прево не интересовала такая мелкая сошка. Всё же он отдал приказ арестовать Перрена и бросить в какую-нибудь тюрьму. Но Рыжего нигде не могли найти, словно он сквозь землю провалился. Подозревали, что, пронюхав об аресте начальника, он присоединился в Понтуазе к войскам Карла Наваррского.

– Кто из людей дофина укрывается в Париже? – допытывался прево с упорством, не уступавшим упрямству арестованного.

Вконец измученный этим поединком, Готье Маллере предпочёл упасть в обморок.

– Отложим это до завтра. Утром ты у нас заговоришь! – спокойно заявил Марсель.

Палач и его подручные следили за удалявшимся прево. Его тень зловеще вытянулась под этими мрачными сводами. «Он держался бы под пыткой не менее стойко, – подумал палач и содрогнулся. – О горе, какие тяжёлые наступили времена!»

Прево, этот калиф на час, не слишком прочно стоял на своём пьедестале, и поэтому палач при допросе капитана королевской стражи не находил нужным прилагать всё своё умение. Деревянные колодки, сжимавшие колени пытаемого, не были на этот раз пригнаны плотно, и благодаря этой предосторожности кости остались целы.

Как только в мрачных лабиринтах стих шум шагов прево, мессир Готье осторожно приоткрыл глаза.

– Чёрт тебя подери, ослиная голова, да сними же с меня скорей эти колодки! Они весят не меньше чем по сто фунтов. Я уже думал, что вот-вот подохну, а этот дурак колотил по

клину с такой силой, будто у него был зуб против меня.

– Клянусь головой, мессир Готье, мы не могли иначе, – оправдывался палач. – Превословие не сводил с моих рук, и я дрожал от страха, что он заметит обман. – Человек в чёрном стал развязывать ремни, скреплявшие деревянные колодки. – А как же завтра, монсеньёр? Я не знаю, удастся ли мне снова обмануть превословие.

Мессир Готье чуть было не проговорился, что завтра он будет далеко, но вовремя сдержался. В эти смутные времена, когда повсюду было предательство, любая неосторожность могла испортить всё дело.

– Завтра?.. У нас пока ещё сегодня, Жан!

Вошли двое стражников и тюремщик, чтобы увести бывшего капитана.

– Чёрт вас побери, Венсан и Лямармот! Нечего вам строить такие рожи! Дайте-ка мне опереться на ваши плечи. Пройдёт немного времени, и я снова буду вашим начальником.

Но, хотя они и охотно исполнили его просьбу, красноречие мессира Готье, по-видимому, их не слишком убедило.

Опираясь на них, капитан удалился. Ноги его волочились, а позади оставался кровавый след.

Палач и его подручные возились со своими зловещими приспособлениями. Их рабочий день подходил к концу.

– Ничего не уносите, – сказал Жан. – На рассвете мессира Готье снова передадут в наши руки.

Рано утром, когда тюремщик в сопровождении стражи вошёл в тесную камеру Готье Маллере, она оказалась пустой. Ночью птичка улетела.

О том, кто помог ему бежать, так никогда и не узнали. Следствие вёл сам Этьен Марсель и грозил предать всю стражу в руки палача. Но никто ничего не видел и не слышал, как если бы живая плоть, состоявшая из двухсот фунтов костей и мяса, внезапно растворилась в воздухе.

А Марсель лишний раз убедился, что власть его была отнюдь не прочной. За фасадами введённых им новых учреждений продолжала действовать старая машина.

* * *

Колен и Одри расстались возле ратуши незадолго до сигнала к тушению огня. В ту минуту, когда их пути должны были разойтись, они ещё больше почувствовали и оценили связавшую их дружбу. Ответ Этьена Марселя на просьбу рибекурских крестьян был довольно уклончив. Обременённый заботами о Париже, озлобленный от трудностей правления, купеческий старшина не жалел прекрасных слов. Он поручил Одри передать крестьянам с берегов Уазы, чтобы они не теряли надежду. Окончив свою речь, он вложил в руку Одри два экю, а Колену велел поскорее вернуться к отцу, который был вне себя от тревоги.

Одри положил руку на плечо юноши, как и в первый день знакомства.

– Ну, Колен, не стоит расстраиваться, – сказал он. – Только женщины хнычут по каждому пустяку и трут глаза при разлуке. Мы с тобой едва ли когда-нибудь увидимся, но я долго буду тебя помнить. А теперь мне нужно поскорее выбраться за ворота, пока не потушили огни.

– Но что же ты скажешь своим землякам?

Одри пожал могучими плечами.

– Я им скажу: ничего хорошего не ждите от богатых! Надейтесь только на себя. Возьмите лук и стрелы, уходите в леса, выберите себе мудрых и храбрых вожаков и живите как свободные люди, пока за вами не придёт смерть. Лучше умереть молодым с гордо поднятой головой, чем дожить до старости, сгибая спину под ярмом. Прощай, Колен, и хоть иногда вспоминай Одри, который тебя очень любил.

Бунтарь резко повернулся и ушёл не оборачиваясь. Колен оставался на месте, пока мог

видеть, как подпрыгивал на боку у Одри кожаный колчан. Горячая слеза скатилась по его щеке. Затем он пустился бежать по улице Мортельри³⁷, названной так потому, что там жили каменщики и маляры. Всецело поглощённый мыслями об Одри и о предстоящей встрече с отцом, он не заметил, как достиг Малого моста и очутился возле отцовской мастерской как раз в ту минуту, когда Ламбер уже запирает деревянным засовом дверь. Подмастерье не мог сдержать возгласа радости, на который выбежали Лантье и его друг, оловянных дел мастер Гийемен Дансель. У Данселя была страсть – он обучал птиц и заставлял соловьёв петь зимой под окнами Лувра.

Колен облегчённо вздохнул: он боялся встретиться с отцом. Напрасное беспокойство. Увидев сына, Лантье сразу же забыл свой гнев и крепко обнял мальчика. Он пылко сжимал его в объятиях и одновременно осыпал упрёками:

– Ах, Колен, ты загонишь меня в гроб! За эти два дня мои волосы поседели больше, чем за десять лет. Мне уже казалось, что тебя колесовали, задушили и повесили на Гревской площади. Какой лукавый бес втянул тебя в такие опасные дела? Одни ругали тебя, другие хвалили. Я узнал, что прево встал на твою защиту, и от улицы Малого моста до заставы все только и говорят, что ты спас Париж. Но я не знаю, что скажут завтра. В мою мастерскую явились люди из церкви Святого Северина и заявили, что мне придётся выложить пятнадцать ливров, чтобы стереть кровь, которую ты пролил в святом месте, а деньги эти должны пойти на покаянные мессы. Но, кажется, Готье Маллере, благодарение небу, вне опасности.

– Пожалуй, лучше бы он помер, – проворчал Дансель.

Возвращение Колена привлекло внимание соседей, и живописец поспешил увести сына в лавку. Гийемен Дансель стукнул кулаком по столу:

– Эй, Лантье, а теперь угости нас вином, да выбери получше! От подобных волнений у меня пересыхает в глотке, как в сильную жару.

Франсуа Лантье положил руки на плечи Колена.

– Что было, то сплыло, мой мальчик. Может, тебе и надо было так вести себя. Но для твоего благополучия, Колен, и для моего спокойствия нам на некоторое время следует расстаться. Боюсь, что в Париже скоро разгорится междоусобица. Тебе надо убраться в место более спокойное, за двадцать лье отсюда. Я отправлю тебя к моему брату Луи, который позаботится о тебе, как о родном сыне. В конце недели Гийемен Дансель отправится по делам в Бове, и ты дойдёшь с ним до Сен-Ле-де-Серана.

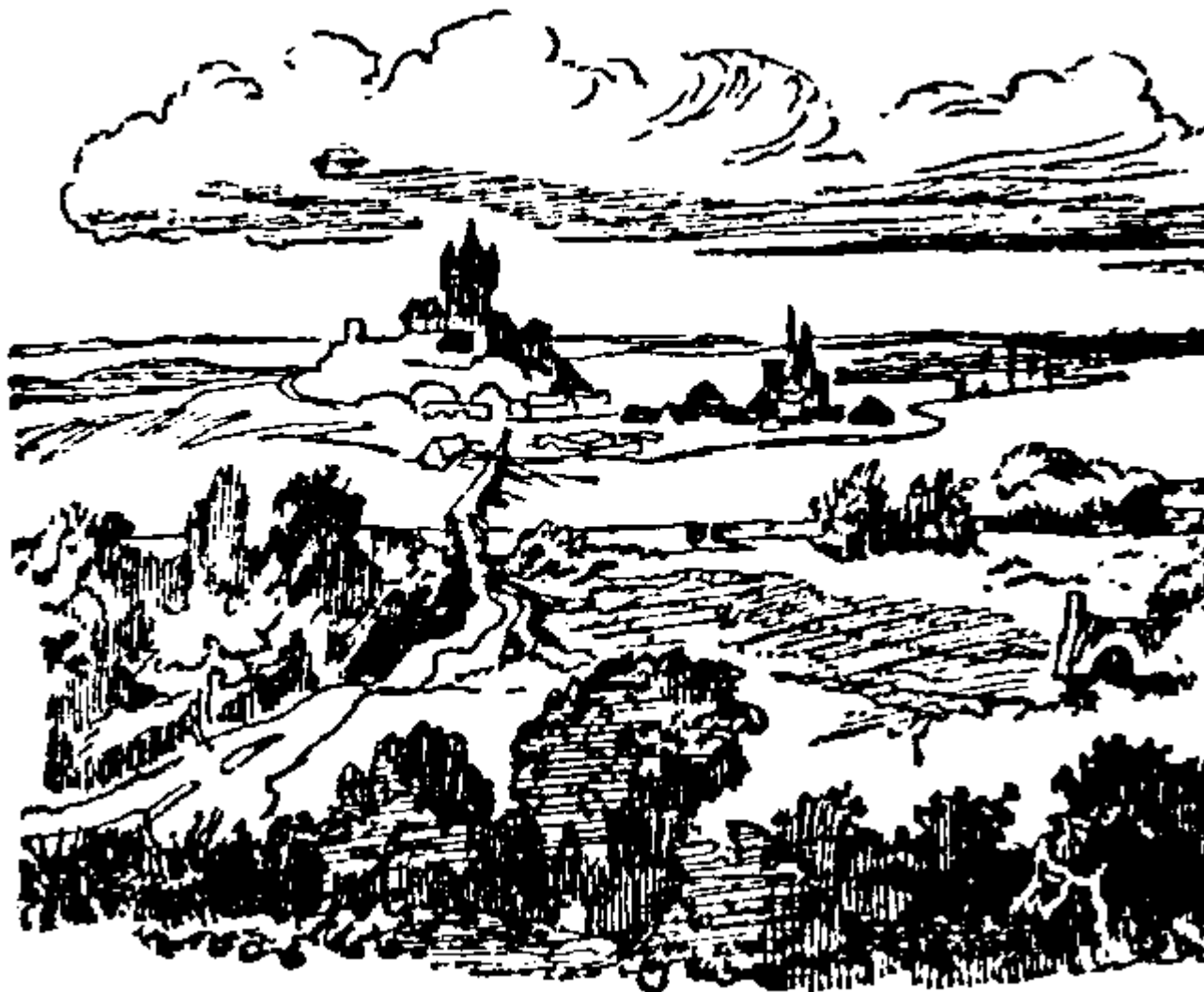
Часть вторая

---

³⁷ Улица Мортельри́ в средневековом Париже получила своё название от французского слова «мортелье» – рабочий, дробивший камень в порошок для цемента.

Глава десятая

Колен и его спутник остановились на краю плоскогорья, поражённые величавой красотой открывшейся перед ними местности. Дремучий лес покрывал склоны холмов по обеим сторонам широкой долины Уазы. Среди зелёной, отливающей металлическим блеском листвы буков и нежной поросли орешника крупными тёмными пятнами выделялись кроны могучих дубов. То тут, то там в этом пенящемся до самого горизонта зелёном море поднимались к голубому небу похожие на часовых столетние вязы. Два ряда стройных тополей подчёркивали широкий изгиб реки, окутанной туманной дымкой. В небольшой заводи, поросшей у берегов тростником и осокой, гонялись друг за другом несколько зверьков с длинным туловищем, покрытым коричневой шерстью.

– Это бобры? – спросил Колен.

– Нет, выдры, их двоюродные сёстры. Они поедают жирных линей и карпов и опустошают речные глубины не хуже, чем англичане – Францию. Спрячемся! Поскорее спрячемся, Колен! Ты слышишь, как стучат подковы?

Поспешно свернув с грязной дороги, размытой дождями и изрезанной колёсами тяжёлых телег, они притаились в густых зарослях.

Вскоре показалось семь мчавшихся галопом всадников. На них были кольчуги и английские шлемы. Колен не мог оторвать взгляда от капитана, скакавшего впереди. Во всей его широкоплечей, коренастой фигуре ощущалась смесь грубой силы и ловкости. Мальчик тотчас же почувствовал к нему неприязнь и даже ненависть. Проживи он ещё хоть сто лет, никогда не забыть ему, с какой самоуверенной наглостью этот чужеземный солдат разъезжал по французской земле.

Всадники уже скрылись за поворотом, а Колен всё ещё был поглощён мечтами о мщении. Гийемен Дансель осторожно положил ему руку на плечо, чтобы вернуть его к действительности.

– Ах, почему при мне не было лука, Гийемен! Уж этот боров нажрался бы дорожной пыли.

– Там больше грязи, чем пыли, – ответил добродушный мастер с грустной улыбкой. – Как обидно, когда ты вынужден прятаться на своей родной земле! Вместо того чтобы готовить войско к походу на Париж, дофин лучше очистил бы страну от всего этого сброда, что жиреет на наших хлебах.

– А та деревня на берегу Уазы, вероятно, тоже в их руках?

– Не знаю, но не стоит туда заходить. Я раньше не раз бывал в этом местечке. Его называют Бомон. Прежде в это время года кругом уже зеленели поля овса и пшеницы, а теперь нивы брошены и лежат под паром. Пашни заросли дроком, и над хижинами не вьётся дымок. Говорят, несчастные вилланы прячутся в звериных логовах, словно волки или дикие кабаны.

Колен приготовился было рассказывать об Одри, смелом бунтаре, чьи стрелки не признают законов, но вовремя спохватился. Кроткий Дансель часто пускался в туманные рассуждения и порицал всех тех, кто с помощью хитрых уловок обходит распоряжения властей. Во время опасного пути Гийемен не раз пожалел, что покинул Париж. Его подбадривало только ожидание хороших заказов, так как далеко за пределами родного города он слыл искусным мастером. Но он глубоко вздыхал, подсчитывая, сколько лье ему ещё остаётся отмерить, прежде чем он доберётся до богатого города Бове.

Продираясь сквозь кустарники, путники спустились к берегу Уазы, оставив по правую руку большое селение Бомон, над которым навис приземистый замок, опоясанный толстыми стенами.

– Сейчас мы съедим с тобою, Колен, по куску хлеба и расстанемся. Дальше нам уже не по пути. До Бове рукой подать, а тебе надо идти к верховьям Уазы. Отсюда по берегу реки добрых четыре лье до Сен-Ле-де-Серан. Этот путь длиннее, но безопаснее других. Сначала ты пройдёшь мимо деревушек Боран и Преси, а потом будет селение, где живёт твой дядя. Солнце поднялось уже высоко. Если ночь застанет тебя в лесу, заберись в какую-нибудь ложбинку и спокойно дожидайся рассвета. Между Преси и Сен-Ле ты увидишь лесную поляну. Это место называют Буковым Крестом. Ты узнаешь его по расщеплённому молнией старому буку, он стоит как раз посередине.

Сидя на больших камнях, они наспех съели по куску чёрствого хлеба с луком, глядя на плавно катившиеся воды реки.

Колен тепло распрощался с Данселем. Он не боялся одиноко продолжать путь в этом огромном лесу. Узкая тропка вилась вдоль реки под сенью высоких деревьев. В пышной листве щебетали птицы, и этот разноголосый хор развлекал мальчика. Время от времени он останавливался, прислушиваясь к мерному постукиванию дятла, искусным трелям длиннохвостых синиц или крикам перепелов, приветствующих солнце.

Закинутая за плечо котомка не обременяла Колена, и он продолжал путь, не замедляя шага. В некоторых местах после недавнего паводка ещё не просохли болотца, которые нужно было обходить. Из зарослей тростника, где кишела таинственная жизнь, пронзительно крикая, вылетали потревоженные нырки и водяные курочки. Не отводя глаз от этого беспрерывно меняющегося зрелища, Колен продолжал мечтать. Не появится ли вдруг в просвете зелени Одри и не предложит ли ему разделить опасную жизнь его бесстрашных друзей, не признающих ни короля, ни закона. Конечно, Колен не колеблясь последовал бы за ним. Разве тугой ясеневый лук не стоит всех эдиктов в мире? К тому же неясно, как встретит своего незнакомого племянника Луи Лантье, который двадцать лет сражался под знамёнами сенешаля³⁸ Шампани. В награду за верную службу сенешаль даровал ему мызу и земельные

---

³⁸ **Сенешаль** – в средневековой Франции королевское должностное лицо, ведавшее судом в округах

угодья, свободные от налогов и арендной платы. Живописец вывесок сохранил о своём старшем брате смутные воспоминания. Он говорил о нём, как о властном, угрюмом и всё же отзывчивом человеке. Но таким ли он остался по истечении стольких лет?

Солнце уже склонялось к западу, когда Колен сквозь деревья увидел первые хижины Преси, раскинувшиеся полукругом в зелёной излучине Уазы. Лес поредел, уступив место ореховой рощице, граничащей с пахотными землями. Вид этих опустошённых и заброшенных полей, окаймлённых терновником, производил удручающее впечатление. Там, где в прежние времена развеялась по ветру золотистая грива колосьев, теперь всё поросло бурьяном и чертополохом. Кое-где виднелись ещё похожие на шрамы следы старых борозд, напоминавших о вложенном в эту землю человеческом труде.

Когда Колен подходил к деревне, у него мучительно сжалось сердце. Осевшие или продырявленные соломенные крыши, поломанные ограды, разрытые дворы свидетельствовали о вопиющей нищете и запустении. Остов церковной колокольни оцетинился в деревянных лесах, как гигантский скелет, почерневший от дождя. По всему видно было, что строители давно бросили свою работу.

Чёрный одичавший боров, низко опустив рыло, пробежал через загон и исчез в кустарниках. Едва успел он скрыться, как на обочине дороги появился старик в дырявой рубахе и ветхих полотняных штанах. Босой, лохматый, с всклокоченной бородой и сверкающими глазами, он походил на безумного, пляшущего в хороводе смерти, каких изображают художники на кладбищенских стенах.

– Ты не видел, куда побежала чёрная свинья? – спросил он Колена.

– Она умчалась, как затравленная, туда, в самую чащу, – ответил мальчик, указывая на колючие заросли.

Старик печально пожал плечами.

– Земля, небо, ад – всё против нас. А ты куда, сынок? На дорогах опасно. Наши женщины и дети прячутся в лесах.

– Я иду в Сен-Ле-де-Серан к моему дяде Луи Лантье.

– Я знаю Луи. Хоть он и с достатком, но человек порядочный. А сам-то ты издалека? Тебе не встречались по пути вооружённые люди?

– Я из Парижа.

– Из Парижа, боже правый! У нас говорят, что парижане прогнали дофина и образовали коммуну. Это великое, славное дело. Ходят слухи, что и Этьен Марсель перешёл на сторону народа и хочет освободить всё королевство. Если так, мы пойдём за ним и сожжём все замки, от которых все наши беды. Погляди, малыш! Земли заброшены. Нивы зарастают сорняком. Всюду рыщут англичане. Наваррцы и немецкие наёмники короля грабят, жгут, убивают. А после того, как вся эта свора власть наглумится над нами, появляются и наши сеньоры, все эти де Сир, де Крамуази, де Клермон, и, приставив нож к горлу, требуют: «Отдай хлеб! Отдай свиней! Отдай коров!» А нам уже больше нечего отдавать.

От волнения он с трудом переводил дух. Подняв худые, костлявые руки, несчастный грозил небесам, словно видел на горизонте четвёрку коней из Апокалипсиса³⁹, несущих за собой разорение, голод, ужас и смерть. О присутствии Колена он забыл. Выпрямившись во весь рост, крепко упираясь ногами в землю, он от имени бедняков предавал анафеме сильных мира сего:

– Берегитесь, выродки! Жак Простак возьмётся за косу и топор. В наших лесах ещё достаточно дубовых стволов, чтобы разрушить таранами ваши подъёмные мосты и крепостные стены. В наших очагах ещё достаточно углей, чтобы зажечь фитили и спалить ваши сторожевые башни.

(сенешальствах).

³⁹ **Апокалипсис** – одна из книг христианского Нового Завета, наполненная мрачными предсказаниями о «конце света».

В его словах звучала такая безудержная ненависть, что Колен задрожал. Только теперь он по-настоящему понял всё то, о чём ему рассказывал Одри. В тёмных лачугах, в лесных убежищах бурлила невиданная ярость, взращённая на горьких семенах страдания и несправедливости.

– А в твоей деревне у мужчин есть луки и стрелы? – спросил мальчик. – Мой друг Одри в Рибекурском округе поднял народ и даёт отпор английским стрелкам и королевским стражникам.

Тусклый взгляд старика скользнул по лицу мальчика. Он, казалось, не понял вопроса.

– Мужчины? Какие мужчины? – переспросил он.

– Да из твоей деревни. Пересчитали они свои стрелы и подтянули тетиву на луках?

Ясная улыбка внезапно осветила морщинистое лицо старика.

– Луки и стрелы запрятаны в лесной чаще. Сейчас это единственное наше богатство, и мы оберегаем его так, как прежде берегли ячмень и рожь. Послушай... – Он понизил голос, как бы опасаясь посторонних ушей. – Все мужчины из деревни уже три дня как там (он указал пальцем на лес). В воскресенье, после вечерни, вооружённые слуги сеньора из замка Крамуази налетели на нас и увели последних трёх коров. Тогда наши устроили засаду в лесу на дороге из Сен-Ле. Они сразили стрелами трёх стражников и среди суматохи отобрали угнанный скот. С тех пор наши люди скрываются в чаще. Сеньор до того разгневался, что поклялся повесить всех мужчин и заживо сжечь вместе с домами стариков, женщин и детей. Вот какое у нас несчастье! А кюре нас всех проклял.

И он визгливым голосом стал передразнивать деревенского священника: «Горе вам, нечестивцы! Небеса разверзнутся, и молнии испепелят вас. Вечно гореть вам в адском пламени!» А затем добавил обычным тоном, что священник покинул их и нашёл приют в замке Крамуази.

– Ну, а ты сам, дедушка, разве не боишься мести сеньора? – спросил Колен. – Ведь если ты останешься здесь, тебя ждёт смерть.

– Я уже стар. Смерть придёт, когда пробьёт мой час. Кому-нибудь ведь нужно оставаться в Преси. Я слежу, чтобы в церкви не погас огонь, и подливаю масло в лампаду. Когда эти головорезы появятся снова, я ударю в набат и предупрежу всех наших в лесу. Ну, а потом пойду без страха на меч, который меня проткнёт.

– Мне нравится твоя речь, дедушка! Не могу ли я чем-нибудь помочь тебе?

– Иди своим путём, мальчик, и, куда бы ты ни пришёл, заставляй умолкнуть трусов и барских прихвостней. Все наши беды не от бога, а от сеньоров. А когда услышишь набат, ступай за людьми, которые никогда не дрогнут. Пришло время Жаков! Пришло время Жаков!

С ближней борозды стрелой взметнулся в небо жаворонок. В лазурной вышине, среди

пушистых облаков, полились его причудливые трели, словно горошинки рассыпались со звоном над опустевшим селением.

– Уходи, сынок! Запел жаворонок – значит, близка опасность. Жаворонок – птица бедняков. Он охраняет тружеников земли. – С неожиданной силой старик толкнул мальчика в спину. – Ступай и повинуйся зову сердца! Сегодня ночью возле Сен-Ле в лесу соберутся мужчины. Их слова пролетят сквозь густую листву, как стаи быстрокрылых птиц. Их слова будут выкованы из любви и ненависти. Смерть и справедливость! Пришло время Жаков! Пришло время Жаков!

Он говорил торжественно и нараспев, как священник читает молитвы, но в звуке и смысле его слов таилась удивительная сила. Старик внезапно исчез во мраке, словно опять забыв о присутствии мальчика. Его силуэт растворился в тёмных зарослях. Колен в недоумении протёр глаза, как бы сомневаясь в том, что всё это видел.

– Уж не сплю ли я, не померещилось ли всё это мне? – растерянно пробормотал он.

Но на мягкой, размытой длительными дождями почве он увидел отпечатки босых ног.

Тёплый воздух был напоён ароматом дикой мяты. «Ей-богу, я недурно переночую в лесу и утром доберусь до Сен-Ле, – размышлял Колен. – А сегодня я как-нибудь обойдусь без нежных излишней дядюшки Луи».

Вскоре он заметил расщеплённый бук, по форме напоминавший крест, и, сморенный усталостью, свернулся клубком у его подножия, меж двух толстых корней. В вышине над макушками деревьев звёзды золотыми точками усеивали чёрное небо. Колен погрузился в крепкий сон.

Глава одиннадцатая

Местечко Сен-Ле-де-Серан укрылось в излучине Уазы, как гнездо в высокой траве. За узкой полосой полей, на лесной опушке, вились коричневыми лентами три просёлочные дороги. Постепенно они терялись в глухой чаще, Это был один из самых больших лесов Франции. Он простирался на пятьдесят лье от предметств Парижа до границ Лотарингии. На всём протяжении от Бове до Лаона он именовался Уазским лесом, и в него включали районы Куэ, Лиг, Компьен, Эрменонвиль и Шантильи. Правда, селение Крейль окружал Алаттский лес, а к домам Клермона подступал Эзский бор, но то были чисто местные названия. В целом же весь зелёный уазский массив являлся остатком древнего Герцинского леса, некогда покрывавшего между Маасом и Дунаем добрую половину территории Европы.

На подступах к большим селениям в это море зелени вклинивались пахотные земли и пастбища. Реки сдерживали стремительный натиск деревьев, замковые башни и церковные колокольни поднимались в небесную высь, но лес-завоеватель, обходя города и непреодолимые преграды, поглощал тысячи мелких деревушек и хуторов и душил в своих буйных зарослях. Даже зиме не удавалось вырвать селения из его цепких объятий. Сплошные стены могучих стволов, сети из переплетённых ветвей – непроницаемая зелёная завеса скрывала и посёлки в долинах, и замки на холмах. Сухой, холодный северный ветер взметал дым до верхушек голых деревьев, а потом выпадал снег и ложился толстым слоем на леса и поля, дома и хижины. И только протяжный волчий вой врвался в это безмолвие, усиливая ощущение безлюдья и оторванности от всего мира.

В селении Сен-Ле-де-Серан насчитывалось до ста очагов. Жалкие домишки теснились возле каменной часовни, белые стены которой резко выделялись на этом сером фоне. Земля в деревне была разбита на квадратные участки. В центре каждого такого участка, обсаженного боярышником, стояла глиняная лачуга под соломенной крышей, сморщенная и сторбленная, как старуха. Низкий проём в стене служил входом, а крохотные узкие оконца напоминали бойницы.

Свиньи рылись в кучах навоза, разбросанных среди неровной площади, на которой местами торчали из-под земли острые гребни кремнистой породы.

Расположенный неподалёку от деревни новый дом Луи Лантье походил скорее на

замок. Крепкая зубчатая стена ограждала от нескромных взоров двор, хлев, сеновал, дровяной сарай, давящую для винограда и большой огород, который обрабатывал сам хозяин. Один из рукавов Уазы омывал с восточной стороны подножие стены, и этот природный водяной ров ещё больше подчёркивал воинственную суровость всего строения.

В мирное время с вершины холма, возвышавшегося над домом, можно было наблюдать жителей деревни, занятых повседневными делами. Пастухи гнали стада на пастбище к опушке леса, крестьяне; смотря по времени, или пололи огороды, или косили траву, или ворошили сено. Женщины садились с прялками у порога, дети резвились под вязами на площади. Но в это майское утро жизнь, казалось, вовсе замерла.

Лёгкий ветерок, налетевший с плоскогорья, кружился над селением. В чистом небе перекликались жаворонки. Большие синие стрекозы носились над камышами. День обещал быть погожим, а улицы Сен-Ле-де-Серан по-прежнему оставались безлюдными. Можно было подумать, что за одну ночь какая-то таинственная болезнь унесла всех обитателей. В хлеву замычала давно не доенная корова. Бесшумно отворилась дверь, и по двору крадучись прошла с миской крестьянка, прижимаясь к стенам лачуги: в походке и движениях женщины чувствовалась та же тревога, что нависла над всей деревней.

Луи Лантье раздвинул деревянные ставни, защищавшие стеклянные рамы в большой комнате, и, распахнув окно, жадно вдохнул струю свежего воздуха. Встав с постели, он натянул широкие штаны из грубошёрстного сукна и надел навывпуск простую рубаху. В шестьдесят лет у бывшего капитана был вполне бодрый вид. Статный, широкоплечий, с ярким цветом лица, он всё ещё сохранял военную выправку и внешнюю суровость, что удивительным образом сочеталось с мягкостью взора, столь неожиданной у воина, закалённого в десятках сражений. Всех знавших Луи Лантье поражало это противоречие.

Стрельчатое окно выходило в поле. На склоне холма, обращённом в сторону Крамуази, уже начинала желтеть рожь, а на опушке леса густые травы склонялись долу при каждом порыве ветра. Но ни в полях, ни на пастбищах не было того привычного трудового оживления, которое каждое утро так радовало сердце Луи Лантье.

Охваченный внезапным страхом, он набросил на плечи тёплую безрукавку и быстро спустился по лестнице на мощёный двор.

– Эй, Бертен, Матье, Бернье! – позвал он.

В его голосе звучало скрытое беспокойство.

– Иду, иду, хозяин, я здесь!

Он узнал протяжный голос Бернье и облегчённо вздохнул.

Высокий сухопарый детина вышел из хлева. В его взъерошенных волосах застряла солома. Прислонив к стене деревянные вилы и глядя в сторону, он медленно пошёл навстречу хозяину, словно каждый шаг, который приближал его к старому воину, стоил ему больших усилий.

– Что вам угодно, хозяин?

Батрак явно что-то скрывал, и по его тону Луи понял, что произошло какое-то из ряда вон выходящее событие.

– Матье должен был этим утром проредить рожь, а у Бертена до сих пор скот не выгнан на пастбище. Что случилось, Бернье? Скажи мне правду.

– Все ушли в леса с мужчинами из нашей деревни. Там они встретятся с жителями Сен-Ле, Мелло, Крамуази, Руселуа, Санли и даже, говорят, с людьми из Клермона в Бовези, Нуантеля и других мест.

По спине Луи пробежал озноб, а Бернье смущённо ковырял пальцем босой ноги трещину в плитах двора.

– Ох, несчастные! Они будут вопить в лесу о своих бедствиях, выкрикивать: «Коммуна, коммуна!», распалиться, слушая речи хитрых краснобаев, потрясать вилами и рогатинами. Но разве им справиться со стражниками из Мелло и Крамуази и с тем войском, которое пошлют сеньоры из Санли и Клермона? Я-то знаю их наёмников, Бернье! Они, как железный каток, пройдут по нашим местам. Сила всегда на стороне богатых.

Бернье поднял невзрачное лицо. Глубокая складка прорезала лоб, низко заросший волосами.

– Но ведь сколько горя повсюду, хозяин! – с глухим отчаянием воскликнул он.

И в этот миг Луи стало ясно, что теперь крестьян не остановят ни осторожность, ни страх.

– А почему ты остался и не ушёл со всеми?

– Чтобы вас предупредить. Мужчины из нашей деревни сказали мне: «Хозяин Лантье может нам помочь. Он на нашей стороне и против сеньоров Крамуази и Мелло. Сбор назначен возле Букового Креста».

– Почему же ты не разбудил меня раньше?

– Мы поспеем вовремя, хозяин. Люди из Клермона и селений Бовези будут идти всю ночь. Надо дать им передохнуть. А от нас ведь и одного лье не будет до поляны.

Луи Лантье колебался. Хотя по своему положению он мало чем отличался от мелких феодалов, те не признавали его равным, и, если бы не могущество его покровителя сенешаля Шампани, сеньоры Крамуази и Санли не посчитались бы с привилегиями старого воина. «Ты родился вилланом, вилланом и останешься!» – однажды бросил ему в лицо Ангерран де Сир, владетель Мелло. В отличие от многих выбившихся из нищеты по капризу судьбы, Лантье не отрёкся от своего крестьянского происхождения и по мере возможности облегчал страдания вилланов Сен-Ле-де-Серан, которых постоянно притеснял жестокий сеньор. Лучше, чем кто-нибудь другой, он понимал неограниченность власти феодалов и знал их ненасытную алчность.

– Веди меня немедленно в лес, Бернье! Пока гроза ещё не разразилась, быть может, разумный совет пойдёт на пользу. Но скажи, в чьей буйной голове зародилась мысль о таком большом сборе?

Бернье пожал плечами.

– Да разве угадаешь, откуда упадёт первая капля ливня, хозяин?

– Чёрт возьми, да ты, оказывается, философ! Поспешим, пока буря не разгорячила всем головы.

Глава двенадцатая

С давних времён Буковый Крест служил местом сборищ. К нему вели бесчисленные тропы от Клермона, Крейля и Санли, тропы, вытопанные и исхоженные вилланами, бродягами и паломниками. Находившаяся в глубине леса круглая поляна получила своё название от гигантского бука, причудливо искалеченного молнией. В пятидесяти футах над землёй две симметрично расположенные большие ветви образовывали, вместе с почерневшим и обугленным стволом, правильный крест, который не мог не привлечь внимания прохожих.

Колен затруднился бы определить, сколько времени он спал. Красноватая полоса на востоке предвещала близкий рассвет, но звёзды ещё ярко сверкали. «Скоро запоют петухи!» – проснувшись, подумал он. Странное чувство не покидало мальчика. Он поклялся бы, что в чаще кто-то разговаривал. Слышал он на самом деле какие-то звуки или это ему только почудилось?

Справа, среди стволов, блеснул огонёк. Колен затаил дыхание. Только разбойники передвигаются по ночам при свете факела. Лёгкий ветер доносил мерный шум шагов, свидетельствуя о приближении многолюдной толпы.

Колен старался понять, что здесь происходит. Если разбойники расположатся на этой поляне и он попадёт им в руки, они могут избить его или, в лучшем случае, отнять одежду. Значит, нужно поскорее найти хоть сколько-нибудь надёжное убежище. Пригнувшись, почти касаясь руками земли, он прокрался на край поляны под покровом густой тени, которая падала от огромного бука. Едва Колен достиг ближайших кустов, как в десяти туазах от него раздался хриплый возглас:

– Вот они: идут, словно на праздник Святого Иоанна!

– Замолчи, Бартелеми! Не все ещё здесь собрались, – сказал кто-то усталым голосом.

Лес внезапно ожил. Колен быстро вскарабкался на один из росших здесь дубов и примостился среди ветвей. Раздвинув влажную от росы листву, он мог наблюдать за всем происходящим, сам оставаясь незамеченным. Свет факела освещал приближавшихся мужчин, тощих, жилистых, с огрубелыми лицами и торчащими скулами, обтянутыми сухой кожей. На всех были одинаковые домотканые штаны и поношенные безрукавки. Босые ноги твёрдо ступали по земле, как бы отпечатывая на ней гордую волю этих людей. Мрак ещё не рассеялся, и за первыми рядами мальчик различал лишь неясные силуэты.

Крестьяне вышли на поляну и столпились вокруг бука. Шаги стихли, все переговаривались между собой вполголоса. Колен старательно прислушивался, но до него доносились только обрывки слов. Между тем в лесу слышались новые оклики. Тот, кого сидевший под буком называл Бартелеми, проклинал колючку, впившуюся ему в пятку.

– Скорей бы из лесу выйти: на траве ногам легче.

– Да замолчишь ли ты! Копейщики мессира Крамуази больше повололи бы тебе бока. Сам видишь: не все наши ещё собрались. Люди из Мулена и Бас Кот должны были выйти из своих деревень позднее.

– Жалкие трусы. Ты долго будешь их ждать!

– Заткнись, болтун! Слышишь, как трещат сучья, это они. Эй вы, из Мулена и Бас Кот, – сюда!

Мощный голос, казалось вырывавшийся из груди великана, перекрыл шум на поляне:

– Ты ошибся, куманёк, мы не из Мулена и не из Бас Кот. Мы из Руселуа, но тоже сумеем за себя постоять!

Эти проникнутые достоинством слова словно пробудили весь лес. Сотни голосов смешались под зелёными сводами, и кусты затрещали так, словно десятки диких кабанов поднялись из своих логовищ. Притаившись на верхушке дерева, Колен прислушивался к этой странной перекличке. Каждый отряд громко объявлял о своём прибытии, и название каждой деревни звучало, как вызов.

– Мы из Серана.

– Из Буазикура.

– Из Руаймона.

– Из Сен-Пьера.

– А мы из Нуантеля и Крамуази.

– А тут из Шали, Морфонтена и Санли.

– А вот и мы, клермонцы из Бовези.

Все эти названия, сливаясь в нестройном хоре, звучали вперевод, теряя свои окончания, искажаясь или совсем пропадая. В майской ночи певучие названия деревень и селений Бовези раздавались одно за другим, словно нанизывались чётки.

Ошеломлённый Колен всё ещё не понимал, что может означать такое многолюдное собрание. Ведь эти крестьяне, пришедшие из разных мест, не могли принадлежать к одному отряду мятежных вилланов, как «волки» Одри.

Небо запылало гигантским костром, окрасив багрянцем кроны деревьев, поляну и затихших людей. Из леса выходили всё новые и новые группы и присоединялись к толпе. Была ли здесь тысяча человек или две, сосчитать было невозможно, но на просторной поляне, казалось, иголке негде было упасть. Лучи восходящего солнца заливали пурпурным светом головы и крепкие плечи, стиснутые, как зёрна в колосе.

Колен устроился поудобнее, чтобы лучше всё рассмотреть. Он вспомнил слова Одри. Бунтарь рассказывал, как вилланы повсюду покидают деревни, бегут в леса и там объединяются. Очевидно, многолюдность сегодняшнего схода подтверждала их готовность дать отпор сеньорам. Но какая скрытая злоба кипела в этих упрямых головах, какие тяжкие обвинения готовы были сорваться с этих крепко сомкнутых уст? От всей этой суровой толпы веяло отчаянной решимостью.

Вдруг все насторожились.

Какой-то человек поднялся на пень и стал лицом к толпе. Его распостёртые оголённые руки напоминали крылья ветряной мельницы. Лихорадочно горящие глаза особенно подчёркивали неестественное спокойствие лица.

– Говори! – закричали со всех сторон.

– Братья, вилланы и батраки, вот мы и встретились на опасном сборе.

В его голосе, далеко разносившемся над толпой, звучала неподдельная искренность. Горькие слова говорили сами за себя.

– Как горсть семян, развеянная ветром, наш призыв достиг разных деревень и был услышан в отдалённых селениях. Даже в самых заброшенных лачугах Бовези узнали о времени и месте нашей встречи.

Он говорил медленно, чтобы его легче было понять. Понутив отягощённые заботами головы, все слушали с одобрением.

– Вилланы и батраки, люди низкого положения! Мы живём на земле хуже собак.

В толпе зашумели. Многие из пришедших сюда часто думали так про себя, но впервые равный им человек заявил об этом вслух.

Он говорил о том, что всем было известно, и его слова будили в сердцах вековой гнев крестьян. Он говорил о нищете деревни и повсеместной несправедливости, и его искренний, проникающий в душу голос звенел от волнения, как натянутая струна.

– Мы подвластны божьим законам, но сеньоры, аббаты и стражники сделали их своими законами. Их именем они сжигают наши хижины, отбирают урожай и преследуют бедняков! Да поразит их проклятие!

Негодующий ропот, подобный грозовому вихрю, вырвался из груди собравшихся, и Колен всем своим существом ощутил, как содрогнулась толпа.

– Да поразит их проклятие!

Никогда ещё слова проклятия не произносились с таким неистовством, и каждый крестьянин понял, что приближаются небывалые, великие события. Тот, кто говорил об этом, выражал сокровенные думы каждого, и ненависть, пылавшая в его сердце, была лишь отблеском пожиравшего их всех пламени гнева. Он поднял руку, и все разом смолкли.

– Вилланы, то, что произошло со мной вчера, завтра может случиться с каждым из вас. Владелец Рантиньи захватил моих трёх детей и роздал их, как котят. Можетту он отправил в аббатство Мо, Эрманду – в имение сеньора Клермона, а Франсуа, моего младшенького, – в замок Крамуази. Я никогда больше их не увижу.

Судорожное рыдание сдавило ему горло. У Колена защипало в глазах.

Над толпой поднялись сжатые кулаки, и послышались голоса, требовавшие смерти насильника.

– В насмешку они называют нас Жаками, – продолжал пострадавший. – Так пусть Жаки наточат свои вилы, а после наших хижин пусть запылают в огне их проклятые замки!

Оратор тяжело спустился с пня. Горе, казалось, пригибало этого человека к земле. В этот миг рослый мужчина раздвинул широким плечом первые ряды слушателей. Вилланы из округа Клермона в Бовези, расступались перед ним и кричали:

– Скажи за всех нас, Гийом!

Он ловко вскочил на пень. Статная фигура и приветливое выражение лица привлекали к нему все взоры. Глаза его поблёскивали из-под густых бровей.

– Братья, – произнёс он. – То, что вы слышали, было лишь примером ваших несчастий!

Смерть нависла над нами. Вскоре весь край Бовези превратится в груды углей, и земля зарастёт бурьяном. Король нас покинул, а сеньоры грабят. Неужели мы вечно будем сносить такие обиды?

– Нет! Нет! – закричали все, как один.

– Тогда возьмём луки, срежем крепкие дубины в лесу и защитим наше убогое добро. Изберём вожаков от каждой деревни и все вместе силой ответим на насилие.

Крестьяне совещались между собой. «Этот молодец сказал как раз то, что следовало». Вскоре его имя было у всех на устах. Его звали Гийом Каль⁴⁰, и жил он в окрестностях Клермона.

– Кажется, он бывший воин и знает, что такими словами не шутят!

– Возьмём за образец парижан. Они прогнали дофина, так неужели же мы испугаемся сеньоров? Париж нам поможет. Говорят, Этьен Марсель любит простых людей.

---

⁴⁰ Гийом Каль – см. предисловие.

Колен с таким увлечением аплодировал в своём зелёном гнезде, что вилланы, наконец прибывшие из Бас Кот, заметили этого странного дрозда и заставили его спуститься. Мальчик охотно выполнил требование, так как от неподвижного сидения на дереве у него затекли ноги.

– Клянусь святым Ламбертом, моим заступником! – воскликнул тощий верзила с крючковатым носом. – Не зря сидел наверху этот бродяга. Может быть, он прислужник сеньоров и подслушивал нас.

– Похоже на то! – отозвалось несколько человек.

И, прежде чем Колен успел раскрыть рот, его подняли с земли.

– погоди, щенок, мы сумеем развязать тебе язык!

Держа Колена на руках, великан протиснулся сквозь толпу.

– Брат Гийом, – сказал крестьянин, – этот сопляк следил за нами с верхушки дерева.

Разве не должен был он ещё спать в такой час, если бы у него в голове не таились подлые мысли?

– Ты красно говоришь, приятель, но ведь и ты пришёл сюда не затем, чтобы помолиться своему святому, – смело возразил Колен. – Гийом Каль, я слышал ваши справедливые слова. Позвольте мне объяснить, как я здесь очутился.

Гийом улыбнулся и помог Колену взобраться на пень. Воцарилась такая глубокая тишина, что слышно было, как голуби, летая, рассекают крыльями воздух. Париж, потому что ранил стрелой некоего Готье Маллере, капитана лучников. Он предатель. Этьен Марсель оправдал меня, а отец приказал идти в Сен-Ле-де-Серан. Вот и вся моя история. Всем сердцем я с вами. Пусть в деревнях переломают кости сеньорам, ведь в Париже прогнали дофина!

– Как тебя зовут и к кому ты идёшь? – спросил кто-то из толпы.

– Меня зовут Колен Лантье, а в Сен-Ле у меня дядя, по имени Луи Лантье.

Стоявшие впереди вилланы повернулись к папаше Лантье, который был уже здесь, но ещё не успел отдышаться после быстрой ходьбы.

– К вам племянничек с неба свалился, хозяин Лантье!

– И у него, как у настоящего парижанина, хорошо подвешен язык.

Изумлённый Лантье вышел вперёд.

– Стало быть, ты сын моего брата Франсуа? Ну, подойди и обними меня, вместо того чтобы болтать тут всякий вздор.

– С удовольствием, дядюшка! Мы и так уж слишком отвлекли это почтенное собрание.

Гийом Каль потребовал, чтобы каждая деревня и каждое селение избрали себе вожака.

Все клермонцы закричали:

– Ты наш вожак, Гийом!

Луи Лантье, несмотря на настойчивые просьбы вилланов из Сен-Ле, наотрез отказался возглавить их отряды.

– Я уже не в тех годах, чтобы шататься по лесам и при луне собираться с другими стаей, подобно волкам-оборотням.

В эту минуту ветер, шелестевший в листве, донёс отдалённые звуки набата. Церковный колокол без устали бил тревогу.

– Это колокол Преси, – мрачно произнёс кто-то. – Сеньор Крамуази напал на нашу деревню.

Одним прыжком Гийом Каль очутился у подножия бука и с ловкостью белки вскарабкался на вершину. Все головы повернулись к нему.

– Я вижу багровое пламя в той стороне. Преси пылает, как факел. Отомстим негодьям!

Ярость этого призыва потрясла собрание. Всё затихло, но это было затишье перед бурей, а потом из тысячи глоток вырвался грозный крик:

– Отомстим! Отомстим!

Голос Каля вновь загремел над толпой:

– Пойдём на Крамуази и потребуем ответа!

Ничто не могло задержать теперь этот стремительный поток.

– На Крамуази! На Крамуази! – повторяли все.

Толпа всколыхнулась.

– Они называют нас Жаками, – снова крикнул Гийом. – Так вперёд, Жаки!

Луи Лантье хотел удержать за плечо своего племянника, но Колен увернулся. Старый воин успел заметить, как мальчик проскользнул в первые ряды.

– Святые угодники, защитите этого юнца! Разве и так у меня мало горя!

Последние ряды крестьян прошли мимо. Долго оставался на месте Лантье, слушая, как затихают в лесной чаще шаги уходящего отряда.

– Какое сегодня число? – спросил он вслух.

Звук собственного голоса заставил его вздрогнуть.

– Ну вот, я уже разговариваю сам с собой! Ах, старина, и тебя не минует чаша сия. Ну

что ж, возьми себя в руки!

И, как бы для того чтобы подкрепить свои слова, он добавил:

– Сегодня вторник, двадцать восьмое мая тысяча триста пятьдесят восьмого года.

Глава тринадцатая

Робер, владелец Крамуази, тяжело шагал из угла в угол большого зала замковой башни. От каждого его шага вздрагивали цветные стёкла узких окон.

– Не волнуйтесь так, мессир! Поберегите себя... как бы не случился удар...

– Замолчите, сеньор Бод л'Экиль! – вышел из себя хозяин замка. – Убирайтесь все! Нечего вам стоять здесь и пялить глаза. Ступайте прочь! Кому я говорю? Как только капитан стражи вернётся, немедленно пошлите его ко мне.

Он настезь распахнул двустворчатую дверь и без всяких церемоний вытолкнул на лестницу оруженосца Пьера де Круа, конюшего Ферсена и капеллана.

– Да хранит вас господь, мессир! – подобострастно пролепетал аббат.

Дверь захлопнулась, чуть было не прищемив его крупный угреватый нос.

– Он вымещает на нас свой гнев, – вздохнул капеллан. – Кстати, скажите, Ферсен, какая муха укусила ночью наших вилланов, что они разбежались кто куда?

Конюший пожал плечами.

– Не знаю, но как только лучники сеньора догонят их, – вот уж зададут им жару! Вы знаете пословицу, сеньор Бод: «Ты ему: “Добрый Жак!”», а он тебе – кулак. Ты его по роже, а он: “Храни вас боже!”».

Оруженосец Пьер де Круа расхохотался.

– Да, что говорить! У мессира Робера не лёгкая рука для мужиков. Сейчас жителям Преси придётся об этом вспомнить. Наши стрелки подожгут там все дома и угонят скот.

– И за дело! Ведь эти негодяи здорово потрепали нас в лесу. Надо раз навсегда научить их уму-разуму, отлупив хорошенько древками копий. Не забудьте, мессир Пьер, предупредить капитана Форжье, что господин желает видеть его.

– Я позабочусь об этом, мессир Бод, позабочусь!

Устав метаться, как медведь в клетке, Робер де Крамуази опёрся локтями на подоконник. Окно уже раньше раскрылось под порывом свежего майского ветра. Гнев Крамуази не утихал. Багровые пятна на лице и налитые кровью глаза свидетельствовали о неукротимой злобе, бушевавшей в его груди.

– Я повешу троих или четверых собственными руками, – прорычал он. – Покинуть поля без моего разрешения!..

Владение Крамуази похоже было и на помещичью усадьбу, и на укреплённый замок. Крепостная стена окружала хозяйственные постройки, караульню и квадратную башню, напоминавшую сжатый кулак. Сеньор властвовал на шесть лье в окружности над холмистой местностью с плодородной, но твёрдой почвой, которую круглый год хлестал ветер. Постоянные распри сира Крамуази с владельцем поместья Мелло, земли которого он грабил, вызвали даже порицание епископа Бове. Напрасная трата слов! Де Крамуази жил как коршун в своём гнезде. Внушаемый им страх и крутизна склонов, над которыми стоял замок, защищали Робера от нападения и мести соседних сеньоров.

Пятьдесят лучников, на содержание которых он не жалел расходов, составляли банду головорезов. Хорошо откормленные, награждаемые золотой монетой, эти вояки держали в узде всю округу и готовы были по первому слову сира Робера на любой рискованный набег. Их начальник Форжье, прозванный Железной Стопой, сгибал меж пальцев экю⁴¹. Он был злым духом сеньора, и вилланы утверждали, что сатана изгнал его из ада. Железная Стопа с гордостью поддерживал эту легенду.

---

⁴¹ Экю – старинная французская золотая монета.

Мессир Робер не отрывал взгляда от дороги, извивавшейся между деревьями. Форжье и лучники запаздывали. «Должно быть, они сопровождают тяжёлый обоз с добычей, и это задерживает их», – подумал де Крамуази, и снова его встревоженные мысли обратились к вилланам.

«Почему они, чёрт их возьми, удрали из своих лачуг? Женщины и дети клялись, что им ничего не сказали. Дьявольщина! Я собственноручно вздёрну не менее полудюжины, и в первую очередь Бартелеми, Итье и кривого Франсуа...»

Он колебался между мельниками Раулем и Пьером. Оба были силачами, выносливыми в работе и могли держать на вытянутой руке двухсотфунтовый мешок зерна... И всё же одного из них необходимо было повесить: Робер подозревал, что братья поддерживают среди крестьян всякие вредные мысли.

Внезапно весенний ветер наполнился отдалённым гулом. Хозяин замка снова выглянул в окно. Плохо вымощенная дорога по-прежнему была пуста, но до ушей Робера доносился глухой рёв голосов. Земля гудела, попираемая тяжёлой поступью тысяч ног.

Вдруг толпа крестьян прорвала зелёный занавес на опушке. Она наступала фронтом шириной не менее трёхсот футов, и её движение казалось хорошо слаженным. Это была разъярённая, ослеплённая ненавистью, оцетинившаяся пиками и вилами, человеческая лавина. В центре, высоко подняв топор лесоруба, шёл человек лет сорока. Время от времени он оборачивался, чтобы проверить, все ли следуют за ним. Справа от него держался какой-то подросток, вооружённый луком, слева Робер де Крамуази узнал двух братьев-мельников Рауля и Пьера.

До замка долетел истошный вопль, вырвавшийся из самой гущи толпы:

– Смерть злодею! Смерть Крамуази!

Этот вопль показался Роберу таким ужасным, что он содрогнулся. Отпрянув, как дикий кабан, он бросился вон из зала и, перескакивая через ступеньки, помчался вниз по лестнице, столкнувшись на ней с Ферсеном и капелланом Бодом, охваченными паническим страхом.

– Мы погибли, мессир Робер!

– Погибли? Вы дрожите, как листья, перед этим мужичьём и мелете ерунду, как старые бабы. Где мой оруженосец?

– Мессир Пьер де Круа на крепостной стене.

– Ферсен, мерзкий пёс, послать немедленно всех конюхов на крепостные стены!

Бод л'Экиль застонал, припав головой к каменному столбу.

– Эй вы, кюре, перестаньте реветь, как осёл! Молитесь, если вам охота, но не скулите, бога ради, как слепой щенок.

Сеньор схватил меч, висевший на щите для оружия в нижнем зале, и бросился к самому уязвимому месту на крепостном валу.

Пьер де Круа уже расставил восемь лучников на стене у подъёмного моста, лицом к дороге.

– А теперь, молодцы, не шадите эту дрянь!

Сир Крамуази был убеждён, что при первых пущенных стрелах Жаки разлетятся, как воробы.

Крестьянский отряд, по приказу Гийома Каля, остановился менее чем в ста туазах от замка.

– Рауль, – сказал он старшему из братьев, – возьми шесть человек, и пусть они поднимут тревогу, если на дороге покажутся стражники, которые сожгли Преси. Не годится, чтобы нас захватили врасплох с тыла.

– Клянусь всеми святыми, Гийом, такая работа не по мне. Я хочу первым ворваться в башню и схватиться там врукопашную.

– Рауль, вы избрали меня своим вожаком, и я требую, чтобы меня слушались. Думаю, что у тебя ещё будет случай подраться врукопашную.

– Он прав! – закричали сразу несколько человек. – Что же с нами станет, если мы не послушаемся самого разумного из нас?

– Ступай, Рауль! – сказал Пьер. – Обещаю, брат, поработать и за тебя.

Рауль, ворча, опустил голову и вызвал шесть местных вилланов, знавших каждый бугорок на родной земле.

– А если появятся лучники, труби изо всей силы в рог! – добавил Гийом.

На крепостной стене над воротами крестьяне заметили Робера де Крамуази. Появление его было встречено яростными криками. Вожак тревожно взглянул на свой разношёрстный отряд. «Требуются годы, чтобы воспитать опытного, выдержанного воина, а эти рвутся вперёд, как несмышлёные жеребята», – подумал Гийом Каль.

– Пусть подойдут носильщики хвороста! – зычным голосом крикнул он.

От толпы отделилось несколько лесорубов. Каждый из них нёс по две вязанки хвороста.

– А теперь – таранщики, беритесь за бревно!

Двадцать человек вышли вперёд. Они раскачивали огромный дубовый ствол с закруглённым концом. Их крепкие мускулы напряглись от усилий; пеньковая верёвка, охватывавшая бревно, впивалась им в ладони. Лесорубы, размахивая, как щитами, вязанками хвороста, прикрывали таран.

Колен хотел пойти за ними, но Гийом удержал его за рукав.

– Остайся здесь, парижанин! Мне сейчас понадобятся твои ноги и твоя смекалка.

Навстречу смельчакам с крепостных ворот полетела туча стрел, но они отскакивали от тугих вязанок хвороста. Меткость стрелков оказалась бессильной перед этой немудрёной военной хитростью крестьян. Сверху, со стен замка, на наступающих посыпался град камней, но ловко направляемый таран уже крушил запертые ворота.

Один из лесорубов, в которого попал камень, рухнул на колени с переломанным позвоночником. Он громко вскрикнул и испустил дух. Ворота под тяжёлыми ударами скрипели на железных петлях. Ещё одно усилие, и они были взломаны. Бросив хворост, лесорубы выхватили топоры, засунутые под верёвку тарана, и устремились в пролом.

– Вперёд, братья Жаки! Вперёд! Пусть люди из Клермона и Нуантеля отрежут наёмникам отступление и помешают им бежать через потайной ход в северной стене. Эй, парижанин!

Колен не услышал Гийома. Увлекаемый страстным порывом, он бежал к замку в первых рядах вилланов и сжимал в правой руке лук, переданный ему одним из нападавших.

– Смерть Крамуази! – крикнул мальчик.

Собственный голос показался ему странным. В бурном потоке, обрушившемся на стены замка, Колен был одной из волн, взметённых могучим прибоем.

Во дворе замка Робер де Крамуази и его оруженосец, окружённые двадцатью лучниками и слугами, пытались сопротивляться лесорубам. Лезвия шпаг скрещивались с лезвиями топоров. Кровь уже клеймила тёмными пятнами каменные плиты. Царило страшное смятение. По двору вдруг метнулась чёрная сутана, прорываясь сквозь ряды крестьян.

– Сжальтесь, друзья мои, сжальтесь! Дайте мне выбраться из этого ада.

С искажённым от страха лицом Бод л'Экиль, протянув в мольбе руки, бежал с поля брани. Крестьяне беззлобно потолкали его, а потом пропустили. Один из стрелков сеньора, примостившись на каменной лестнице, которая вела в основание башни, натянул лук, но Колен опередил его. Раненный в бедро стражник кубарем скатился вниз.

– Ты подстрелил его, как жаворонка, парижанин!

Гийом Каль мимоходом потрепал мальчика по плечу и бросился в самую гущу сражения. Там внезапно появилась гигантская фигура Пьера. Мельник держал слово, данное брату: он трудился за двоих. Стражники валились один за другим. Гийом Каль убил Пьера де Круа, оруженосца, и Робера, сеньора Крамуази, остался один. Его меч был обагрён кровью, пот струился по лицу, но, несмотря на полученные жестокие ранения, он не отступал ни на шаг.

Пьер надвигался на него, размахивая железным брусом.

– Ты умрёшь сейчас, Крамуази! Умрёшь от руки виллана! А твои кишки сгниют на

солнце.

Сеньор в бешенстве замахнулся на него мечом, но Пьер проворно отскочил в сторону. Лезвие меча со скрежетом резануло по земле, во все стороны брызнули искры.

– Ты умрёшь, Крамуази!

Мельник с силой опустил брус. Хрустнули кости. Неукротимый Робер последним

усилием пытался поднести руку к ране, но смерть уже сковала его тело и кровь остановилась в жилах. Разинув рот, умирающий жадно глотнул воздух. Его грудь два или три раза судорожно приподнялась и опустилась.

– Крамуази мёртв! Слишком чёрная была у него душа, чтобы пожелать ему прощения на том свете, – произнёс Гийом Каль.

– Ну, теперь мне и лихая смерть не страшна, – промолвил Пьер. – Сегодня я сделал доброе дело.

Последнее сопротивление защитников замка было сломлено. Только труп де Крамуази валялся на холодных плитах. Толпа Жаков устремилась в главную башню. Узкая лестница вскоре оказалась забитой людьми. Первые из вилланов, ворвавшись в верхний зал, обнаружили здесь долговые книги. На пергаментных листах выстроились столбцы цифр: налоги, подати, арендная плата – подробнейший перечень всевозможных повинностей и кабальных обязательств. Эти записи вопили о безысходной крестьянской нищете, накапливавшейся месяцами и годами, наследуемой из поколения в поколение.

Раздался единодушный крик:

– Сжечь их! Сжечь немедленно и развеять пепел по ветру!

Над толпой мелькнул зажжённый соломенный факел. Его передавали из рук в руки. Пьер вручил факел Гийому Калю, говоря, что эта честь по праву принадлежит вожаку. Огненный язык извивался, подобно раздражённой змее. Он жадно лизнул ссохшиеся листы пергамента, которые корчились и свёртывались, как стружки. Пламя проникло в толщу фолианта, послышалось шипение плавящейся металлической оправы. Внезапно поднялся с весёлым потрескиванием сверкающий огненный столб.

Колен протиснулся в первый ряд и, словно зачарованный, смотрел, как горят архивы Крамуази. Огонь перебросился на деревянную обшивку стен. Аромат древесной смолы смешался с запахом горелого пергамента.

– Послушай, как гудит костёр, – обратился мальчик к Пьеру. – Скоро загорится весь замок.

Мельник утвердительно кивнул ему.

– Замок запылает, как стог сена. Пусть огонь сожрёт всё до основания.

И, как бы выполняя его пожелание, вдоль стены лопнул деревянный плинтус, разбросав множество искр.

– Идём, пусть свершится правосудие! – приказал Гийом Каль. – Скоро в этой башне станет жарче, чем в печи.

Гулкое эхо от сотен шаркающих ног прокатилось под высокими сводами. Вместе с Пьером и Гийомом Калем Колен вышел в числе последних из зала башни. Жара становилась нестерпимой. Багровые языки пламени уже лизали поперечные балки потолка.

Жаки выгоняли из хлева коров и овец. Слышались радостные возгласы:

– Матье, взгляни, вот наша корова! Узнаёшь белую звёздочку на лбу?

Несчастные, перепуганные животные бежали куда глаза глядят. Одна из коров, обезумев от смрадного дыма, с такой силой боднула в грудь попавшегося ей на пути виллана, что кровь брызнула струёй. Все бросились на помощь пострадавшему.

В эту минуту из леса донёсся протяжный звук охотничьего рога.

– Это Рауль! Он предупреждает, что приближается Железная Стопа. Эй, парижанин, беги к нашим и вели им не расходиться. Мы сейчас будем там!

Колен помчался во весь дух. Вторично послышался рог. Колен успел заметить, как дрогнули ряды крестьян. Воины Железной Стопы внушали им безграничный ужас.

И в третий раз прозвучал рог, на этот раз – похожий на стон умирающего оленя.

– Чёрт возьми, мы сейчас! – пробормотал Колен.

Клубы чёрного дыма заволокли вершину башни. Над ней, как стяг, развернулся огромный огненный язык.

В толпе послышался ропот.

Снова простонал рог.

Глава четырнадцатая

– Уходи, твои фокусы мне надоели!

Лениво подняв руку, дофин Карл бросил жонглёру кошелёк. Тот ловко поймал его на лету.

– Благодарю, монсеньёр, благодарю!

Ласково поглаживая обезьянку, сидевшую у него на плече, фигляр, пятясь, добрался до двери.

Карл тосковал в Компьенском замке, и все развлечения, на которые он прежде был так падок, теперь вызывали в нём только скуку и раздражение. Тщетно придворные лезли из кожи вон, чтобы придумать для него какую-нибудь новую забаву. Дофина грызла какая-то тайная болезнь, которую не могли излечить ни пилюли, ни целебные настои, приготовляемые самыми известными врачами королевства.

– Не желает ли ваше королевское высочество выехать на соколиную охоту? – спросил граф де Танкарвиль, один из самых преданных придворных.

Тонкие губы принца искривила гримаса.

– Он не унаследовал ни доблести своего деда Филиппа⁴², ни здоровья своего отца короля Иоанна⁴³. Видно, род Валуа совсем захирел! – прошептал сеньор Компьена на ухо смуглолицему бакалавру. Граф приблизил его к себе, несмотря на низкое происхождение.

Сеньор начинал тяготиться пребыванием дофина в его добром городе Компьене. Содержание всей его блестящей свиты стоило слишком дорого, и горожане явно выражали недовольство.

– Деятельность Карла Наваррского в Париже не даёт ему спать, – ответил в том же тоне Жан Фруассар⁴⁴.

– Что вы там за козни строите? – спросил Карл, растягивая слова.

– О монсеньёр! Ваше предположение неоправданно. Фруассар, наш летописец, спрашивал, не угодно ли вам будет послушать какие-нибудь рыцарские поэмы.

Дофин раздражённо махнул рукой.

– Не теперь, граф, не теперь! Поэзия действует мне на нервы.

Компьен был слишком мал для первого королевского двора в Европе, и все рыцари и дамы разделяли нетерпение дофина поскорее возвратиться в Париж. Но каким долгим казалось ожидание! Войско, которое должно было отнять столицу у Этьена Марсея и восставших горожан, до сих пор ещё не было сформировано. Не хватало денег. Наёмники покидали королевские знамёна, считая, что дерзкие набеги и грабежи приносят больше дохода, чем служба у принца. Города сопротивлялись, не желая брать на постой и снабжать одеждой воинов дофина. Почти каждую ночь Карл просыпался в холодном поту, во власти ужасных кошмаров. Ему снилось, что Этьен Марсель гонится за ним и хватает его за горло. Убийство на его глазах маршалов Шампанского и Нормандского глубоко потрясло принца. Он наклонился к графу Танкарвиллю, который закрыл глаза и, казалось, спал.

– Посланец мессира де Пиккуаньи заставляет себя ждать.

Пиккуаньи был в Париже ушами и глазами Карла. Дофин через него узнавал о всех делах. Пиккуаньи сочетал в себе терпеливость дипломата с наглой развязностью лакея. Он

---

⁴² **Филипп Шестой Валуа** (1293–1350) – французский король, первый из династии Валуа. При нём началась Столетняя война.

⁴³ **Король Иоанн** – см. предисловие.

⁴⁴ **Фруассар Жан** (1338–1404) – французский историк, автор «Хроники», в которой события Жакерии описываются с точки зрения феодала, ненавидящего «презренных Жаков».

шпионил одновременно за Карлом Наваррским, Этьеном Марселем, горожанами и народом.

Танкарвиль покачал головой.

– Дороги небезопасны, монсеньёр, а от Парижа до Компьена не близко.

Карл нахмурился, но Танкарвиль, преодолев дремоту, продолжал, облокотясь на спинку резного кресла принца: – Поговаривают, что вилланы в этом краю бунтуют и что они перерезали дороги, чтобы задержать карательные отряды.

– «Вилланы, вилланы»! Неужели мы будем считаться с этим мужичьём? Надо повесить несколько человек, и всё успокоится. Пусть только наши войска возьмут Париж, и смута в королевстве прекратится.

Вместо ответа Танкарвиль только вздохнул.

– Откройте окна, здесь душно, как в бане!

– Приближается гроза, монсеньёр, – сказал граф Компьенский, одновременно сделав знак слугам выполнить приказание дофина.

Зигзагообразная молния прорезала тучи. Оглушительный удар грома вторгся в тишину. Гроза разразилась с исключительной силой.

«Гонец Пиккуаньи на пути может увязнуть в грязи, – подумал Карл, перекрестившись. – Дай бог, чтобы он не сломал себе шею в какой-нибудь рытвине!»

Вдруг по каменным плитам двора громко зацокали копыта. Забыв про этикет, дофин бросился к окну. Прорвавшись сквозь сплошную завесу ливня, огромный всадник яростно прищипоривал лошадь. Из-под её копыт во все стороны летели водяные брызги. «Этот дьявол загнал, наверное, не одного боевого коня!» – подумал принц. Подскакав прямо к конюшне, всадник спешил и бросил поводья слуге.

– Чёрт возьми, вот это молодчина! – Могучая фигура прибывшего показалась Карлу знакомой. Дофин медленно подошёл к Танкарвилю. – Велите всем оставить меня одного.

Придворные уже догадались о тайном желании принца, и большинство из них направилось к выходу.

– Он ожидает приятных известий, – прошептал коварный Фруассар, – а тем временем Карл Наваррский и Этьен Марсель оспаривают друг у друга право спать в королевской постели. Кому из них наш дофин уступит своё ложе?

Анри Компьенский улыбнулся и подтолкнул своего собутыльника в плечо.

Когда зал опустел, граф де Танкарвиль ввёл гонца и удалился. Он рассчитывал, что дофин задержит его, но тот не подал никакого знака.

– Так это вы, мессир Готье Маллере!

– Чтобы служить вам, монсеньёр!

И бывший капитан королевских лучников опустился на одно колено.

Великан полностью оправился от раны, нанесённой ему стрелой юного Лантье, и от пыток, перенесённых в Пти-Шатле. Долгий путь верхом, который он только что проделал, не наложил на него никакого отпечатка усталости. Ничего, казалось, не могло его сломить. Капитан был способен проскакать за день сорок лье, лишь бы попалась выносливая лошадь. Сейчас Маллере промок до нитки. С его суконного капюшона струилась вода и стекала на пол по кожаному гамбизону⁴⁵, который он надел поверх кольчуги.

– Встаньте, мессир Готье, вы стоите коленом в луже. Мессир Жак де Пиккуаньи поступил весьма неосмотрительно, послав ко мне капитана королевской стражи.

В нескольких словах великан сообщил дофину о произошедших в Париже переменах и поспешил перейти к делу Одри.

– Я припоминаю, – сказал Карл, – этого мятежного виллана, которого мужики послали к Марселю. Наши шпионы донесли нам об этом.

– Вы больше не услышите о нём, монсеньёр.

---

⁴⁵ **Гамбизон** – специальная куртка из буйволовой кожи или холста, подбитая паклей, надевавшаяся под кольчугу для ослабления неприятельских ударов.

Подобный двусмысленный намёк не слишком компрометировал капитана, да к тому же дофин едва ли придавал значение такому ничтожному эпизоду. Он взял Готье под руку и увлёк его в самый дальний угол.

– Как наши дела в Париже, Готье, и что велел передать мессир де Пиккуаньи?

– Ваши дела неотделимы от дел всего королевства, но, увы, они плохи, монсеньёр! Этьен Марсель занял своей стражей Лувр, доказав этим выпадом, как мало он считается с престижем вашего королевского высочества.

Дофин побледнел, и его пальцы впились в плечо Готье.

– Какая наглость! За это он мне дорого заплатит! Царство его скоро кончится. Ну, а как мой кузен, Карл Наваррский?

– Хитёр лис, монсеньёр! Под удобным предлогом он отказался от короны, предложенной ему Марселем. Карл знает, что власть горожан не вечна.

– А что советует мой верный вассал, мессир де Пиккуаньи?

– Я заранее трепещу за свой ответ, монсеньёр, так как очень прискорбно, что дофин Франции, сын короля, вынужден прибегать к таким мерам.

– Говорите, – мягко приказал Карл. – Мои уши выслушивают столько фальшивых и корыстных советов, что чистосердечное мнение не может их оскорбить.

– Мессир де Пиккуаньи советует вам пустить в дело против Карла Наваррского его же оружие – вероломство. С хитрой лисой нужно быть хитрым вдвойне. Пригласите Карла к себе. Ему неудобно будет отказаться. Примите его как преданного союзника и выкажите ему дружеское расположение. Осыпьте его обещаниями, монсеньёр!

– Дофин Франции не может отречься от своих обещаний.

– Обязательства дофина Франции – это великие обязательства, монсеньёр. Но, если понадобится, папа впоследствии разрешит вас от любых клятв.

Карл с удивлением поглядел на Готье Маллере. Этот грубый вояка рассуждал, как искусённый политик. Принц почувствовал в его словах изошённый ум мессира Пиккуаньи.

– Вы всё передали, Готье?

– Всё, монсеньёр.

Капитан украдкой стёр струйку крови, которая текла у него по щеке, но это быстрое движение не ускользнуло от дофина.

– Что с вами, Готье, вы ранены?

– Пустячная царапина, монсеньёр! Когда я выезжал из деревни, вилланы, спрятавшись за изгородью, запустили в меня камнем. Жаль, что не удалось пощекотать им мечом спину.

Кончиком ногтя Карл чистил рукав своего пунцового камзола.

– Вилланы показывают острые зубы, Готье. Следует послать против них несколько отрядов солдат. А вы останетесь при мне в Компьене.

Готье неловко поклонился и поцеловал руку дофина.

– Я буду преданно служить вам, монсеньёр, и, если понадобится, не пожалею жизни.

– Верю, Готье, верю, а сейчас оставь меня. Мне нужно поразмыслить над советами Пиккуаньи. По поводу жилья обратиться к графу Анри и скажи, чтобы с тобой обращались как с лицом из моей свиты. Позднее я призову тебя.

Готье Маллере гордо удалился. Дофин удостоил его обращением на «ты». Он уже видел, как перед ним открывается блестящее будущее.

Глава пятнадцатая

Капитан Железная Стопа принадлежал к тем рыцарям большой дороги, для которых грабежи и боевые схватки только желанные поводы, чтобы поработать мечом. Он мгновенно оценил положение. Замок пылал, и можно было не сомневаться, что защитники Крамуази отправились в лучший мир.

– Мы опоздали, Фюльбер, – обратился он к сержанту, скакавшему справа. – Но мы сейчас сдерём шкуру с этих мерзавцев, как с диких кошек. Погляди, как они улепётывают, только услышав топот наших коней. Эй, молодцы, приготовьтесь хорошенько порубить это мясо!

Рог Рауля протрубил где-то невдалеке, в лесной чаще.

– Рассыптесь по опушке, Жаки! – крикнул Гийом Каль.

Но, за исключением трёх десятков решительных людей, крестьяне, не привыкшие к подобным сражениям, потеряв голову метались во все стороны, а некоторые, вместо того чтобы укрыться за деревьями, отхлынули назад к замку, как стадо перепуганных баранов.

Колен, сжимая в руке лук, старался ни на шаг не отставать от Гийома.

– Беги, пока ещё не поздно, парижанин!

– Честное слово, Гийом Каль, я вас не оставлю. Стреляю я из лука не хуже королевского лучника, и эти вояки меня не пугают.

К отряду, состоявшему из жителей Клермона – верных товарищей Гийома, присоединились лесорубы из Сен-Ле, вооружённые топорами.

– Пойдём прямо навстречу всадникам, чтобы прикрыть наших братьев, – сказал Гийом.

Спокойное мужество вождя подбодрило Жаков. Многие крестьяне из тех, что покинули было отряд, возвратились и приготовились к бою.

– Нам стыдно, что мы убежали, друг Гийом!

– Нечего стыдиться, братья! Жеребёнок не сразу привыкает к уздечке. Так и человек не сразу привыкает к бою. Учение даётся не легко.

Воины Железной Стопы выстроились шеренгой менее чем в ста туазах от крестьян, отрезав им дорогу к лесу. Их кожаные камзолы блестели, а начищенные шлемы, отражая солнечные лучи, сверкали, как молнии. Уверенные в победе, наёмники с нетерпением ждали приказа искромсать эту чернь, что осмелилась бунтовать.

Железная Стопа взмахнул мечом. Атака началась.

– Стойте твёрдо и не бойтесь! – прогремел голос Гийома Каля.

Он выступил вперёд и поднял копьё. Колен уверенной рукой положил стрелу на пеньковую тетиву и прицелился. Четверо товарищей последовали его примеру. Когда мчавшиеся во весь опор всадники приблизились на расстояние около двадцати туазов, мальчик спустил стрелу. Лошадь, раненная в грудь, поднялась на дыбы и рухнула в грязь, увлекая за собой всадника. Не успел Колен снова натянуть тетиву, как лучники Железной Стопы налетели на повстанцев. Натиск был сокрушительный. Ржание лошадей сливалось со стонами раненых. Пики и вилы яростно скрещивались с мечами.

– Бей их, бей! – рычал Железная Стопа.

На эти призывы капитана, как эхо, откликались ободряющие возгласы Гийома Каля:

– Стойте твёрдо, братья Жаки! Не бойтесь!

Гийом Каль двумя руками держал тяжёлое копьё.

Чей-то меч с размаху задел его руку, и кровь обагрила рубашку, но предводитель Жаков платил ударом за удар, и пример его творил чудеса.

Колен подобрал гизарму одного из убитых и рубил ею направо и налево. Пьер с такой силой вращал над головой свой железный брус, что никто не осмеливался к нему приблизиться. Мельник появлялся в самых опасных местах и не успокаивался, пока не обращал в бегство самых стойких врагов.

Железная Стопа пытался подмять Гийома Каля под ноги своего коня, но Колен гизармой ранил в бок его лошадь. Животное взвилось от боли и, не слушая ласковых уговоров всадника, круто повернуло назад. Стражники, решив, что капитан покидает поле боя и зовёт их за собой, последовали за ним.

Лишь на опушке леса Железной Стопе удалось успокоить коня. Вскоре лучники собрались вокруг своего начальника, и тот задал им изрядную головомойку.

– Подлые свиньи, трусы! Вы, как зайцы, удираете от кучки мужиков!

Стражники покорно выслушивали его брань. Они потеряли десяток убитых, и никто не

вышел невредимым из этой стычки. В свою очередь, и Жаки подсчитывали свои потери мёртвыми и ранеными. Гийом озабоченно следил за поведением неприятеля.

– Это только передышка, братья, придётся биться до конца!

Крестьяне, укрывшиеся в замке, в испуге выбегали оттуда. Каменные своды рушились. Огненные искры, разносимые ветром, и сильный жар от костра сделали дальнейшее пребывание в Крамуази невозможным.

– Мы будем сражаться! – в один голос воскликнули братья Пьер и Рауль.

– Мы будем сражаться! – повторил за ними Колен.

Гийом Каль грустно улыбнулся;

– Мы будем сражаться сегодня, завтра и ещё много дней. Факел Крамуази зажжёт пожары во всём Бовези, Мюльсене, Суассоне и в округе Амьена. А быть может, пожаром будет охвачена и вся равнина от Лаонне до моря.

Он говорил с вдохновением. Уж не видел ли Гийом Каль над развалинами феодальных замков, в дыму пожарищ сияние нового дня, когда вилланы станут хозяевами своей судьбы?

Железная Стопа взял коня своего оруженосца. Он задыхался от злости, но печальный опыт заставил его быть осмотрительным.

– Уничтожим этих кротов с расстояния – градом стрел.

Многие из воинов его отряда подумали про себя, что с этого нужно было начинать. Лучники вытянулись в цепь параллельно лесной опушке. Положение Жаков становилось затруднительным. Впереди – враг, позади – огонь. Слева и справа – обрывистые склоны.

Гийом обратился к товарищам:

– Братья, у нас только один выход – добраться до леса. В чаще они нас не могут преследовать.

– Мы не пробьёмся к лесу, – сказал кто-то.

– Мы пробьёмся туда по трупам врагов, – твёрдо возразил Гийом. – Разве это не лучше, чем погибнуть без боя?

Рой стрел прервал его речь. Один из Жаков схватился рукой за плечо, пронзённое стрелой.

– Приготовьтесь, Жаки! – скомандовал Гийом.

Колен натянул тетиву своего большого лука, вырезанного из сердцевины рябинового ствола. Один из наёмников упал навзничь с простреленным горлом, второй закачался и стал медленно сползать с седла, третий сразу свалился с лошади.

Ошеломлённые крестьяне не верили своим глазам. Ещё пять лучников упало на землю. Со всех сторон раздался ликующий крик: «Ноэль! Ноэль!» – и как бы в ответ ему из леса донёлся звук рога.

Всадники Железной Стопы спешили и удирали без оглядки, но стрелы невидимых противников пригвождали их к земле.

– Ноэль! Ноэль!

Кто бы ни были эти союзники, они подоспели вовремя.

Как шершни, выкуренные серным дымом из старого дупла, лучники метались по узкой полосе, отделявшей теперь Жаков от леса.

Наконец пал за смертью и их начальник Железная Стопа. Подбадриваемые Гийомом, Коленом и братьями-мельниками, крестьяне набросились на растерявшихся вояк. Схватка продолжалась недолго.

Из леса вышло человек двадцать мужчин, одетых в кожаные или парусиновые камзолы. Каждый из них в одной руке держал лук, а в другой – зелёную ветвь, размахивая ею в знак приветствия. Тотчас же внимание Колена привлёк один из прибывших. Лёгкая, стремительная поступь лесного следопыта, порыжевшая кожаная безрукавка, густые курчавые волосы. Радость переполнила сердце мальчика.

– Одри!

– Колен!

Смеясь и плача, они крепко обнялись, а Жаки, охваченные любопытством, столпились

вокруг.

– Мы опоздали к сбору у Букового Креста. Когда до нас дошёл сигнал, мы находились ещё далеко от Рибекура.

– Ты пришёл очень кстати, Одри!

– Чёрт возьми, вы, не дожидаясь меня, развели здесь неплохой костёр. И всё же я рад, что поспел на праздник. Крепко натянутые луки в руках верных товарищей – что устоит перед такой силой!

Гийом Каль и братья-мельники расставили дозорных вдоль всего плоскогорья. Они совещались с представителями крестьян, избранными от каждой деревни. Свобода опьянила головы, как молодое вино, и многие Жаки считали, что сеньоры, напуганные разрушением Крамуази, облегчат теперь участь хлебопашцев.

Только Гийом Каль трезво оценивал обстановку.

– Остерегитесь, друзья! Лига сеньоров не потерпит посягательств на свои права. Нищета – наш удел. Сегодня, как и вчера, терять нам нечего. Остерегитесь! Сеньоры похожи на змей. Как только тронешь одну, остальные свиваются в общий клубок и каждая высовывает жало. Вот так поступают и сеньоры. Последуем их примеру. Останемся все вместе, заострим пики, подтянем тетивы на луках, научимся метко попадать в цель и колоть без промаха. Вы слышали слова нашего брата Одри: «Крепко натянутые луки в руках верных товарищей – что устоит перед такой силой!»

Гийом говорил убедительно, но не все присутствующие соглашались с ним.

– Лучше, Гийом, мы разойдёмся по домам и снова явимся по твоему первому зову.

Во время этих споров Одри увлёк Колену к своим товарищам.

– Вот, ребята, это и есть Колен Лантье, тот самый, что спас меня в Париже из когтей капитана Готье Маллере. Я предлагаю оказать ему радушный приём.

Все потребовали, чтобы Колен повторил эту историю с начала до конца. Он рассказывал живо и образно, и все эти закалённые люди слушали его с напряжённым вниманием. Стараясь не пропустить ни слова, они мысленно следили за ним от улицы Писцов до церкви Святого Северина, от Малого моста до ратуши.

– Мессир Этьен принял нас в просторном зале, заставленном письменными пультами. Приказав своим помощникам допросить Готье Маллере, он велел нам со всеми подробностями рассказать о наших стычках с сеньорами. Не так ли, Одри?

– Так, Колен, так, и мне вдвойне приятно слушать, как ты про это рассказываешь. Ну, а что ты теперь собираешься делать? Твой дядюшка в Серане, должно быть, немало поволновался.

Колен с обидой посмотрел на следопыта и выпрямился во весь рост.

– Гийом Каль ждёт новых жестоких боёв. Клянусь святым Михаилом, я начал разрушать замки и продолжу, если понадобится. Такая работа по мне.

Мятежники хохотали во всё горло. Одри даже согнулся от смеха, и на глазах у него выступили слёзы.

– Хорошо сказано, Колен, ей-богу хорошо! Нет, вы послушайте его, ребята, в Париже за словом в карман не лезят!

На лицах, загорелых от ветра и солнца, сверкали глаза.

– Расскажи нам ещё об Этьене Марселе, малыш. Правда ли, что он собирается изгнать из королевства всех дворян?

Вопрос этот задал высокий детина, косая сажень в плечах. Под кожей его рук мускулы перекатывались, словно огромные шары. Товарищи называли его Толстяк Вернель. Он валил кулаком быка и с пятидесяти шагов пробивал стрелой орех.

– У мессира Этьена, – неуверенно ответил Колен, – немало ещё дел в Париже.

– Чёрт побери, – проворчал Вернель, – если поднимутся все провинции от Бовези до моря, мы быстро научим сеньоров уму-разуму!

– Гийом Каль – верный и смелый товарищ, а у Жаков достаточно сильные руки, и разить копьём они могут не хуже, чем сколачивать бочки.

Замок Крамуази превратился в огромный костёр, во все стороны из него выплёскивались огненные струи. Пламя перебросилось на конюшни, хлеб и погреба. Посреди этого огненного ада возвышалась башня – чёрный скелет из обуглившихся камней.

– Уже сегодня во всём Бовези узнают, что от Крамуази остались только пепел да груда камней.

– И что мессир Робер изжарился, как свиная туша.

Одри хлопнул Колена по плечу.

– Ну, парижанин, я беру тебя в мой отряд, из тебя выйдет отличный стрелок.

– Я признал своим начальником Гийома Каля. Он один может решить мою судьбу.

– Правильно, Колен, я как раз собираюсь с ним поговорить. Хочу предложить, чтобы мой отряд присоединился к Жакам. Когда весь крестьянский люд готовится спустить с сеньоров шкуру, незачем нам больше нападать на них в одиночку, подобно бешеным волкам. Что вы на это скажете, ребята?

Все согласились с ним, кроме Толстяка Вернеля.

– Значит, прощай бродячая жизнь. Прежде, Одри, нам было и привольно и весело, а что ждёт нас теперь?

– Прежде мы только травили оленей в лесах сеньора и плевать хотели на его стражников. А теперь от нашей руки загорятся сами господские замки, и эта игра опаснее, чем бить запрещённую дичь.

Доводы у Одри были веские, и Вернель, что-то пробурчав в свою густую бороду, вынужден был уступить. Становилось трудно дышать от сажи и пепла, висевших в воздухе. Тучи чёрного дыма клубились над тем местом, где стоял замок. Одри поднялся.

– Пойдём со мною, Колен, на совет к Гийому Калю!

Споры уже были окончены. Гийом одержал верх. Представители каждой деревни и каждого селения создадут небольшие отряды, чтобы нападать на замки сеньоров и не давать передышки стражникам.

– Мы должны действовать силой. Волков бояться, а овец стригут, – сказал Каль. – Будем волками для жестоких сеньоров. Пусть все крестьянские отряды держат между собою связь и каждый день докладывают мне о своих действиях.

Вожаки разошлись. Глаза у них непривычно светились. Сегодняшняя победа и советы Гийома Каля вселяли в сердца надежды и мечты. Кое-кто поговаривал о том, что теперь пора бы взять Мо, Санли и Бове. Это были самые крупные из известных им городов, да и то многие знали о них только понаслышке, знали, что в них находятся роскошные дворцы, богатые аббатства и крупные монастыри.

Гийом обратился к Одри как к бойцу:

– Товарищ, весь Бовези скоро запылает громадным костром. Сеньоры будут сопротивляться изо всех сил. – На мгновение его ясный взор омрачился. – То, что мы делаем, необходимо. Не нам, быть может, суждено будет собирать урожай, но посеянные зёрна не пропадут.

– Гийом Каль, – сказал Одри, – я отдаю отряд в твоё распоряжение. До сих пор мы были лесными волками. Приказывай, и мы будем сражаться!

– Твои люди умеют искусно прятаться и внезапно обрушиваться на врага. Всё, что они сделают, будет сделано хорошо. Действуй же по своему усмотрению. Вскоре из Бове и Клермона к стражникам начнут прибывать подкрепления. Мы можем нанести им тяжёлые потери.

– Мои ребята не пожалеют ни сил, ни времени. Гийом! Я хотел бы, чтобы Колен Лантье, если ты разрешишь, перешёл в мой отряд.

– Чёрт возьми, что я буду делать, если ты заберёшь у меня лучших бойцов? Он стреляет из лука, как опытный воин. Ну да будь по-твоему, Одри! А если я тебе буду нужен, ты всегда можешь разыскать меня через жителей Клермона.

Жаки расходились по деревьям под предводительством своих выборных начальников.

Они громко смеялись и были воинственно настроены, будто всю жизнь сражались и вершили крестьянский суд.

Прежде чем углубиться в лесную чащу, каждый из них в последний раз оборачивался, чтобы запечатлеть в памяти вид сожжённого замка.

Одри отдыхал с товарищами до сумерек. В час, когда голуби начинают ворковать, маленький отряд двинулся по тропинке среди цветущего боярышника в направлении Клермона. Колен весело шагал впереди. Кто-то затянул песню старого трувера⁴⁶ Адама де ля Аль⁴⁷, которую все дружно подхватили. В воздухе пахло цветами боярышника и жимолостью. Колен тоже запел. Его звонкий юношеский голос выделялся в этом суровом хоре взрослых.

Глава шестнадцатая

В ту же ночь во всех деревнях Бовези состоялись крестьянские сходы.

С быстротой огня, стелющегося по сухой траве, восстание вилланов распространилось за пределы Бове, Мо и Провена до Пикардии и границ Лотарингии.

Родилась героическая легенда о подвигах крестьян Крамуази. Словно волшебная птица, перелетала она из селения в селение, и чем дальше она уносилась, тем грознее звучала её песня. Поговаривали, что у Гийома Каля двадцатитысячная армия Жаков, и одновременно разнёсся слух, что Этьен Марсель идёт по берегу Уазы, чтобы сразиться с сеньорами.

В ту же ночь запылали и другие феодальные замки. Их огненные костры на холмах служили сигналами, призывавшими к мятежу. Крестьяне доставали из тайников луки, точили вилы и топоры.

Жак Простак прощался с детьми, звал соседей, выбирал жоака. Ему нужно было только поднять глаза, чтобы оценить мощь своего врага – высокие валы, глубокие рвы, неприступные башни. Он видел вооружённых до зубов стражников на крепостных стенах, но, несмотря ни на что, мятеж разливался по стране, как река в половодье. Босые ноги неслышно скользили по каменистым тропам, ведущим на крутой холм или скалистый уступ. Кустарники и живые изгороди боярышника скрывали передвижения людей. И повсюду находился ловкий лесоруб, не боявшийся отвесных стен. Существовала тысяча уловок, которые в народе передавались от поколения к поколению. О них рассказывали по вечерам у очага, а сегодня все они пригодились.

Так пали в одну ночь замки Сийи в Мюльсене, Нуантель возле Клермона в Бовези. Менее чем в полулье от замка Мелло, который господствовал над дорогой из Санли в Клермон, отряд Одри раскинул лагерь под открытым небом в чаще ельника, где узкая речушка петляла среди лугов и зарослей.

Одри назначил двух часовых, ставших на пост по ту сторону речки. Остальные мгновенно заснули от усталости на мягком ковре из сосновых игл. Колен растянулся рядом со своим другом, но сон бежал от него. Столько событий произошло с прошлой ночи! Воспоминания о них смешивались в его мозгу. Буковый Крест, Гийом Каль, пылающий Крамуази, появление Одри.

Всё это мелькало у него перед глазами. Мысли путались. Вначале мальчику померещился дядя Луи, – он сердито выговаривал ему за опасные проказы, потом в отблеске пожара задёргался, как картонный паец, огромный сеньор Крамуази. Наконец Колен уснул, сжимая в руке лук.

На рассвете его пробудило пение дрозда над самой головой. Лёгкий солнечный луч

---

⁴⁶ **Трувёры** – в средневековой Северной Франции лирические поэты, исполнявшие под аккомпанемент свои песни.

⁴⁷ **Адам де ля Аль** (ок. 1230 – ок. 1288) – трувер, автор многих песен.

оживил чащу. Одри и его товарищи зевали, громко откашливались, перебрасывались шутками.

– Эй, Колен! В твоих глазах ещё ночной туман. Пойди умойся!

Одри запустил ему в лицо целую горсть сосновых игл. В одно мгновение Колен очутился на спине бунтаря, и на лужайке завязалась весёлая борьба. Одри обеими руками подбросил мальчика в воздух, подхватил его на лету и уложил на обе лопатки.

В эту минуту на тропинку вышел Вернель. Он сгибался под тяжестью крупной лани. Радостные крики приветствовали возвращение охотника, и несколько человек захопотали у костра, прикрытого влажной сосновой веткой, чтобы дым стлался по земле.

За завтраком Одри предложил отряду напасть на замок Мелло и прикончить его владельца.

– Эге, такую дичь и я не прочь затравить! – сказал Толстяк Вернель.

– В ад ему дорога вслед за его кумом Крамуази!

Шапки взлетели в воздух в знак одобрения.

Одри, подняв руку, охладил восторг товарищей.

– Говорят, что замок Мелло хорошо защищён, а его хозяин очень подозрителен. Надо его обмануть. Быть может, местные жители помогут нам придумать какую-нибудь военную хитрость.

Вернель, засучив рукава, заявил, что замок Мелло надо взять с наскока и сжечь.

– Друзья, – сказал Колен, – сеньоры не будут укрываться в замках, как куропатки в жнивье. Со вчерашнего дня их гонцы скачут по долинам и холмам в Санли и Клермон, где находятся бальи⁴⁸, и в Компьен, к самому дофину, предупреждая всех и каждого: «Берегитесь, сеньоры, мужичьё взбунтовалось! Они убили Робера Крамуази и спалили его замок... Вооружайтесь и дайте черни отпор!»

Присутствующие в знак согласия кивали головами.

– Если вы мне доверяете, я дойду до самого Мелло. Мальчишке позволят бродить где угодно. Я присмотрюсь и прислушаюсь ко всему, а потом, как предлагает Одри, поговорю с вилланами.

– Пой, петушок, пой! – воскликнул Вернель. – Ты проповедуешь, как кюре в церкви, но метко пущенная стрела убеждает лучше самой прекрасной проповеди.

– Тише, Вернель, тише! У тебя упрямая голова, а Колен говорит дело. Часто ловкость лисы побеждает силу волка.

Товарищи поддержали Одри, и Вернель признал, что следует обмануть неприятеля.

Колен тотчас же отдал свой лук Одри и приготовился в путь.

– Иди вдоль речки до дороги, – приказал ему следопыт, – и остерегайся стражников. Мы будем ждать тебя здесь. Всё-таки надо, чтобы кто-нибудь из нас шёл в ста шагах за тобой и защитил, если потребует. Как ты думаешь, Вернель?

– Тысяча чертей! – загремел Толстяк. – Я беру эту заботу на себя. И никто не осмелится поднять на тебя руку, парижанин!

Душистые травы, пестревшие васильками, доходили Колену до пояса. Речка весело бежала по полям, и множество разноцветных насекомых кишело на её берегах. В другое время Колен был бы восхищён чудесами этого маленького царства, жители которого резвились и порхали над тростниками, заострёнными, как наконечники пик.

Стена тополей скрывала деревушку, но белоснежный замок на скале, нависшей на сто футов над рекой, горделиво поднимал высокие башни над кронами окружавших его вековых дубов.

Прежде чем выйти на ухабистую дорогу, ведущую в селение, Колен оглянулся.

Вернель, прячась в кустах, ободряюще помахал ему рукой.

С десятков лачуг сгрудились внизу, под замком. Можно было подумать, что они так

---

⁴⁸ **Бальи́** – назначавшееся королём должностное лицо для управления округом (бальяжем).

тесно прижались друг к другу, чтобы прикрыть свою нищету. Сеньор Мелло славился своей скаредностью и сутяжничал с вилланами в равной мере из-за зерна и соломы, яйца и яблока. Он одевал жену в домотканые платья, кормил слуг коржами из тёмной муки и поил только водой.

На лугу старый крестьянин сгонял в стадо овец. Юный разведчик прыгнул с невысокого откоса. «Восставшие вилланы, должно быть, скрываются в лесу», – подумал он.

– Эй, дедушка! – громко закричал Колен.

Тот обернулся, дружелюбно кивнул мальчику, но вдруг испуганно замахал руками.

– Клянусь святым Михаилом, он одержимый! – вполголоса произнёс Колен. – Послушай-ка, дед!

Пастух хотел что-то сказать, но он так растерялся, что мог пробормотать лишь несколько бессвязных слов и пустился наутёк, бросив своих овец.

Едва Колен успел подумать о возможной опасности, как он был окружён вооружёнными всадниками. Болотистая, губчатая почва равнины заглушила топот коней. Бежать было поздно.

– Скажи-ка, красавчик, что ты делал в лесу?

Колен вздрогнул: он где-то уже слышал этот голос.

Двое всадников приставили к его груди копьё. Сквозь плотную ткань камзола Колен почувствовал холод железных наконечников. Внезапно он всё вспомнил, и сердце его тревожно забилося.

– Капитан спрашивает тебя! – прокартавил один из солдат, тесня мальчика конём.

– Ну, любезный, – продолжал насмешливый голос, – уж не был ли ты с теми вилланами, что вчера сожгли замок Крамуази? Эй, Пикар, подтолкни ко мне поближе этого юнца, чтобы я мог лучше рассмотреть его прелестное личико.

Всадник, пользуясь древком пики, старательно выполнил приказание.

Готье Маллере удивлённо вскрикнул: он узнал сына живописца вывесок.
– Охрани меня святой Дени, я могу лопнуть от счастья! Само небо отдаёт тебя в мои

руки, змеёныш! Палачи в Шатле заставили меня петь невесёлые песни по твоей милости, любезный Колен! Теперь и ты запоёшь. Эй вы, свяжите-ка его покрепче, этот еретик, этот выродок проткнул меня стрелой в церкви Святого Северина. До сих пор в дождливую погоду у меня ноет рана.

– Очень жаль, что я не проткнул тебя немного ниже, Маллере!

Колен с вызовом бросил ему эти слова.

Капитан лучников в остервенении дал шпоры коню, но мальчик не отступил ни на шаг.

– Замолчи, негодяй!

Железной перчаткой Готье ударил его по лицу. Колен потерял сознание и свалился навзничь в траву. У него закатились глаза.

– Пикар, перекинь этого волчонка к себе через седло! Нам нужно спешить к мессирю Мелло.

Они не заметили, что на краю луга зашевелились кусты.

Толстяк Вернель тяжело вздохнул и опустил лук.

– До следующего раза, чёртов кум, за мной уж не пропадёт, слово Вернеля!

Он мог бы убить одного из всадников, но замок был недалеко и остальные успели бы скрыться, увезя с собой мальчика.

Расстроенный до глубины души, Вернель поторопился в лес. Следовало как можно скорее известить о случившемся Одри.

– Маллере! Колен назвал его Маллере. Он кричал так громко, чтобы предупредить меня. Ах, пусть я сотру в кровь колени и сорву ногти на руках, но я вызволю его из темницы.

И он погрозил кулаком замку, в ворота которого как раз въезжал отряд Маллере со своим пленником.

Глава семнадцатая

Восстание крестьян разрасталось в трёх провинциях.

Ласковое солнце освещало первые дни июня. От зари до зари в синее небо взлетали тысячи жаворонков. Во все времена пахарь считал жаворонка птицей, приносящей счастье, и поэтому многочисленные отряды Жаков, бродившие по Бовези, не сомневались в исходе поднятой ими гигантской борьбы.

Поговаривали, что сто тысяч вилланов сменили серпы на пики. Амьенуа, Понтье, Вермандуа, сеньория Куси, Лаонне, Нуайонне, Валуа, Бри, Гатине последовали примеру Бовези.

Эта крестьянская масса, в которой издавна бурлила злоба, рождала вождей и героев. Они принимали такие мудрые решения, которые были бы под стать опытным полководцам. Возникла партизанская война, быстрая, бесшумная, чреватая неожиданными стычками. К такой войне наёмники не привыкли и не имели в ней превосходства. Сотни стрел внезапно вылетали из зарослей, разя наповал десятки стражников. Когда к ним подходило подкрепление, в роще уже никого не было.

Дворянские поместья пылали от Ионны до Соммы.

Имя Гийома Каля внушало ужас сеньорам. Его власть простиралась над тремя провинциями. Он собирал разрозненные отряды крестьян, спланивал их и отводил им определённые районы. Его мудрость не ограничивалась военными делами. Он знал, что сеньоры, похоронив свои давние распри и междоусобицы, объединяются и просят помощи у дофина, чтобы подавить мятеж. Крестьянам не победить одним. Поэтому Гийом послал гонцов к Этьену Марселю в Париж с просьбой о поддержке. Каля видели то здесь, то там, окружённого преданными товарищами. Как только Гийом Каль появлялся, все затруднения разрешались в мгновение ока. Простота и разумность его доводов убеждали самые упрямые головы. Усталость, казалось, не имела над ним власти. Он мог по трое суток оставаться без сна.

Глаза сверкали на его почерневшем лице, как драгоценные камни.

– Мужайтесь, – говорил он, – скоро настанет время, когда Жак Простак будет хозяином на земле. Мужайтесь, братья!

Гийом Каль сидел, как влитый, в седле, похожий на мраморного всадника. Он исчезал в предрассветном тумане или в вечерних сумерках, чтобы, появившись в других местах, вселять в сердца веру и стойкость.

Глава восемнадцатая

Ангерран де Сир, барон Мелло, поднял на Готье Маллере изъеденное оспой, подёргивающееся нервным тиком лицо.

– Я во всём подчиняюсь дофину, мессир Готье, и соберу под моим знаменем сто вооружённых стражников и челядинцев. Но разве так необходимо лишать жизни мальчишку, которого вы взяли в плен? Если, как вы утверждаете, этот Колен связан с Жаками, его смерть может причинить мне большой вред. Посмотрите, во что сегодня превращены Крамуази и многие другие прекрасные замки, от них остались лишь груды чёрных камней.

– Ей-богу, мессир Ангерран, вы трепещете перед вилланами, вооружёнными только пиками, а между тем вас охраняют стены толщиной в десять футов. Я послан вашим сюзереном, дофином Карлом, и желаю, чтобы Колен Лантье был повешен без проволочек, а труп его выставлен на крепостном валу. Это будет полезным примером для ваших вилланов.

Готье медленно обошёл большой зал, с видом знатока любясь великолепными коврами бовезской выделки, висевшими на стенах.

– И подумать только, мессир Ангерран, что все эти богатства завтра могут обратиться в пепел и сажу!

– Вот почему и следует защищать мои стены, мессир! Я отдаю последнее, разоряюсь, чтобы снарядить сто воинов и передать их дофину. А вам этого мало! Я знаю наше мужичьё. Их обуревают злоба, и она превратится в неукротимую ярость, если я покажу им тело казнённого.

– Принц очень прислушивается к моим словам, мессир Ангерран. Робер де Крамуази умер, не оставив наследника. Одним росчерком пера дофин может признать вас единственным владельцем его плодородных земель. Это щедрое вознаграждение за услугу, которую я вас прошу мне оказать.

Готье Маллере попал в цель.

– Сильна же ваша ненависть, мессир Готье! Ведь у пленника ещё молоко на губах не обсохло.

– Но у него рука твёрже и взгляд зорче, чем у любого вашего лучника, сеньор Ангерран! – Капитан злобно расстегнул свой кожаный гамбизон и спустил полотняную рубаху, обнажив плечо, на котором багровел звездообразный шрам. – Неправда ли, мастерская работа, мессир Ангерран? Верьте мне, волчатам такой породы надо как можно скорее вырывать зубы.

Ангерран де Сир склонил хилую голову на правое плечо: после падения с лошади оно было на добрых три дюйма выше левого.

– Если это так, Готье, его казнь действительно благое дело. Вы даёте мне слово рыцаря, что земли Крамуази войдут в мои владения?

– Клянусь вам на Евангелии, мессир барон! Когда минуют эти беспорядки, дофин вознаградит каждого по заслугам. Впрочем, я мог бы вздёрнуть этого оборванца и вне ваших стен.

– Поступайте как вам удобнее, мессир, но у меня здесь нет палача.

Готье Маллере так расхохотался, что затряслись его отвислые щёки и заплывший жиром подбородок.

– За этим дело не станет! Я сам справлюсь. Соберите завтра ещё до заутрени вашу челядь – домашних слуг, конюхов, не забудьте и про стражников. Многие лучники ещё недавно ковыряли землю, так что урок будет полезен для них. Тем самым мы окажем

бескорыстную услугу и нашему дофину.

Ангерран де Сир вздрогнул от скрытой в этих словах иронии.

– Конечно, мессир Готье, конечно, поскольку король, отец его величества, – пленник в Лондоне.

Готье Маллере хрюкнул по-кабаньи и удалился не простившись. Под его шагами затрещали половицы.

Мессир Ангерран уже почувствовал, как обременительно присутствие этого гостя, который распорядился в его замке, как хозяин, требовал за столом лучшие куски дичи, топал грязными сапожищами по всем залам, расталкивая слуг и задирая стражников.

* * *

Большая крыса в нерешительности остановилась в кружке света, отбрасываемого на мокрые плиты огоньком пенькового фитиля, плававшего в плошке с маслом, и затем юркнула в темноту. Вода, по капле просачиваясь сквозь своды, образовала перед решёткой большую лужу. В ней отражались нижние ступеньки грубой каменной лестницы.

Крысиное семейство от мала до велика, задрав хвосты, пересекло лужу вплавь. Где-то далеко во мраке скрипнула дверь. Колен насторожился. В этой подземной тюрьме, куда никогда не проникал дневной свет, он утратил счёт времени. Ему казалось, что минуло бесконечно много дней с той поры, когда он очнулся за этими зловещими запорами, с мучительной болью в голове от удара, нанесённого ему Готье Маллере. Три раза в день молчаливый тюремщик, такой же мрачный, как и окружающие стены, просовывал сквозь железные прутья кружку с водой и заплесневелую корку хлеба.

– Где я и что от меня нужно Готье Маллере? – воскликнул как-то раз узник.

В ответ тюремщик лишь угрожающе потряс ключами.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Колен пытался вспомнить яркое солнце в лесу, синеватую дымку тумана над Сеной, раннюю весну, когда за оградой церкви Святого Северина распускаются почки. Что сказал бы сейчас его отец, если бы узнал о похождениях сына? Неужели Готье Маллере решил сгноить его, забытого всеми в этой яме? Мальчик содрогнулся. Нет, лучше немедленно умереть! Только разок ещё увидеть солнце! Одри не покинет его. Толстяк Вернель давно поднял тревогу.

Послышался мерный стук тяжёлых шагов по каменным плитам. Приближался кто-то чужой. Тюремщик так не ходит. Быть может, Вернель?..

– Ну как, гадёныш? Крысы не нарушали твой сон? Ба, да у тебя покраснели глаза, храбрый стрелок! Уж не плакал ли ты?

Готье Маллере, в сопровождении тюремщика и стражника, державшего факел, стоял на верхней ступеньке, широко расставив ноги и подбоченившись. В кулаке он сжимал верёвку в три фута длиной.

Колен дал себе слово молчать, но он не мог вынести издевательского тона капитана королевских лучников.

– Мои товарищи заставят тебя заплатить за все твои подлости, Готье Маллере. Вспомни мои слова, когда будешь болтаться в петле на самом высоком дубе в лесу и вороны начнут кружиться над твоей головой!

– Жаки научили тебя трепать языком, сопляк! Твои товарищи зарылись, как кроты, в лесные норы, а ты меня видишь повешенным. Право, это смешно! – Он захохотал, и его резкий смех прокатился под низкими сводами. – Эх, и позабавил же ты меня! Отопри, тюремщик, чтобы я мог хорошенько связать этого болтуна. Пусть мелет сколько влезет. В этом замке не часто смеются.

Решётка со скрежетом повернулась на петлях.

– Подойди, я свяжу тебе руки!

Колен отчаянно отбивался, но капитан живо скрутил ему руки за спиной.

– Ты ещё кусаешься, змеёныш!

Передав факел тюремщику, стражник поспешил на помощь своему командиру. Накрепко связанный Колен оказался в полной власти своих мучителей.

– Ступай вперёд! Солнце только что взошло, а мессир Ангерран не расположен ждать.

Пламя факела отбрасывало длинные тени на стены тюрьмы.

Глава девятнадцатая

Пальцы судорожно сжали лук. С того места, где он прятался, человек видел всё как на ладони. Каменные плиты огромного двора, омытые ночным ливнем, тускло поблёскивали. Сеновал, дровяной сарай, конюшня и жилое помещение при ней замыкали с трёх сторон квадратную площадь; с четвёртой стороны была часовня, а за нею западная стена замка, нависшая над Тереном. Наёмники, построенные в две шеренги, стояли лицом к слугам замка, которым Ангерран велел присутствовать при казни. Невдалеке был воздвигнут небольшой помост, на котором разместились, помимо сеньора де Сира и его супруги Эрмелины, несколько оруженосцев, капеллан замка Мелло, а также. Бод л'Экиль, бывший кюре Крамуази, вымоливший пощаду у Жаков. Виселица отбрасывала на землю зловещую тень в форме креста.

Предшествуемый стражниками, в низких дверях башни появился Колен и на мгновение задержался на пороге. Тетива лука в руке прятавшегося мужчины слегка натянулась. Он понял произвольное движение узника при этом мрачном зрелище. За спиной Колена в часовне раздались мощные удары колокола. Он был бы рад заткнуть уши, чтобы заглушить этот похоронный звон. Наклонившись, мальчик мог бы увидеть в тени, у подножия виселицы, фигуры своих товарищей, притаившихся среди челяди. Останутся ли они незамеченными до решающей минуты?

Перед взором Колена стебельки сухого сена на сеновале блестели, как пряди золотистых волос.

Колен шёл на муку твёрдым шагом.

– Бедняга, наверное, думает, что нам ничего не удалось сделать, – прошептал неизвестный. – Ну и храбрый же паренёк!

Проходя мимо, Колен плюнул у ног сеньора Ангеррана, и тогда здоровенный стражник, который вёл мальчика, дёрнул за верёвку, чтобы принудить его опуститься на одно колено.

Кто-то из стражников принёс лестницу. Колокол пробил в последний раз, и наступила гнетущая тишина.

– Проси у неба отпущения грехов! – громко произнёс, приблизившись к виселице, капеллан Мелло.

Готье Маллере сердито оттолкнул его.

– Пусть каждый из вас запомнит, – крикнул он: – так поступят со всеми Жаками, молодыми и старыми!

Человек на чердаке часовни тихо поднялся на ноги. Луч света озарил лицо Одри.

Маллере подталкивал Колена Лантье к лестнице, тот упирался изо всех сил.

– Ко мне, Жаки!

Этот грозный клич, казалось, донёлся с неба.

Первая стрела пронзила сердце сеньора Ангеррана. Он упал ничком, стукнувшись лбом о помост. Перепуганные наёмники и не подумали прийти ему на помощь. В панике каждый заботился только о своём спасении. Не менее десятка стражников корчилось на земле в предсмертных судорогах, оставшиеся в живых бросились к выходу, но чьи-то таинственные руки заперли ворота, и весь гарнизон Мелло очутился в западне на этом дворе, окружённом высокими строениями.

Зажигательные стрелы попали на сеновал, и огонь быстро распространился по сложенному здесь сену и мешкам с овсом. Горький дым ел глаза.

– Ко мне, Жаки! В часовню, Колен, скорее в часовню!

Время от времени раздавались слова команды. Жаки поспешно занимали крыши сарая, конюшни, караульни и чердак над часовней.

Госпожа Эрмелина упала без чувств на труп своего благородного супруга. Готье Маллере, увидев, что игра проиграна, исчез, как в воду канул, а немногие наёмники, уцелевшие под тучей искусно нацеленных стрел, пущенных искусными руками, молили сохранить им жизнь. Капеллан и Бод л'Экиль лежали на плитах, притворившись мёртвыми, и возносили молитвы богу.

Пожар разгорался.

Повинуясь зову Одри, Колен перебежал через двор. Никто не пытался его остановить. В часовне он попал в объятия Вернеля.

Вздохмаченный, почерневший от сажи, Толстяк был вне себя от досады.

– Проклятый боров опять ускользнул от меня. А я приготовил для него стрелу. Только бы мне найти этого Маллере! Уж я выпущу из него кишки!

Сноп искр рассыпался во дворе.

Одри опустился с колокольни на верёвке большого колокола. Каждая морщина на его лице смеялась.

– Ну, Колен, здорово мы их накрыли! Что скажешь?

Крыша сарая, сорванная огненным вихрем, упала с ужасным грохотом.

Одри трижды протрубил в рог. Лёвой рукой он обхватил за плечи Колена. Мальчик тихонько всхлипывал.

– Поплачь, Колен, поплачь! Слёзы облегчают и успокаивают.

Один за другим товарищи Одри входили в часовню. Он удовлетворённо бросил последний взгляд на объятый пламенем замок.

– Идём, волки, идём! Пора! Мы покажем тебе, Колен, любопытный ход, скрытый под древесными корнями. Старый пастух указал нам его начало в лесной чаще, и, видит бог, мы потрудились всю ночь, чтобы тебя можно было освободить.

Одри приподнял тяжёлую плиту позади алтаря. Во мраке показались ступеньки винтовой лестницы.

– Дай-ка руку, в подземелье темнее, чем в могиле. Сейчас я зажгу факел. Торопитесь, друзья, пока не обрушился замок!

Толстяк Вернель спустился последним.

– Я никак не возьму в толк, – ворчал он, – куда мог скрыться этот боров?

Немного погодя в исповедальне с полу поднялся Готье Маллере. Мессир Ангерран погиб. Колен Лантье ушёл в леса. Весь Бовези действительно охвачен мятежом. Необходимо спешно раздобыть доброго коня и скакать без усталости до Компьена, где находится дофин.

Глава двадцатая

Солнечный свет превратил в мраморные колонны высокие стволы деревьев, и его яркие

лучи золотыми струями стекали по кустам орешника и остролиста, стиснутых между корявыми дубами и гладкими буками. Стояла такая тишина, что можно было услышать падение жёлудя в траву.

Иногда дикие сизокрылые голуби тяжело поднимались из гнёзд, запрятанных в недрах дубовой листвы, и долго потом трепетали ветви, и густая листва тихо шелестела, как журчащий ручеёк.

Одри и его товарищи спешили в Руселуа. Гийом Каль прислал к ним гонца с приказом прибыть как можно скорее на старую мельницу, где он создал нечто вроде военного лагеря. Вернель никак не мог успокоиться.

– Ах, Колен, если бы ты мне только сказал, что этот боров в кожаном гамбизоне – капитан королевских лучников, я не спускал бы с него глаз. Подумать только – капитан королевских лучников! Мне никогда больше не затравить такого зверя!

Колен весело смеялся. После мрака темницы жизнь казалась ему прекрасной.

– Ты ещё встретишь его, Вернель! Готье Маллере занимает столько места и производит такой шум, что не может оставаться незамеченным.

Около полудня маленький отряд достиг мельницы на склоне холма. Примятая трава и растоптанный папоротник красноречиво свидетельствовали о царившем здесь оживлении. Двое часовых, сидя на верхушке дерева в ста футах над землёй, не спускали глаз с дорог, пересекавших равнину. Всадник, весь покрытый пылью, остановил коня у мельничного шлюза. Он, должно быть, проделал длинный путь, так как грудь и бока его лошади были в пене.

– Армия сеньоров, под командованием Карла Наваррского, вышла из Компьена, – крикнул он, прежде чем скрыться в мельнице.

У Колена кровь застучала в висках.

– Ламбер был прав, когда говорил, что Карл Наваррский не стоит и ломаного гроша. В прежние времена он попивал ячменное пиво с простыми людьми и почём зря бранил дофина. Краснобай! А нынче Карл, вместе со своими наваррцами и английскими союзниками, идёт под королевским знаменем против бедного люда. Будь он проклят!

– Великий страх помирил Карла Наваррского и дофина. Так поступают дикие кошки. Они рвут и кусают друг друга, но стоит появиться в ветвях рыси, как они дружно набрасываются на неё. Там, где пройдёт эта армия, останется пепелище.

– Твой голос звучит горестно, Одри! Ты не веришь в нашу победу?

Мятежник поднёс руку ко лбу, как бы стремясь отогнать дурные мысли.

– Пойдём, Колен! Нас зовёт Гийом Каль, а тем временем Вернель приготовит обед.

– Ноги лани не хватит на тридцать голодных желудков! Этого маловато, Одри, – прервал его Толстяк.

Гийом Каль беседовал с гонцом. Он указал Колену и Одри на грубые скамьи. За последние дни у вождя Жаков от забот и усталости ввалились щёки, но взгляд оставался по-прежнему живым и ясным. В этом железном человеке чувствовалась энергия, способная противостоять любым испытаниям.

– Нам предстоят тяжёлые бои, Тибо! Скажи жителям Бове, чтобы они не отчаивались. Многое изменится от этого великого похода. Власть сеньоров сильна, но вера крестьян в победу сильнее.

Не глядя больше на гонца, он заговорил вполголоса, словно желая яснее постигнуть ту правду, которую прозревал в будущем.

– Да, всё это не пройдёт даром. Сто тысяч крестьян, шедших с луком и рогатиной на врага, никогда не забудут, что они держали в своих руках Бовези. И дети будут знать об их подвиге.

Гийом Каль быстро овладел собой.

– Иди, Тибо, и передай им также, что Этьен Марсель обещал нам военную помощь и парижане готовятся нас поддержать.

Посланец из Бове вышел. Когда Гийом Каль узнал о захвате замка Мелло, он не мог

сдержат свою радость.

– Стервятники потеряли ещё одно из своих гнёзд, Одри! Менее чем за десять дней пало пятьдесят неприступных башен. Город Мо в наших руках. Ремесленники открыли Жакам городские ворота. Каменщики, жестянщики, шерстобиты, ткачи, объединившись с нами, обратили сеньоров в бегство. Дворянские особняки покинуты. Монастыри и дома духовенства опустели. Я хотел бы, чтобы ты пошёл туда со своими людьми, так как Карл Наваррский не замедлит повести войско на Мо, а его дружки, французы или англичане, наваррцы или генуэзцы, разграбят город. Это было бы ужасно. Наша крестьянская армия должна защитить Мо. Если дофин увидит, что у нас острые зубы, он вынужден будет начать переговоры и принять наши условия. Крестьянам надо сеять, оборонять, убирать урожай, а не воевать без конца.

– Мы сделаем всё, как ты велишь, Гийом.

– Нельзя терять ни минуты, хотя вы в пути с раннего утра и люди нуждаются в отдыхе. В Мо ты обратишься к Пьеру ле Лувье. Это человек смелый, но порядком безвольный.

Одри хлопнул ладонью по столу.

– Дорога нас не страшит. К тому же отсюда до Мо не более двенадцати лье, если идти напрямик. Что скажешь, Колен?

– Я готов в путь.

Одри встал. Лицо было хмуро. Его мучила скрытая мысль. Гийом Каль заметил его тревогу.

– Ты чем-то озабочен, друг? Говори без утайки.

– Ладно! Так вот: я не верю в помощь парижан. Этьен Марсель ненавидит дофина, но он боится крестьянского люда. Мы очень далеки от него. У Марселя дворцы, богатства, слуги, а что у нас, Жаков, чем мы владеем? Горем и нищетой.

– Я совершенно уверен в помощи Парижа. Мессир Пьер Жиль ведёт на Корбей большое войско.

Одри с сомнением покачал головой.

– Будем рассчитывать на самих себя, Гийом, на наши луки и стрелы, на наши преданные крестьянские сердца!

Он положил твёрдую руку на плечо Колена.

– Пойдём посмотрим, готово ли жаркое. По крайней мере, ты, Колен, не отмериваешь свою помощь!

От волнения горячие слёзы навернулись на глаза мальчика.

– Клянусь, Одри, что бы ни случилось, я останусь с тобой до конца!

Глава двадцать первая

Рынок в Мо славился в восточной части королевства не менее, чем рынок в Провене. В мирные времена купцы из Фландрии, Бургундии, Ломбардии встречались здесь с торговцами Шампани и всех других провинций страны. Город процветал. Вокруг высокой церкви аббатства сгрудились добротные построенные дома с остроконечными крышами. Аббат Мо с неприязнью следил, как развивалась и крепла торговая каста оппозиционно настроенных, хитрых и строптивых горожан. Купцы спорили с ними из-за каждой повинности и пользовались его острой нуждой в деньгах, чтобы добиваться всё новых и новых привилегий. Они опирались на многочисленных, зависимых от них ремесленников и перевозчиков, водивших баржи по Марне. Это были непокорные, горячие люди, готовые в любую минуту ударить в набат. Жакерия открыла им возможность требовать от аббата новых льгот, и поэтому они заключили союз с мятежниками.

Утром 9 июня на рыночной площади царил небывалое оживление. Торговцы зеленью и фруктами, поставив у ног корзины, во весь голос расхваливали свой товар. Рыбаки продавали свежую и копчёную рыбу, а грузчики катили в таверны бочку вина. Пьер Жиль и его парижане, вошедшие накануне, среди восторженных приветствий, в город, пировали в

лучшем трактире, и отовсюду сбегались жители посмотреть на них.

– Какие красавчики, какие душки! – приговаривала одна из кумушек, изо всех сил вытягивая шею. – Поглядите, какие у них шапки!

– Да, соседка, синие с красным, это цвета Парижа.

– Что за осанка! Какой гордый вид! Посмотрите-ка вот на того великана с крючковатым носом. Ей-богу, мышь может пролезть в его ноздрю. А этот чернявый, что поёт и жадно лакает пиво. Неужели они все такие пригожие в Париже?

Толстый весельчак, стоявший у порога, прервал её:

– Нечего вам так млеть, матушка. Мы из Мюльсена не хуже этих молодцов.

Почтенная матрона поднесла руку к волосам и выразительным движением показала, будто давит вошь.

– Вы, вы из Мюльсена!.. – И, не находя слов, чтобы выразить своё презрение, крикнула: – Всё-таки не вы, а парижане пришли защищать наш город!

В трактире громко пели. Мессир Пьер Жиль уверял Пьера ле Лувье, что Карл Наваррский должен теперь дрожать за свою шкуру. Первая победа у стен Сийи в Мюльсене над незначительным отрядом наёмников вскружила ему голову.

Жаки, вооружённые луками, пиками, старинными мечами, слонялись по площади, сами дивясь, как легко они овладели этим прекрасным городом. Сейчас, когда им нечего было делать, они грустили о своих деревнях, о своих близких и беспокоились о неубранном сене. После весенних дождей под жарким летним солнцем раньше обычного созреют хлеба, а хозяев не будет дома, чтобы убрать урожай. Крестьяне не понимали, зачем они остаются здесь, когда сеньоры бежали, и среди этих высоких чуждых стен их охватывала глубокая тоска.

Вдруг от городских ворот в ужасе хлынула толпа. Позади бегущих нарастал глухой шум, сопровождаемый дробным цокотом копыт.

– О горе, это они, мы погибли! – истошно завопила какая-то женщина.

Крупный отряд конницы под командованием графа де Фуа внезапно проник в плохо охраняемый город. «Монжуа Сен-Дени!»⁴⁹ – яростно вопили сотни глоток, нарушая покой

---

⁴⁹ «Монжуа Сен-Дени!» – боевой клич французских королевских войск в средние века.

ясного июньского утра. Первые всадники, действуя мечами, уже смяли разбегавшихся горожан, когда основная масса отряда ещё находилась за городскими стенами.

Граф де Фуа, неважный вояка, приподнявшись на стременах и кривя в злобной усмешке рот, подстрекал своих людей в этом неравном бою.

– Бей и грабь без пощады! – рычал он, разжигая звериную злобу своей банды.

Глава двадцать вторая

Колен и Толстяк Вернель, назначенные в разведку, шли на сотню шагов впереди своих товарищей. Едва заметная тропинка была проложена среди папоротников и низкорослого кустарника. Почва заметно поднималась.

– Когда мы дойдём до гребня холма, Колен, ты не пожалеешь, что проделал этот путь. Мо, как драгоценный камень, сверкает среди равнины, а воды Марны омывают его. Это превосходный город, и туда стекаются богатства разных стран. Из Фландрии идёт полотно, из Шампани – шерсть, а из Бургундии – вино, вкуснее которого никто не пивал.

Весёлый стрелок даже причмокнул от удовольствия и приготовился продолжать рассказ, как вдруг на тропинку у вершины холма вышла старая женщина, таща за собой ребёнка.

Увидев Жаков, она пронзительно вскрикнула и хотела броситься назад.

– Что с вами, матушка? Мы ведь не волки и не съедим вас, а вы не молоденькая пастушка, чтобы так прыгать.

Старуха прижала к себе ребёнка, её худые плечи содрогались от беззвучных рыданий.

– Полно, бабушка, мы не людоеды и не англичане. Мы идём в Мо, чтобы помочь его жителям.

Женщина шагнула вперёд и упёрлась руками в грудь Вернеля, как бы пытаясь задержать его.

– Ступай скорей назад, сынок! Жителям Мо больше не нужна ничья помощь.

Крупные слёзы катились по её жёлтому, как пергамент, лицу. Ребёнок заплакал.

– Пришли войска, и... господа, помогите мне! Никогда я не видела такой резни. Сеньоры убивали взрослых и детей. Улицы устланы мёртвыми и умирающими. Наёмники повесили Пьера ле Лувье, вождя Жаков, а потом изрубили его мечами. Они были разъярены, как черти, и, не пощадив при грабеже ни одного дома, ни одной лачуги, подожгли потом всё, кроме церкви и домов священников. Кто-то сказал мне, что там убито более пяти тысяч человек. Кровь текла по рыночной площади, как виноградный сок в давильне.

Она больше не в силах была говорить и, упав на траву, вцепилась пальцами в стебли папоротника.

Колен бережно поднял её и отдал ей ребёнка.

Подоспел Одри и его спутники.

– Отчего стонет эта старуха и скребёт ногтями землю?

Вернель молча протянул вперёд руку.

Дымовая завеса окутывала Мо, который алел под этой чёрной мантией. Более двадцати очагов пламени пожирала верхний и нижний город. Иногда извивающийся клубок огня внезапно раскручивался, и тогда длинные красные языки вздымались над шпилем колокольни. Колен и его товарищи с болью в сердце, стоя на вершине холма, наблюдали агонию этого города, который несколько дней был столицей Жакерии. Ветер повернул в их сторону и принёс душливый запах гари.

Одри с удручённым видом медленно обернулся.

– Мы опоздали. Нужно спешить в Клермон. Гийому Калю скоро понадобится наша помощь.

* * *

Англичанин широко разинул рот, судорожно глотнул воздух и уронил лук. Блестящий шлем звякнул о камень и откатился на несколько шагов. Волосы убитого были медного цвета, и Колен вспомнил Перрена Леру, прозванного Рыжим, злого духа Готье Маллере. Что с ним стало с той поры? Мальчик положил на тетиву новую стрелу.

События последних дней превратили восторженного подростка в мятежного юношу. Зверства сеньоров пробудили в его сердце такую жгучую ненависть, что он с трудом сдерживал себя. Вдруг в нескольких дюймах от его плеча в ствол дуба воткнулась стрела. Колен пригнулся, чтобы высмотреть англичанина, который избрал его мишенью, но Одри опередил его, ранив англичанина стрелой в бедро. Тот побежал, пронзительно крича. Вторая стрела уложила его на месте. Засада окончилась успешно. Жаки, прячась в густых зарослях и за толстыми стволами, перебили небольшую партию английских лучников, направлявшихся в Санли. Каждая стрела попала в цель. Большие мухи уже жужжали над опустевшей дорогой.

Нужно было уходить. Разведчики сообщили о приближении крупного неприятельского отряда. Он шёл под знамёнами герцога Нормандского. Авангард составляли пятьдесят английских лучников. Вернель от досады заскрипел зубами.

– Вот они все и помирились – Нормандия и Фландрия, Пикардия и Англия, дофин и Карл Наваррский – и готовы теперь, как коршуны и ястребы, налететь на несчастный народ.

На обратном пути встречные люди делились с ними ужасными вестями, передаваемыми прохожими из уст в уста. В Юрепуа сто пятьдесят крестьян были преданы смерти. В Пикардии все жители Жерберуа были перерезаны, за исключением трёхсот, которых фламандские сеньоры заживо сожгли в монастыре.

Одри, Колен и их товарищи отказывались верить подобным слухам. Они спешили к Клермону, куда Гийом Каль созывал Жаков. И всё же в их сердца постепенно закрадывалось сомнение. Стрелки Одри нападали на англичан, но их самих дважды атакывали отряды наёмников близ селений, которые, по расчётам путников, должны были находиться в руках восставших. При каждой стычке они теряли несколько человек.

Земля Бовези кишела наёмниками, как майскими жуками весной.

Иногда Колен ловил во взгляде того или иного из своих спутников тусклый огонёк тревоги. Только Одри и Вернель сохраняли упорную, несокрушимую веру.

– Ах, если бы Этьен Марсель двинул своё войско! Как бесстрашно встретили бы они любые наёмные отряды Карла Наваррского.

Порой им казалось, что лес сжимает их в коварных объятиях. Как-то вечером они прошли через сожжённую деревню. Зола ещё не остыла, и от раскалённых развалин веяло жаром.

– В середине ночи, – сказал Одри, – мы придём в Нуантель, где находятся отряды Гийома.

– Дай-то бог, чтобы мы их там нашли! – уныло ответил Вернель.

– Как, и ты, Вернель? – упрекнул его Колен.

– Я боюсь не за себя, Колен. Жизнь или смерть какого-то Вернеля ничего не значит по сравнению с нашим великим делом. Я боюсь за других – за крестьян, поднявших пики и топоры. Ведь если мы не победим, они завтра могут оказаться безоружными в когтях сеньоров.

– Не победим? Чёрт побери, Вернель! Но ведь мы ещё не побеждены!

Толстяк отвернулся, не ответив ни слова. Колен поклялся бы, что видел, как на глазах его друга сверкнули слёзы.

Нуантель казался вымершим. Безуспешно стучались они во многие знакомые дома. Наконец на самом краю селения приоткрылась дверь.

– Что вам нужно? – испуганно спросил старик. – Чего вы ещё хотите?

– Мы идём на соединение с Гийомом Калем и его отрядом.

– Несчастные! Так вы ничего не знаете? Горе нам!

– Говори! Не томи! – нетерпеливо воскликнул Одри.

– Погоди, не торопи меня. Принц Наваррский известил нас, что готов вступить в переговоры с Гийомом, чтобы прекратить крестьянскую войну. Встреча должна была состояться перед крепостными рвами Клермона.

– И Гийом согласился? – прервал его Колен.

– Гийом согласился. Он сказал, что переговоры – дело выгодное и лучше спорить, чем продолжать войну, от которой больше всех страдает народ. Карл переслал ему пропуск, и Гийом ушёл один.

– Не потребовав заложников? Но это безумие!

– Гийом говорил, что с ним ничего не может случиться, потому что он выступает от имени всех.

– Дальше! Что же дальше?

Землистое, морщинистое лицо старика страдальчески передёрнулось.

– Пока Гийом вёл переговоры, принц вероломно напал на Жаков. С ним были его наваррцы, французы, фламандцы и все англичане капитана Серкота. Наши отважно бились, но им не хватало и оружия, и умения. Да, война не наше дело!

– И много убитых?

Одри произнёс эти слова чуть слышно, стараясь сдержать лихорадочное волнение.

– Говорят, что косогор и поле – это сплошное кладбище. И вот, когда всё уже, кажется, было кончено, два мельника, покрытые ранами, распахнув рубахи на груди, пошли на врага.

– Братья-мельники, – прошептал Колен, – Рауль и Пьер.

Старик не расслышал.

– Подойдя на расстояние выстрела из лука, они стали плечом к плечу и снова пошли вперёд. Дворянин, по имени Готье де Маллере, зарубил обоих, а они и не пытались защищаться.

Колен, силясь не разрыдаться, впился ногтями себе в ладонь.

– Что же стало с Гийомом Калем?

– Карл заковал его. Крестьяне из Нуантеля видели, как Гийома на тележке везли в Клермон. Он смело смотрел на своих палачей. Ну, а теперь ступайте, я помолюсь за Гийома Каля, он был праведник.

Старик закрыл дверь, и шум его шагов стих во мраке.

– Скорее в лес, друзья! – вполголоса проговорил Одри. – Быть может, завтра у нас будет много дела.

Багровая туча перерезала небо над Клермоном, и в предрассветной мгле Колен увидел маячившую на плоскогорье каменную громаду крепости.

Глава двадцать третья

Двойной ряд воинов с трудом сдерживал натиск толпы на городской площади Клермона в Бовези. Длинная цепь вооружённых стражников окружала сотни местных жителей, которые пришли сюда по приказу Карла Наваррского, действовавшего от имени дофина. Под страхом тяжких наказаний за мятеж их обязали присутствовать при казни Гийома Каля, «главаря разбойников». Об этом на всех перекрёстках возвещали глашатаи.

У городской ратуши, построенной Карлом Четвёртым, стоял наготове отряд наваррских лучников. По Клермону ходили слухи, что народ не допустит смерти своего вождя, чьё имя вошло уже в золотую сокровищницу народных легенд среди имён святых мучеников. Тайком передавали друг другу, что в городе скрываются вооружённые Жаки. Гийом Каль не должен погибнуть. Пылкая фантазия и любовь народа к своему герою наградили его такими добродетелями, что любое чудо показалось бы вполне естественным.

По толпе прокатился негодующий ропот. Кое-где раздались возмущённые и испуганные крики. Два палача, одетые в красное, в узких штанах и остроконечных шапках, развели под решёткой костёр из поленьев и торфа. Воины древками копий подталкивали

вперёд зрителей в первых рядах, а встревоженные наваррские стрелки вертели во все стороны головами, похожими на головы хищных птиц. Шум, должно быть, привлёк внимание наёмников из личной охраны графа Клермонского, так как над зубцами крепостных стен вдруг поднялось множество стальных шлемов.

– От страха у них поджилки дрожат. Поглядите, сколько нагнали стражи!

– Тише, соседка, тише, если нас услышат...

– Они не помешают мне высказать всё, что у меня на душе. Разве можно помешать жаворонку петь, а реке – течь? У женщины сердце смелее, чем у мужчины, куманёк!

– Тише, соседка!

– Да замолчите вы оба! Стыдно болтать пустяки. Дело идёт о жизни человека.

– И какого человека! Ведь они только коварством захватили его.

– Говорят, его пытали в оковах.

– Этот человек слишком велик для них. Это лев, и они всё ещё боятся его.

– Все думают, как вы, кум. Тсс... нас подслушивают!

Наёмники, грубые и заносчивые, чувствуя затаённую в народе вражду, сновали по рядам.

Толпа расступалась, пропускала их и снова смыкалась, как речная вода.

– Это был святой или пророк, он предвещал новые времена.

– Он говорил: «Крестьяне имеют право на счастье. Они сеют, а урожай достаётся не им.

Они выращивают виноград, а пьют простую воду. Они подрезают деревья, а их стегают прутьями с тех же деревьев».

– Посмотрите на этих людей в красном. Они раздувают огонь, как черти в аду. Помолимся, братья, помолимся!

– К чему молиться? Вырвем лучше пики у стражников.

– Ты хочешь, чтобы нас перерезали? Мы безоружны, а в городе около двух тысяч воинов, да ещё неизвестно, сколько их в замке.

Иногда ругань и угрожающие окрики стражников заглушали неясный шум голосов над площадью.

Внезапно наступила зловещая тишина.

В извилистом переулке, ведущем от Нуантельских ворот, показалось шествие. Впереди на коне ехал герольд. За ним шли лучники в железных кольчугах, с обнажёнными мечами в руках. Лес стальных клинков поблёскивал в полумраке узкой улицы. Протяжное пение монахов несло над кортежем, то усиливаясь, то замирая.

– Вот он! – вырвался горестный крик из уст толпы.

Всё умолкло. Какая-то женщина разрыдалась.

– Боже, как он бледен, посмотрите, они ведь волокут его!

Хотя Гийом Каль и опирался на двух сержантов, он был на голову выше окружающих стражников. Густая чёрная борода облагораживала прекрасное строгое лицо, измождённое страданиями в тюрьме. Каль медленно обвёл взглядом площадь, как бы стремясь запомнить лица этих простых людей, за которых боролся. Развязанный и поставленный на эшафот, вокруг которого суетились палач и его подручные, он устремил взгляд вдаль поверх рядов наваррцев и стен ратуши. Мирную долину перерезали ряды стройных, озарённых золотистым светом тополей, тянувшихся до синеватых холмов Руселуа. Тепло утренних солнечных лучей предвещало ясный день. После зловонного застенка Гийом Каль всем своим существом наслаждался красотой лета. Никогда земля Бовези не казалась ему столь прекрасной, а воздух – таким чистым. Полной грудью вдыхал он земные испарения, запахи трав, аромат цветов, и это была последняя дань любви родному краю.

Гийом едва ли сознавал, что сержанты уже передали его палачу и что помощники этого человека в красном завладели им. Он видел плаху, топор, раскалённый добела треножник. Они так жестоко пытали его, что теперь его не страшила никакая боль. Всё его тело, избитое, исколотое, обожжённое, было сплошной раной.

Перед эшафотом какой-то тучный капитан с явной радостью следил за приготовлениями к казни.

Где Гийом видел это лицо? Сколько их промелькнуло перед ним за последние дни! Карл Наваррский и его приближённые, важные сеньоры и жирные аббаты, должно быть, смотрели на казнь с крепостных стен.

– Скоро тебя коронуют, босяцкий король! – крикнул капитан.

За цепью солдат Гийом увидел лица женщин и мужчин, искажённые горем. Его душа переполнилась безграничной любовью к этим труженикам, любовью, которая облегчила ему предсмертные муки. Добрые, честные крестьянские лица!

Топор блеснул на солнце. Перед глазами всё заволочло красным – солдатские шлемы, тополя и небо.

Кровь широкой струёй хлынула из запястья. По обычаю, палач отсёк своей жертве правую руку, и снова как бы издалека донёсся голос капитана:

– Ты хотел стать королём? Вот тебе и корона, король Жаков!

Палач нахлобучил ему на голову раскалённый треножник. Каль испустил единственный пронзительный крик, который слился с отчаянным воплем толпы. Губы его задрожали.

– Он молится! – зашептали со всех сторон.

Но он не молился. Позднее палач передал его слова: «Всё это свершилось Недаром. Горсть добрых семян, брошенных в почву, не пропадёт». Палач рассказывал также, что лицо несчастного исказилось от ужасного ожога, но на устах блуждала улыбка. Толпа стояла слишком далеко от помоста, и никто не мог подтвердить достоверность этих слов. Помощник палача подтолкнул Гийома к плахе, и палач отрубил ему голову.

Толпа рыдала. Жизнь не успела ещё покинуть это доблестное сердце, как толстый капитан королевских стрелков рухнул на землю. Стража бросилась к нему: две стрелы пронзили его насквозь.

– Мессир Готье Маллере мёртв! – растерянно воскликнул один из стражников, охваченный безграничным страхом.

– Те, кто убил капитана, умеют обращаться с луком! – пробормотал другой стражник.

Острым взглядом он осмотрел фасады и крыши ближайших домов.

– Помоги мне лучше унести труп, – проворчал его товарищ. – Мужики уже поговаривают о чуде.

На эшафоте палач поднял голову Гийома Каля и осторожно опустил её в кожаный мешок.

Эпилог

Одри уводил Колена и Вернеля через огороды и виноградники. Все трое бежали пригнувшись. Они не пытались скрыть горькие слёзы, катившиеся у них по щекам. Из чердачного окна на городской площади все трое смотрели на последние муки и казнь Гийома Каля.

Оставив товарищей в Нуантельском лесу, чтобы они разбили лагерь, друзья два дня назад пробрались в Клермон, надеясь как-нибудь вызволить вождя Жаков. Отдавая себе ясный отчёт в опасности этого дела, они готовы были на всё, лишь бы вырвать Гийома из рук мучителей. Но было уже поздно. Они не знали, что Гийом Каль не предстанет перед судом. Охраняемый денно и ночью в смрадной камере, он выйдет из неё прямо на эшафот, а, по приказу Карла Наваррского, жителей города оповестят о казни не раньше чем за три часа.

– Сегодня вечером этот боров Маллере не попирует с сеньорами, – сказал Вернель. – Я тоже давно заготовил для него стрелу. Почему ты не подстрелил кого-нибудь другого, Одри? Ведь вокруг помоста было немало дичи.

– На этот раз капитана нельзя было упустить. Колен скоро возвратится в Париж, и Готье Маллере, лёжа в могиле, никому не расскажет, что наш парижанин был с Жаками во время их восстания.

– Но ведь Париж вольный город, Одри!

– Этьен Марсель не ответил на наш призыв. Мы разбиты. Придёт и его черёд. Войско сеньоров уже идёт туда. Оно скоро осадит Париж.

Они взобрались на поросший папоротником бугор и спустились в ложбину. Между деревьями ещё виднелась Клермонская башня. На противоположном склоне зелёные волны дубовой листвы колыхались, уходя к горизонту.

Колен Лантье глубоко вдохнул свежий воздух, напоённый ароматами леса.

– Я не хочу возвращаться в Париж. Поймите меня, Одри и ты, Вернель. Несмотря на проигранную битву, вы будете вести вольную жизнь.

– Вольную, но суровую, – возразил Одри.

– И опасную, – добавил Вернель.

– Я знаю, что вы мне поверите, друзья. Я теперь видел такую безысходную крестьянскую нужду и такой произвол сеньоров, что уже не могу вас покинуть. Быть может, мы сумеем хоть чем-нибудь помочь этим бедным людям.

– Близятся кровавые дни, – сказал Одри. – Оставайся с нами, Колен. Позднее решишь, как поступить дальше. Твой ум и твоя рука нам пригодятся.

Вспорхнула птица, разорвав, как шёлковый занавес, неподвижную листву деревьев. В последний раз юноша обернулся к Клермону. Полуденное солнце не разогнало тёмных туч, нависших над башней.

– Прощай, Гийом, прощай, верный друг! – взволнованно прошептал Колен.

И вслед за Одри и Вернелем он скрылся под сенью громадных дубов.